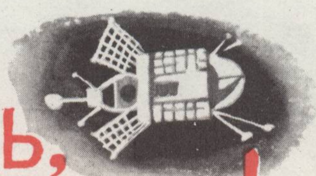
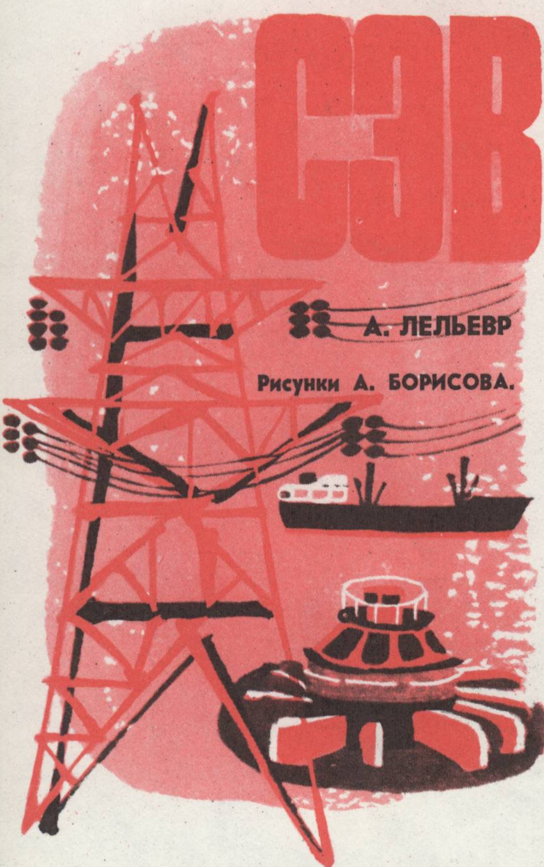
ПИОНЕР 4
АПРЕЛЬ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пусть пишет время
Ленина портрет
И каждый день
Штрихом ложится
Новым.
И светом ГЭС,
И запуском ракет
К нам в жизнь
Приходит
Ленинское слово!

СЭВ ДРУЖИТЬ, ПОМОГАТЬ, СОТРУДНИЧАТЬ!





А. ЛЕЛЬЕВР

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ты не спутаешь венгерский автобус «Икарус» ни с каким другим. Он похож на большого доброго слона. Садись, приглашает он, подвезу.

В магазине игрушек продаются синеглазые красавицы — куклы из ГДР. У твоего соседа по парте школьный портфель со множеством кармашков и блестящих замков. Его изготовили в Польше.

У твоей мамы недавно появились новые сапожки. Если заглянуть внутрь, можно увидеть знак фирмы «Цебо» и надпись: «Чехословацкое изделие». Маме сапожки нравятся. И тебе тоже.

В Болгарии и Польше, Венгрии и Чехословакии твои товарищи крутят рычажки транзисторов «Рига-103» и «Океан», щелкают затворами фотоаппаратов «Зенит» и «Зоркий», и на руках у них наши советские часы «Секунда», «Восток», «Слава».

Ходят по Дунаю и Висле советские речные суда. Днем и ночью вращаются гигантские советские турбины, дающие энергию и свет домам, заводам, фабрикам в Познани и Галле, в Будапеште и Брно, в Пловдиве и Плоешти.

Ты знаешь: дружат люди — во всем помогают друг другу. Дружат страны — тоже во всем помогают друг другу.

Почему важна нашим социалистическим странам взаимная помощь?

В мире давно идет соревнование. Острая, напряженная борьба капитализма и социализма: кто кого? Решает в этой борьбе экономика — производство хлеба, автомобилей, одежды, металла, машин... Чья экономика окажется сильнее, тот и победит. Кто создаст больше богатств, тот и решит исход борьбы.

Что такое СЭВ?

Совет Экономической Взаимопомощи. Международная организация, которую создали страны-друзья, социалистические страны.

Для чего?

Для того, чтобы помогать друг другу в развитии экономики.

Стоит над Москвой-рекой, словно гигантская раскрытая книга, тридцатиэтажное здание, одно из самых красивых в нашей столице.

Это Секретариат СЭВ.

Любая из восьми стран — членов СЭВ: Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Поль-

ша, Румыния, СССР, Чехословакия, — могла бы построить такое здание. Скажем, за это взялся бы Советский Союз. Сам спроектировал дом, сам приготовил строительные материалы, сам оформил залы и вестибюли.

Социалистические страны нашли другое решение. Они договорились:

пусть проектируют здание советские архитекторы. У них больше опыта в создании высотных домов, и они знают планировку Москвы. Их работа потребует наименьших затрат; пусть скоростные лифты изготовит Чехословакия. Чехословацкие инженеры делают лифты лучше;

пусть мебель пришлют Венгрия и Болгария. Эти страны выпускают самую удобную и дешевую мебель;

пусть красочные цветные витрины выполнят польские художники. Здесь они признанные знатоки.

Приняв такое решение, социалистические страны построили здание Секретариата СЭВ быстро и затратили на него мало средств. И в то же время это здание — украшение Москвы, образец современного зодчества.

И так страны-друзья поступают во всем, за что бы они сообща ни взялись: будь то строительство нефтепровода «Дружба» или газопровода «Братство», будь то создание искусственных спутников «Интеркосмос» или научная работа в Объединенном институте ядерных исследований.

Сверхточными, совершенными станками-автоматами славится Чехословакия. Чехословацкие станки работают на заводах всех стран — членов СЭВ. И поверь: не только советские ребята знают, какой удивительный вкус у болгарских фруктовых консервов. Твои сверстники в ГДР, Польше и Монголии тоже понимают в них толк.

Страны-друзья гордятся лучшим и делятся лучшим. Каждая страна развивает те отрасли хозяйства, в которых она особенно сильна, делится тем, чем особенно богата, а получается, что сильнее и богаче становятся все.

Сейчас в каждой стране — участнице СЭВ есть все морские суда, которые ей нужны.

•

Давай представим себе, что этот номер «Пионера» вышел всего в одном экземпляре. Сколько он будет стоить? Наверно, более трехсот тысяч рублей. Много? Да, потому что его будут делать сотни людей: художники, писатели, журналисты, редакторы, наборщики, печатники, брошюровщики. Столько же людей будут трудиться и чтобы выпустить весь тираж — полтора миллиона экземпляров. Ведь типография не может

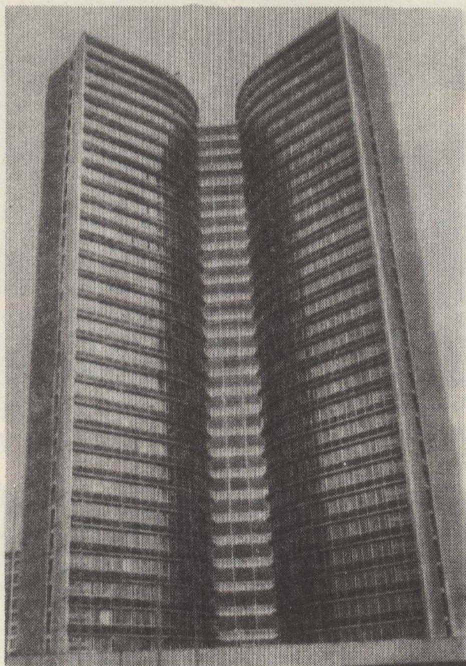
Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Издательство «Правда»
Москва 1972 г.



Здание Секретариата СЭВ.

работать себе в убыток. Если выпустить тысячу экземпляров журнала, то один номер будет уже дешевле, если печатать полтора миллиона (а машина с этим вполне справляется), он будет стоить столько, сколько стоит, — 25 копеек. Какова разница — триста тысяч рублей и двадцать пять копеек!

Так и с фотоаппаратами, и с иголками, и с автомобилями. Любому предприятию выгодно работать на полную мощность. Производить как можно больше продукции.

На своих обувных комбинатах Чехословакия может изготовлять столько обуви, что каждый житель страны, если захочет, будет иметь по сто пар сандалий, ботинок, туфель, сапог, и при этом в магазинах еще останется великое множество обувного товара. Но никто, разумеется, не покупает себе по сто пар сандалий и сапог. Как тут быть? Очень просто. Надо продавать их за границу. И Чехословакии хорошо и ее зарубежным друзьям. Ведь ее обувь самого лучшего качества.

Болгария может вырастить на своих благодатных землях столько овощей и фруктов, что их в свежем виде и в консервированном можно отправлять в большом количестве за границу.

На этой карте ты видишь энергетическое кольцо «Мир», нефтепровод «Дружба», а также предприятия, перерабатывающие нефть.

Покупать у друзей во многих случаях оказывается выгоднее, чем производить самим. Вот и получается, что и товаров у всех больше, и лучше они и дешевле.

Каждой стране, имеющей выход в море, требуется около пятидесяти типов транспортных и рыболовных судов — танкеры, сухогрузы, ледоколы, катера и много других. Но небольшие страны, такие, как Болгария, все суда строить не могут. Если бы Болгария строила свой флот только сама, то на этой работе было бы занято все болгарское население. Не было бы в Болгарии ни крестьян, ни ткачей, ни металлургов, ни киноактеров. Были бы только кораблестроители.

Поэтому страны — члены СЭВ разделили между собой корабельное производство. Болгарии поручили строить только девять типов судов, но строить их больше, чем нужно самой Болгарии, и продавать в страны, где таких

РЕ
НЕФТЕПРОВОД «ДРУЖБА»
ПОЛЬША
СССР
РУМЫНИЯ
БОЛГАРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АБ-72

судов нет. Для этого не понадобятся ни новые верфи, ни новые рабочие.

Германская Демократическая Республика будет строить десять других типов судов и тоже часть из них продавать. Польша будет строить двадцать один тип, Венгрия — один, Румыния — четыре, СССР — пятнадцать.

Сейчас в каждой социалистической стране есть все суда, которые ей нужны. И ни одна из этих стран не стала исключительно морской.

Двадцать три года прошло с тех пор, как был создан СЭВ. Двадцать три года он организует сотрудничество стран социализма, помогает им расти и крепнуть. Сегодня СЭВ решает такие коллективные задачи, которые раньше казались невыполнимыми.

Какие же?

Страны СЭВ еще не одинаково развиты экономически. Монгольская Народная Республика, например, не имеет такой мощной промышленности, как европейские страны. И друзья решают помочь Монголии. Они ставят перед собой задачу: выравнять разные уровни экономики.

Такая крепкая и дружная взаимопомощь, такое тесное объединение хозяйственных усилий называется **интеграцией**.

Как много значит интеграция, ты поймешь из такого примера. До недавнего времени у каждой социалистической страны был собственный парк грузовых вагонов. Советский Союз, допустим, вез свою продукцию в ГДР, там состав разгружался, возвращался в СССР за новыми товарами. ГДР везла свою продукцию в Чехословакию. И тоже в своих вагонах, и все вагоны обратно — порожняком. Разве это по-хозяйски? Теперь социалистические страны взяли и объединили свои вагоны в один общий грузовой парк.

Вагоны с грузом из Советского Союза в ГДР уже не возвращаются обратно. Их нагружают немецкими товарами и везут в Чехословакию. Оттуда с чехословацким грузом в Венгрию. А из Венгрии они снова едут в Советский Союз, но не пустыми, а груженными венгерскими товарами. Заметь: вагоны всегда в работе!

А вот еще один пример интеграции. Раньше каждая страна — участница СЭВ вырабатывала свою электроэнергию. Иногда ее хватало на все нужды, иногда она была даже в избытке, скажем, летом. А бывало так, что вдруг ощущался острейший недостаток. Как, например, однажды, во время наводнения в польской провинции Нижняя Силезия. Там электростанция «Туров» была вынуждена остановить работу. Вслед за ней перестали работать заводы, погас свет в домах. Хорошо, что в то время Чехословацкая энергосистема смогла передать Польше часть своей энергии. А если бы у соседней страны не оказалось в это время излишка или их линии не были бы соединены между собой?

Теперь европейские страны — члены СЭВ объединили свою электроэнергию в одну систему и назвали ее энергетическое кольцо «Мир».

Нужна, скажем, Польше дополнительная энергия, она получает ее из кольца. Энергия может поступить и из Советского Союза и из Чехословакии, а может и из двух-трех стран сразу — оттуда, где в данный момент есть излишки. Кончился в Польше час «пик» — и Польша отдает свою энергию в кольцо, а та уже идет в ГДР или СССР — туда, где она требуется. Удобно?

Интеграция — всестороннее хозяйственное сближение социалистических стран. Она помогает полнее использовать возможности социалистического строя, лучшим образом планировать хозяйство и добиваться в нем успехов.

Социалистическое содружество в противовес конкуренции капиталистов — это ли не залог победы? Экономической победы в поединке: кто кого?

Николай **АЛТУХОВ**

Накануне

Не ослабел мороз в кромешной
Настороженной мгле тайги,
А из сугробов белоснежных
Не вылупились ручейки.

Еще не вырвались из плена
Снегов и пни и валуны,
А ветви ловят, как антенны,
Сигналы первые
Весны.

Дождь

Весенний дождик,
Неба чище,
Не утихает до зари,
И, как лягушачьи глазищи,
На теплых лужах пузыри.

Летела капля, чтоб с водою
Ей слиться,
И в последний раз
Взглянула в небо голубое,
Где только-только родилась.

Музыка

На зорьке раным-рано
Встают за строем строй,
Как трубы у органа,
Сосульки под стрехой.

Звенят капели гулко
На разные тона.
Играет на сосульках
Настройщица-весна.

Мелодией чудесной
Наполнен белый свет,
И лучше этой песни,
Наверно, песен нет.

Василий **ФЕТИСОВ**

Апрель

Ах, апрель —
весна красна!
Талая водица!
Солнце
в тысячи зеркал
после сна
глядится.

На лугах
ручей бормочет,
пробивая снег и лед.

Поле
сахар белый мочит
и водицу сладко пьет.

В небе —
солнца желтый бубен,
над ручьями —
ветер буен,
брызги золотом горят!

Половодье землю будит —
все будильники звонят!

* * *

Нури **БАЙРАМОВ**

Солнышко

Я до ночи отдыха не знаю:
Для тебя я землю согреваю.
Для тебя растапливаю льды,
Наряжаю к празднику сады.

Я с утра гляжу
В твое окошко,
Зайчиком лежу
В твоей ладошке,
Целый день,
Лаская и любя,
Я сияю с неба для тебя.

* * *

Хочешь, мы с тобой
Друзьями будем?

Раздавай тепло
Хорошим людям!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Отцовские руки

Цветами вспыхнули пески
И зеленью запахли.
Без рук отцовских
От тоски они б давно зачахли.
Без них не цвел бы здесь урюк,
Не пели птицы бы вокруг,
Арыки от печали
Давно бы замолчали!
И вместо счастья снова грусть
Жила бы здесь веками...
Нет, не напрасно
Я горжусь
Отцовскими руками!
Они крепки и тяжелы,
Они жарой обожжены,
Усталости не знают.
Но как легки
И как нежны
В часы вечерней тишины,
Когда меня ласкают!

Родничок

В серебристом родничке
Слышен голосочек:
Словно бьется в кулачке
Маленький звоночек.
— Родничок мой, родничок,
Разожми свой кулачок!
Одолжи звоночек
Позвенеть чуточек!
Родничок ответил:
— Что ты!
У меня полно работы!
С чистой песенкой моей
Мне работать веселей!
Я журчу, журчу, журчу,
Не переставая!
Я все время хлопочу —
Хлопок поливаю!
Потрудись и ты, дружочек,
Зазвенит и твой звоночек!

Перевел с туркменского
Владимир ОРЛОВ.

Юрий СОТНИК

Чуть лучше

Представьте себе: машина мчится со скоростью сто километров в час. Прямо перед ней падает пешеход. Водитель в какую-то долю секунды оценивает обстановку и принимает решение: сбрасывает газ, сворачивает вправо, притормаживает, чтобы не врезаться в ползущий впереди тягач, сворачивает влево, чтобы этот тягач обойти, и снова слегка поворачивает баранку вправо, чтобы машина не въехала на левый тротуар. Все это водитель проделывает не думая, машинально и через секунду снова несется вдоль дороги.

В эти мгновения срабатывает быстрота реакции, глазомер, точность, хорошая координация движений.

Я привел самый простой пример. Такие качества необходимы и летчику, и космонавту, и людям многих других профессий, не говоря уж о спортсменах. Ученые специально занимаются этим вопросом. Их интересует: каков предел возможности человека, например, в быстроте реакции? Как изменяется скорость реакции под влиянием утомления, или большой жары, или других каких-нибудь факторов? На глазок все это не измерить, нужны точные приборы.

Когда ученые из болгарского института физической культуры увидели два таких точных прибора у советских коллег, они сразу заинтересовались ими. Но оказалось, что в лаборатории биомеханики Ленинградского института физической культуры, где сконструированы оба прибора, их изготовили в единственном экземпляре. Как быть? Руководитель лаборатории Юрий Николаевич Верхало предложил:

— Попросим помочь нам юных техников из Петроградского Дома пионеров.

Болгарские ученые удивились:

— И они сумеют сделать точные копии таких приборов?

— Сделают, — сказал Юрий Николаевич. — Там народ умелый и творческий. Я с ними работал, знаю.

И вот на одном из занятий руководитель кружка электроники и автоматики Петроградского Дома пионеров Николай Яковлевич Гурвич рассказал ребятам, с какой просьбой обращаются к ним болгарские ученые.

Витя Иванов, Саша Шумилов, Сеня Малькевич и другие кружковцы были явно польщены доверием и с увлечением принялись за дело.

Скорость и точность

На снимке Марина Малышева и Лена Насырина пробуют изготовленный ребятами темпокинестезиометр.

Вровень с латунной панелью три маленькие латунные кнопки. Они еле отличимы от панели. Испытуемый держит в руке стержень, присоединенный к проводу. Он должен с размаху попасть стержнем в одну кнопку, а в следующую секунду — в другую, а еще в следующую — в третью. Промахнулся, попал вместо кнопки на панель — на пульте у оператора вспыхивает красная лампа и срабатывает счетчик ошибок; попал правильно — вспыхивает лампа зеленая, и на счетчике верных попаданий появляется новая цифра. Чем чаще удары стержнем, тем, конечно, труднее попасть. Так испытывается глазомер, точность и быстрота движений.

Когда Николай Яковлевич объяснил принцип действия этого прибора, сконструированного в лаборатории Верхало, ребятам показалось, что в нем все совершенно, прибор остается только скопировать. Но Николай Яковлевич закончил собрание кружка словами:

— А теперь разойдемся, и пусть каждый фантазирует как ему угодно: что можно добавить, что можно приду-

мать, чтобы прибор стал еще лучше, еще удобней.

Чем больше думали ребята над темпокинестезиометром, тем больше рождалось у них идей по его усовершенствованию.

Опыты с моделью, разработанной в институте, начинались с того, что оператор подавал испытуемому команду голосом: «Начали!» Ну, а что, если испытуемого надо будет поместить в камеру, где созданы какие-нибудь особые условия: или очень высокая температура, или низкая, или разреженная атмосфера, как в горах, или повышенная влажность? Тут, пожалуй, оператор не докричится. И вот на панели прибора отвели место для сигнальной лампочки. Оператор со своим пультом может быть совершенно изолирован. Он нажмет кнопку, и вспыхнувшая лампочка сообщит испытуемому о начале эксперимента.

Еще одно усовершенствование. Старый прибор питался от сети. Наши конструкторы решили, что их прибором можно будет пользоваться на стадионе, в походе — словом, в любых условиях. В приборе появилось новое усовершенствование, автономное питание — батарея.

Казалось бы, теперь все было готово. Но у ребят оставалось ощущение, что их детищу чего-то не хватает. Долго не могли понять, чего именно, наконец догадались: не хватает ручки.

Прибор сделали переносным, значит, его надо за что-то носить. Пустяковая деталь — ручка, но только с ее появлением темпокинестезиометр стал совершенно удобным в работе.

Круг и восьмерка

Попробуйте начертить в воздухе круги одновременно правой и левой рукой. Это каждому сделать легко. А теперь попробуйте правой рукой начертить круг, а левой одновременно треугольник. Для человека с неважной координацией движений эта задача окажется весьма трудной. А хорошая координация нужна и пианисту, и шоферу, и боксеру, и космонавту.

Прибор для проверки координации движений устроен вот как. На довольно большом планшете наклеены контуры фигур, вырезанные из тонкой латуни. Справа, предположим, кольцо в несколько дециметров диаметром, а слева — большая восьмерка. В каждой руке испытуемый держит стержень с ведущим к нему проводом. Он должен одновременно провести стержнем по правой и левой фигурам, то есть правая его рука должна описать круг, а левая в это время — восьмерку. Чуть соскользнет один из стержней с металлической полоски, сразу разомкнется электрическая цепь, и прибор тут же подаст звуковой сигнал.

Юные конструкторы позаботились о том, чтобы этот сигнал звучал резко, волнующе, чтобы он заставлял испытуемого, как говорится, встрепенуться.

И еще одно весьма существенное усовершенствование внесли ребята. В институте сделано несколько приборов, на планшетах которых различные сочетания фигур. Ребята подумали: ведь дешевле и удобней построить такой прибор, к которому можно подключать разные планшеты. Так и сделали.

Лампочки и кнопки

Сеня Малыкевич решил построить еще «сверхплановый» прибор для проверки скорости реакции; такого нет в лаборатории Верхало, Сеня прочел о нем в журнале «Радио».

На маленьком пульте перед оператором четыре кнопки, а на панели перед испытуемым четыре лампочки, и перед каждой из них кнопка. Оператор нажимает одну из своих кнопок, и перед испытуемым вспыхивает лампочка. Тогда испытуемый должен мгновенно нажать именно ту кнопку, которая находится перед вспыхнувшей лампой. Оператор может включать лампы в самых различных комбинациях: то по одной, то сразу две, то сразу все, так

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

же должен работать пальцами испытуемый. Специальные электрические часы (я бы их назвал миллисекундомером) отмечают время, за которое испытуемый успел среагировать.

Но вот что не понравилось Сене в приборе, описанном в журнале «Радио». Часы включаются в момент вспышки лампы и выключаются в момент нажатия кнопки испытуемым. А лампы гасит сам оператор. Сеня рассуждал так: на точности опыта это не скажется, но испытуемого может расхолодить. Куда интересней, если лампа будет гаснуть в тот момент, когда испытуемый нажимает кнопку. И Сеня придумал устройство, которое одновременно и часы выключает и гасит лампу.

*

Прочитав эти заметки, читатель может подумать: вот, мол, какие глупые взрослые и какие умные мальчишки. Первые только и знают, что создают несовершенные приборы, а последние сразу замечают все недостатки и тут же ликвидируют их.

Так рассуждать не стоит. Еще ни один конструктор не создал машину или аппарат, который сразу оказался бы во всех мелочах совершенным.

В прошлом веке в Англии работала паровая машина, которая откачивала воду из шахты. Чтобы пар толкал поршень попеременно то в одну, то в другую сторону, возле машины всегда дежурил мальчишка. Его обязанностью было передвигать распределительный клапан, как только поршень окажется в крайнем положении. Мальчишке наскучило это дело, он соединил поршень с клапаном веревкой, и так появилось на машинах автоматическое парораспределение. Первая динамо-машина была так несовершенна, что не имела никакого практического значения. Да что там далеко ходить: все вы знаете, что такое мусоропровод в доме. Но ведь начали строить эти нехитрые приспособления лишь в нашем веке, а до этого столетиями таскали мусор ведрами с верхних этажей.

Пожалуй, все, что нас окружает, все придуманное и созданное человеком можно улучшить, усовершенствовать.

Но сможет это осуществить лишь тот, кто умеет видеть да раскидывать мозгами и стремится сделать хоть чуть-чуть лучше, чем было.

★

Кто на заре встает, того заря золотом осыпает

Председатель колхоза имени Суворова, Белгород-Днестровского района, Одесской области, Андрей Михайлович САВЕНКО сказал на БОЛЬШОМ ОБЩЕМ СОВЕТЕ вот что:

В 1945 году, перед самым окончанием войны, мне исполнилось десять лет. Там, где побывали гитлеровские оккупанты, все было разграблено. На лошадях ахали, на лошадях боронили, лошадей впрягали в жатки. Ухаживали за лошадьми и работали на них пионерские звенья.

С самой ранней весны и до поры, когда свозился на ток последний сноп пшеницы, мать будила меня словами: «Вставай, сынок! Кто на заре встает, того заря золотом осыпает».

От работы в поле мы действительно были покрыты золотым цветом загара.

Я не принадлежу к тем, кто то и дело всплескивает руками: «Ах, ребята переутомились! Ах, ребята могут устать!» По-моему, нет человека более счастливого, чем человек усталый.

Я хорошо помню свое детство и радость, которую давал нам труд, и теперь, как председатель колхоза, часто обращаюсь за помощью к пионерам нашей Петровской школы. Петровские школьники помогают колхозникам полоть кукурузу, работают на току, участвуют в сборе винограда. После хорошего труда даже обыкновенная вода приобретает особый, ни с чем не сравнимый вкус. И когда в жаркий день на току я вижу, как ребята с наслаждением пьют воду и у них стекает по подбородку прозрачная струйка, то едва удерживаюсь от соблазна сказать им, какие они славные.

Уважаю я и труд тех ребят, которые дома помогают родителям ухаживать за коровой, выкармливать поросенка. Одними колхозными и совхозными стадами страна пока обойтись не может.

Но одной из самых важных работ я считаю опыты на пришкольных участках. На колхозные поля сегодня пришли химия, электричество, самые современные, сложные машины. И если ребята еще в школе научатся проводить почвенные обследования полей, составлять картограммы агрохимических показателей, работать с микроудобрениями и сложной техникой, то о завтрашнем дне сельского хозяйства можно не беспокоиться.

Как-то я говорил с одним набедокурившим мальчишкой, он сказал мне: «Вот стану взрослым, тогда стану другим!» Вряд ли. Все лучшее в человеке формируется медленно. Работать над собой никогда не поздно. Но тут как в спорте: тот, кто поздно начал учиться плавать, плавать тоже будет, но не так хорошо, как тот, кто плавает с детства. ★

Л. ОБУХОВА

Звездный сын Земли

ПОВЕСТЬ
Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Первый класс. Война.

По ночам он просыпался оттого, что рядом мурлыкал кот. И все громче, громче, стены тряслись от мурлыканья! А это летели на Москву фашистские бомбардировщики. Просто Юра не мог полностью очнуться.

Но однажды днем прямо над крышами закружили, вернее, проволоклись по небу два советских самолета. Став взрослым, Юрий Алексеевич узнал марки этих самолетов, это были «Як» и «Лагг». «Лагг» подбили, и он из последних сил тянулся за дома, на болото.

Как ни мгновенно все это произошло, быстроногое племя мальчишек успело домчаться до места падения как раз в тот момент, когда самолет разломился надвое, а летчик едва успел выскочить из-под обломков. Он прихрамывал и был очень рассержен аварией. Не обращая ни на что внимания, обошел искалеченную машину, осмотрел, пощупал ее. Летчик ругался и безнадежно смотрел в пустое небо. Вскоре оно наполнилось ревом «ястребка»: на выручку возвращался «Як». Сумрачное лицо молодого летчика осветилось, он сорвал шлем и замахал им.

«Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, — вспоминал потом Юрий, — рассматривали рваные пробоины на крыльях машины. Летчики говорили, что дорого достался фашистам этот исковерканный «Лагг». Они расстегнули кожаные куртки, и на гимнастерках блеснули ордена, Это были первые ордена, которые я увидел».

«Лагг» подбили, и он из последних сил тянулся за черту домов, на болото.

Оба летчика выглядели деловитыми и собранными; как ни мал был тогда Юрий, он ощутил в этих людях особую сноровку, манеры, отличные от деревенских и невыразимо пленительные для него.

Те летчики улетели благополучно. Мальчишки притащили им четыре пустых ведра и помогли перетаскивать бензин из бака подбитого самолета. Ночь летчики провели на болоте, не отходя от машины, а утром подожгли подбитый «Лагг» и вдвоем поднялись на «ястребке».

Валентин Алексеевич Гагарин, старший брат Юры, пишет, что до слез было жалко смотреть на горящие обломки.

Уже гораздо позже, когда деревню заняли враги, на глазах детей произошла и настоящая трагедия. Самолет летел из последних сил, упал, не долетев до Клушина; врезался носом глубоко в землю. Взлетело пламя. Потом останки летчика крестьяне тайком похоронили.

Горящий самолет оцепили серо-зеленые солдаты. А когда они ушли, мальчишки, крадучись, уволокли парашют, разорвали его на лоскуты. Это рассказывал Женя Дербенков.

Фашисты ворвались ранним утром. Анна Тимофеевна увидала сначала мотоциклистов, а мать Жени Дербенкова в четыре часа утра, в полутьме, разглядела, что они тащат на прицепах лодки с грузом.

Ах, гагаринская изба, окна в пять стеклышек!.. Брызжет дождь в косую линейку, как в школьной тетради. Этими тетрадями, приготовленными столь заботливо к первому сентября, Юре пришлось больше любоваться, чем писать на них. Дождь... Осенний, студеный дождь. В избе пахнет керосином и немецкими папиросами. Вся семья Гагариных сбилась в кухне; был дом свой, а стал чужой.

«Ночь провели на огороде, — вспоминает Валентин Алексеевич,—подстелив солому и прикрывшись дерюгами. Мать плакала, обнимая Юру и Бориску. Утром отец, угрюмый, простудно кашляя, сказал:

— Землянку рыть будем. А то подохнем...»

Эта землянка — или, как ее стали называть по-военному, блиндаж — стала приютом надолго. Отец сколотил полати; тесно, но места хватило всем, даже приютили одинокую Нюньку с ее самоваром.

За два дня до оккупантов из Клушина хотели угнать колхозных свиней, но стадо прошло только семь километров. «Куда вы? — остановили их в деревне Трубино. — В Гжатске уже немцы!»

Погнали обратно, роздали по колхозникам. У Гагариных свинья вскоре опоросилась, и ее долго прятали в кустарниках. Они всегда были людьми долга: не свое, колхозное имущество берегли.

Первые месяцы по ночам им все казалось, что если стрельба, то подходит Красная Армия. Но противоестественная жизнь длилась и длилась. Истощились скудные запасы, которые удалось припрятать от прожорливых постояльцев. Теперь после уроков ребята бежали в поле, собирали крапиву, лебеду, клевер. Матери сушили ее, толкли, пекли жалкое подобие лепешек...

Первые месяцы после оккупации Ксения Герасимовна упорно пыталась продолжать занятия, хотя школа чуть не каждую неделю меняла место: то была в доме у церкви, потом там, где ныне медпункт, а напоследок ютилась на краю села в избушке Зубовых. Но во дворе Зубовых немцы устроили конюшню, и когда приводили лошадей, тогда выгоняли учеников.

— Какая уж тут учеба! — сокрушался Дербенков. — Колесо!

— Ну, а Юра? — спрашивала я. — Что он тогда? Как?

Синеглазый великан Зернов разводил руками, перемазанными в мазуте.

— Так слушай, — напирал он. — Если б было детство, как сейчас, может, больше помнил бы. А то жили под страхом, в голоде. Позабыть скорее, и дело с концом. Юрка? Знал бы я, что он станет космонавтом! А то парень, как все. Узнали про полет, сначала и не поверили. Приехал в село, пожал наскоро руки: потом, говорит, ребята, потолкуем. А в двух словах: жизнью своей доволен, достиг, мол, чего хотел.

Да, вполне возможно, что зенит своей жизни Гагарин ощутил не в минуты высшего торжества, когда его принимали президенты и короли, считая за честь пожать руку; даже, может быть, не в ликующей Москве, осыпавшей цветами автомобильный кортеж, но именно здесь, в родной деревне.

Достиг, чего хотел... Разве не скрыто немного печали в сбывшихся мечтах, в надеждах, которые позади?

Однако обмолвился Юрий среди деревенских дружков, теперь уже, как и он, взрослых мужчин, может быть, за столом в квартире механика Жени Дербенкова или над котелком рыбацкой ухи, когда сказали ему, что удивил он, брат, клушан, ой, как удивил,— тогда уронил Юрий, позабыв осторожность, что и еще раз удивит, дайте срок, ребята...

Значит, исполнились не все его надежды и мечты. Но о чем мечтал Гагарин, мы попробуем поразмышлять немного позже, когда он подрастет.

Пока ему восемь лет и он бродит с ребятишками по лесу. Они забираются в пустые блиндажи, собирают армейские бумажные мешки. Режут их на дольки, складывают стопой и сшивают в тетради. А чернила делают из отстрелянных разноцветных ракет — синие, зеленые, красные. Упрямы эти советские мальчишки и девчонки — хотят учиться наперекор «новому порядку»!

Две оккупационные зимы тяжело легли на семью Гагариных. Некий рыжий фельдфебель Бруно, заплечных дел мастер при немецкой комендатуре, расправлялся с провинившимися. За отказ выйти на работу был избит в комендатуре и Алексей Иванович. Несмотря на боль, он не раскрыл рта, чтоб не испугать Юру, который ждал отца у крыльца. Как-то Анна Тимофеевна вышла с косой на ржаное поле — весной его вскопали лопатами, пахать было не на чем — и хотела прогнать черную лошадь, которая топтала колосья. Фашистский солдат вырвал косу, полоснул лезвием по ноге, Анна Тимофеевна упала, обливаясь кровью. Юра, не помня себя, швырнул в солдата комом земли. Тот замахнулся косой и на ребенка... В другой раз механик Альберт поддел маленького Бориску за шарфик и подвесил на сук. Мать сняла его полузадохнувшегося.

Однажды зимой бабушка Нюнька собралась с Юрой в одну из окрестных деревень купить муки. Старший брат припомнил: «Юра упросил Анну Григорьевну взять его с собой. Настоял на своем». Да, Юрий подошел к порогу отрочества; у него начинал формироваться характер.

На обратном пути их завертела пурга; вместо дороги незаметно попали на снежную целину, выбились из сил и наверняка замерзли бы, если б не выручил проезжий.

Клушино долго было в прифронтовой полосе; последние дни сражение шло всего в восьми километрах. Гвардейская дивизия генерала Стученко обходным маневром рвалась на Гжатск. Грохот артиллерийской канонады, надрывный гул авиации, зарево пожаров, вспышки разрывов—вот дни и ночи клушан!

Враги уходили в мартовскую морозную ночь с субботы на воскресенье, накануне того дня, когда Юрию исполнилось десять лет. Ночь выдалась ясная, месячная; хорошо было видно, как меж высоких сугробов пробиралось человек полтораста в белых маскировочных халатах, кто на лыжах, кто с санями. Видимо, отходил арьергард минеров. И Алексей Иванович Гагарин и соседский парнишка видели из-за угла, как ставили мины, как становился смертоносным снег между их домами. Но Витька Белов по малолетству разглядел только блеск металла под месячным сиянием, а Алексей Иванович примечал расположение мин. «Отец вышел навстречу нашим и показал, где фашисты заминировали дорогу»,— вспоминал потом не без гордости Юрий Гагарин.

О появлении советских разведчиков рассказывают многие. Можно подумать, что те заходили в каждый дом! Но ведь это было долгожданное и выстраданное событие. И Юра Гагарин помнит, хотя была глухая полночь, их белые полушубки, изморозь на автоматах. Как дали закурить отцу, а мать поставила перед ними чугунок картошки. Правда, утром, усомнившись, он спросил, не приснилось ли все это во сне. Алексей Иванович отозвался уклончиво: «Я сам как во сне...»

Евгений Дербенков встретил на улице ранним утром троих в полушубках и с автоматами через плечо. Ему машут рукой, а он не подходит: научился бояться солдат! «Кто у тебя тут? Мамка? Веди нас к ней». В Клушино от Дубков входил целый отряд. Видел Евгений, как наши бойцы минометы приладили около ветлы и стали бить по немецким обозам.

А Анне Алексеевне Беловой будто бы даже сказали: вы, околишные, прячьтесь в бункеры, бой может случиться...

— Ночью окрестности села горели. Фашисты не подожгли село только потому, что хотели потиху удрать. Наши-то шли со Столбова, а гады на Пречистое отступали. Через день, как погнали обозы, около моей избы остановилось двое саней, военврач водички зашел попить. «Как, говорит, мамаша, не болеете? Лекарство, может, требуется?» А я отвечаю: «Какое уж тут здоровье!»

Анна Алексеевна сыплет словами, как пшеном из мешка, мелко и безостановочно. Будь у меня кибернетические способности, уже к исходу первого часа я знала бы истории всех близких и дальних клушан, их родственные связи и душевные качества. Про «Юрушку» вспоминает в общей канве, но с непременным оттенком благодарности:

— Юрушке не продлил бог жизни. А сколько добра людям вокруг сделал! И автобус теперь ходит, и строительство у нас. Веришь ли, услыхала утром по радио, как колуном по голове! Чужой был, а дороже своего.

Отрочество.

Фашисты ушли. Гагарины перебрались из землянки в избу.

Изба была полупуста. Все вокруг носило следы заброшенности. Под старым ватным из красного сатина одеялом лежали только Юра с Бориской. Валентина и Зою немцы успели угнать в Германию. Правда, по дороге они бежали, дождались Советской Армии, стали бойцами — Зоя ветеринаром при кавалерийской части, а Валентин в танке, башенным стрелком. Отец ушел служить нестроевым в гжатский госпиталь. Когда фронт двинулся на запад, сторожил военные склады. Анна Тимофеевна с младшими сыновьями оставалась пока в Клушине.

Возвращалось прерванное детство. Довоенная школа сгорела. Ксения Герасимовна ютилась со всеми четырьмя классами в двух комнатах попова дома. Читать учились по «Уставу пехоты», а на арифметике манипулировали гильзами от патронов.

Женя Дербенков рассказывает:

— После уроков приходилось помогать матерям в колхозе. Юра часто пас телят, а я свиней. После немцев повсюду было полно боеприпасов. Ходили мы в Вельковский лес с мальчишками, разряжали потихоньку снаряды. Как? А очень просто: сядем верхом на снаряд, в руках зубило, молоток, бьем, потом отвинтим головку. Как-то на плесе решили взорвать. Кроме меня, в этой затее участвовали Юра Кулешов, Коля Белов, Юра Гагарин и Толя Гольцов. Насыпали полную фуражку пороху... Удивительно, как уцелели! Жили голодно, трудно, подкармливали нас на солдатской кухне, пока стояли войска. Но все равно мы были счастливы!.. Как Юрка учился? Все быстро схватывал. Идет контрольная, он едва вопросы переписал, как уже и сдает. По литературе тоже — раз прочел и помнит. Мать его, Анна Тимофеевна, бранилась: «Да сядешь ли ты заниматься, как все дети!»

Позже Алексей Иванович разобрал избу и перевез сруб на окраину Гжатска, на улицу Ленинградскую.

Юрий вернулся в Гжатск уже героем. Гагарин стеснялся, он казался вообще очень застенчивым. Когда во время встречи в одной школе его стали звать в другую, он повел глазами на свою учительницу: «Как Елена Федоровна скажет?»

После уроков приходилось помогать матери в колхозе. Юра часто пас телят.

Рассказ учительницы. Школьные годы.

...Вошла пожилая женщина, румяная, улыбающаяся, седые волосы прибраны под голубым газовым платочком. И так шел к ней этот незабудковый цвет, такая она была добросердечная, излучающая спокойную ласку, что не улыбнуться ей в ответ было просто невозможно.

Елена Федоровна Лунова. Учительница. Всего несколько лет, как на пенсии. Скучает? Да нет. В интернат к своим ребятишкам ходит. И вообще все вокруг свое, знакомое.

Семью Гагариных знает издавна, можно сказать, с детства.

— В пятидесятые годы,— говорит Елена Федоровна,— стала я заведовать начальной базовой школой при педучилище. По-моему, это была очень интересная и полезная форма: студенты училища имели свою школу. Они часто давали уроки и вообще привыкали к ребятам, присматривались к труду педагога. Чтобы быть учителем, надо иметь талант. И чем раньше узнаешь, есть он или нет его, тем лучше для твоего будущего. Мы и учителей потом старались подбирать из лучших выпускников.

В это самое время иду я как-то по улице и вижу как будто знакомое лицо. «Ты ли это, Нюра?» Мы с ней обнялись. Оказывается, она с детьми недавно сюда переехала. Жили еще в землянке, но уже перевезли сруб из Клушина и собирались ставить свой домик на новом месте. «Я к тебе, Елена Федоровна, своих двух младших приведу. Ты уж их, пожалуйста, возьми». Я ответила: «Приводи».

И вот на другой день Анна Тимофеевна приводит двух мальчиков-погодков: Юрку и Бориску. Смотрю на старшего. В сером костюмчике, мать перешила из своей старой хлопчатобумажной юбки. Потупился, а гла-

за плутоватые, быстрые. «Ты его в хорошие руки передай,— просит Анна Тимофеевна,— чтоб не забаловался». Младший на вид был поспокойнее, попокладистее. Он пошел во второй класс, а Юра в третий. Там Нина Васильевна преподавала, наша выпускница. Вот она учитель, как говорится, милостью божьей! Никогда голоса не повышала, не сердилась, а слушали ее ребята, раскрыв рты, так им было интересно.

Все у нас в школе тогда было еще самодельное. Вместо парт столики, а перед ними на двух чурбаках доска-скамейка. Мальчишки иногда выдирали гвозди, которыми доска держалась на чурбаках, и вдруг посреди урока — бах на пол! Тут уж не обходилось без Юры Гагарина. Он был мальчишка подвижной, шаловливый. Но передалась ему и материнская деликатность, мягкость характера. Помещение у нас было маленькое, сидели по трое. Сначала Нина Васильевна посадила Юру в глубине класса, но скоро поняла: глаз с него спускать нельзя. Если и не озорничает, то достанет потихоньку из стола книгу и смотрит себе в колени, читает. Читал больше старые журналы, что попадались под руку. Перевели его на ближнюю парту. И, помню, вместе с Пашей Деминым сидела с ними третьей такая маленькая девочка Анечка, самая крошечная в классе, ее легко было обидеть. Но Юра ее оберегал, провожал до дому — им в одну сторону было идти, и даже раза два я видела, что несет ее сумку с книгами. Сумки были матерчатые, матери сами шили. У нас вообще в школе девочки и мальчики дружили. Но Юра относился к маленькой Анечке просто трогательно.

Возле школы бомбой разбило здание, и после уроков школьники разбирали его по кирпичу. Младших ставили на конвейер, старшие грузили. Стоят малыши, как муравьишки, цепью и по крошке, по песчинке гору разбирают. «Посмотрите,— сказала мне потихоньку Нина Васильевна,— как Юра Гагарин о своей подшефной заботится».

Стоят Паша и Юра, а между ними Анечка; если кирпич побольше, они его друг другу передают мимо нее.

Но огорчений с ним тоже хватало... Уже когда он стал нашим депутатом, как-то спрашивает: «Елена Федоровна, какая у вас пенсия?» Я отвечаю: «Пятьдесят восемь рублей. Мне начисляли еще до повышения зарплаты учителям». «Несправедливо,— отвечает.— Один я портил вам нервов на сто рублей в месяц. Это надо исправить». Разговор у нас был за два месяца до его гибели.

Вообще я его взрослым не очень вспоминаю. Как-то он остановил меня на улице уже в форме летчика. «Вот, познакомьтесь, это моя жена. А я очень изменился?» «Конечно, Юра,— отвечаю.— Ты теперь взрослый, офицер и выглядишь как полагается офицеру Советской Армии. Тебя уже и называть нужно Юрием Алексеевичем». Он засмеялся. Юра с детства очень хорошо смеялся: искренне радостно. За улыбку ему все шалости простишь в душе.

Третий и четвертый классы текли у Юры Гагарина с переменным успехом: он получал четверки и пятерки, а иногда ему выговаривали за то, что он не приготовил урока.

Как-то Нина Васильевна, тогда еще совсем молодая учительница, едва переступив порог классной комнаты, попросила Елену Федоровну пойти с нею к Гагариным. Она жаловалась, что Юра совсем запустил грамматику, не учит правила, и сегодня при практикантах опять оконфузил ее. Вместе с расстроенной Ниной Васильевной они пошли чуть не через весь город к дому Гагариных.

Дом еще только строился. Отец был на стропилах, а мать вышла навстречу очень встревоженная.

— Ну, что он набедокурил?

— Ничего особенного. Просто не учит уроки. Сегодня правила по грамматике не знал.

Юра стоял тут же неподалеку за маленьким верстачком, стругал какие-то планки. Он потупился и, глядя на босые ноги, упрямо пробормотал:

— Я только один раз не выучил.

— А вчера, Юра? — мягко сказала Елена Федоровна.— А позавчера? Ведь мы тебя готовим в пионеры!

— Так жалеть не надо,— сказала в сердцах мать.

— Нет,— возразила Нина Васильевна,— лучше сами понаблюдайте, чтоб Юра готовил уроки.

Анна Тимофеевна сокрушенно покачала головой.

— С домом мы с этим занялись, выпустили его из рук.

В глазах Юры блеснули слезинки, которые, впрочем, тотчас и высохли. Особенно когда Елена Федоровна поинтересовалась, что это он стругает.

— Это будет самолет,— радостно ответил Юра.— Очень большой и очень большой. Больше того, что сбили над Клушином.

С этим Юриным самолетиком произошла затем вот какая история. Как-то по школьному двору вдоль палисадника прогуливался в перемену дежурный член родительского комитета Федор Дмитриевич Козлов, по профессии техник-строитель, человек общительный и смешливый.

(К слову, везде, где бы Елена Федоровна ни учительствовала, школу окружал цветник.)

Козлов не ждал беды, когда откуда-то сверху, а точнее, из окна третьего этажа, на него свалился самодельный самолет.

Елена Федоровна сразу догадалась, чей он, и вместе с потерпевшим вошла в четвертый класс. Все дружно встали и открыто, сознавая собственную невиновность, со спокойным любопытством смотрели на вошедших.

Помещение у нас было маленькое, сидели по трое.

Одна только пара глаз упорно не поднималась от парты.

— Ну, что ж, ребята,— начала Елена Федоровна.— Вы ушибли Федора Дмитриевича, а могло случиться еще хуже. Просто не знаю, как теперь и быть! Не могу даже представить, кто из вас мог принести в школу этот самолет? А главное, бросить из окна? Самолеты надо испытывать в поле, на ровном месте. И если это хороший самолет, то он полетит вверх, а не вниз.

Козлов поддакивал:

— Будь он чуток побольше, у меня на голове получилась бы целая рана!

Тогда Юра не выдержал, вышел из-за парты.

— Это мой самолет,— прошептал.— Простите.

Ему сделали еще несколько упреков, а когда собрались уходить, он догнал Елену Федоровну, тихо спросил:

— Вы отдадите мне самолет?

Елена Федоровна замялась.

— Знаешь, Юра, лучше пусть останется у нас в учительской. Это ведь модель, ее надо поберечь.

Юра вздохнул: ему было так жалко своего самолетика!

А потом у Елены Федоровны случилось несчастье. Пролежав год у родных в Сибири, к ней пришло запоздавшее извещение о гибели единственного сына.

В четвертом классе в этот день студент педучилища проводил беседу о красном галстуке. Ребята слышали обо всем этом впервые. Они были целиком захвачены: пионерский галстук, оказывается, часть знамени революции!

Сохранилась групповая фотография... Во втором ряду, с пионерским галстуком, ученик четвертого класса Юра Гагарин.

Слезы душили Елену Федоровну. Она вспомнила своего сына таким же маленьким. И тот день, когда он впервые надел красный галстук, и как он был смущен, горд: шел, косясь на свою грудь.

Она отошла к окну, отвернулась от класса и закрыла глаза рукой.

Когда она очнулась, урок уже кончился, а в двух шагах от нее стояли Юра Гагарин и Паша Демин.

— Я знаю, почему вы плачете, —сказал Юра открыто.— У вас убили Валю. Жалко, что он был танкист. Летчик обязательно улетел бы от врагов. Ведь самолет быстрее всего на свете.

— Ну, нет,— возразил Паша.— Танки тоже очень большие и быстрые. На танке можно куда хочешь.

— Что ж, по-твоему, танк обгонит самолет?!

— Может, и обгонит,— упорствовал Павлик.

Обычный мальчишеский спор.

...Как выглядел тогда Юра Гагарин? Сохранилась групповая фотография. В первом ряду с напряженными лицами сидят четыре учительницы — руки на коленях, сумочки в сжатых пальцах, волосы по тогдашней моде зачесаны от висков вверх. Во втором ряду, между Алей Слапик и обритым наголо здоровяком Пашей Лешиным, ниже его на голову, с пионерским галстуком, стриженный под машинку, с прямым и веселым взглядом, со смешливо приподнятыми уголками губ — ученик четвертого класса Юра Гагарин. Последняя в том же ряду — маленькая, как дошколенок, в цветастом платьице, прижмурившаяся от солнышка, с пушистым цветком в руке — его подшефная Анечка, фамилию которой так никто и не смог припомнить.

Мне захотелось побродить по старинному зданию, где учился Юра. Базовой школы давно там нет. В этом доме, некогда принадлежавшем купцу Верентинову, 29 августа 1812 года останавливался Кутузов по пути в Царево-Займище. О ночлеге фельдмаршала напоминает мемориальная доска. О том, что здесь учился Гагарин, напоминания пока еще не было.

— Движение времени определяется детьми и деревьями,— сказал Николай Сергеевич Александров, завуч педучилища.— Вот липы, которые сажали при Юрии.

Мы шли по маленькому, густому саду. Странно подумать, что, когда в 1945 году Николай Сергеевич вернулся из эвакуации, здесь были только воронки от бомб. Да и само здание не взлетело на воздух чудом: какой-то мальчик влез в подвал и перерезал провод к часовому механизму мины. Все окна тогда были заложены кирпичом; на втором этаже сквозные дыры от снарядов. Очень холодно; дрова возили из леса сами на старой, колченогой лошади, по прозванию «Обгоню всех». Дров было так мало, что девушки прятали полешки под подушками, а утром несли в класс и во время лекций по очереди грелись у печки. Электричество не горело, освещались коптилками. Вечером девушки шли в классную комнату со своим огоньком, как монашки со свечой.

Весной решили скосить крапиву на пустыре, посадить помидоры. Когда стали расчищать двор, в ямах нашли много заскорузлых бинтов, оставшихся от фронтового госпиталя (видимо, при нем и работал отец Гагарина). Бинты подожгли; раздался взрыв. Думали — патрон. Но оказалось, что поблизости, едва присыпанные землей, лежат сто снарядов... На мины натыкались и спустя десять лет.

Николай Сергеевич отомкнул класс, где когда-то занимался Юрий,— большую комнату с четырьмя высоченными окнами. В одно из этих окон упорхнул самолет, сбитый из планок и щепочек... Николай Сергеевич вздохнул и помрачнел. Мы молча присели за парту.

Слава не утешает, если человек погиб. От друзей хотят одного: чтобы те жили. Нет, подвиг не утешает, если человек погиб. Так и гжатчане живут неутешенными.

Пятый и шестой классы Гагарин учился уже в средней школе, одной на весь разбитый город. Нынче это просто жилой дом на Советской улице, дом 91. Первый этаж оштукатурен, второй бревенчатый, внутри скрипучая деревянная лестница. После ремонта многое переделано, окна поднялись повыше, а тогда они были низко, у самой земли. Два угловых окна — в бывшем пятом классе, где ботанику преподавала Елена Александровна Козлова.

Она и привела нас в этот дом. Мы постучались в квартиру Черновых. Под любопытными взглядами двух девочек прошли на кухню, оклеенную синими обоями, остановились возле плиты... Елена Александровна показала на угол, где была сквозная дыра во двор. Доска висела на стене, где сейчас буфетик. Перед доской стояли парты в три ряда; в среднем ряду сидел Юра Гагарин с Валей Налетовым, как ей помнится.

— Это был самый теплый класс. Солнце светило в окна весь день,— сказала Елена Александровна.

После сорока пяти минут тесноты, когда учитель бочком проходил к своему столику, а ученики сидели вовсе локоть к локтю, на перемену все выбегали во двор. Ранней весной старшеклассники после уроков запрягали коня Кобчика и ехали в лес за голыми озябшими деревцами, потом их сажали в школьном дворе.

— Постойте, когда же это было? Двадцать лет назад!

Елена Александровна переходит от дерева к дереву. Да, деревья, как и дети, быстро растут!

Юра ей запомнился приветливостью. Исполнительный, веселый мальчик, активный по натуре: на вечерах декламировал стихи и участвовал в драмкружке, пел в хоре, играл в школьном оркестре на трубе. Его белая рубашка и красный галстук так и стоят перед глазами...

А это еще одна фотография. Вы, наверное, сразу узнали Юру,— вот он, второй справа.

Я понимаю желание учителей спустя двадцать лет после того, как Юрий сидел за партой, представить эту парту неисцарапанной, неизрезанной, а самого Юрия тем идеальным учеником, по которому извечно тоскует педагогическая душа. Преподавательница вспоминает его белую рубашку, повязанную пионерским галстуком...

А между тем я сомневаюсь, чтобы он приходил в школу каждый день одетым столь тщательно. Семья Гагариных бедствовала на разоренной войной Смоленщине. Отец пробовал разные заработки, а сыновья, случалось, ходили с военной санитарной сумкой по пустым полям, собирая прошлогодний картофель. Наоборот, более естественным представляются заплатанные курточки и стоптанные башмаки.

Алексей Семенович Орлов, собиратель истории Гжатска, старшая дочь которого училась в той же единственной тогда средней школе, покачал головой:

— Он был живой и очень подвижный паренек. У нас по-местному, по-смоленски, таких называют «сбродник».

— Колобродник?

— Вот именно.

А Наташа, его дочь, сказала:

— Мы жили школой. У нас так мало было радостей вне ее. В семьях ютились скученно

С этим Юриным самолетиком произошла затем история.

и голодно. Не знали мы тогда ни театров, ни телевизора. Проходили Островского, но не видели на сцене ни одной его пьесы. Никто из нас не бывал даже в Москве, хотя она под боком, всего-то несколько часов поездом. Нам не на что было ездить... Я до сих пор люблю своих учителей: они старались скрасить наше скудное детство. Хотя мы сами вовсе не ощущали его таким! После уроков мы сдвигали парты — собственно, это были просто узенькие, плохо струганные столики — и заводили патефон. Часами слушали музыку или под патефон танцевали. Не то, что зала, даже коридора в школе не было. Только сенцы, лестница и тесные комнатенки классов. А мы не уходили из них! Без конца устраивали какие-то выставки, клеили альбомы, готовили самодеятельные вечера.

Я подумала: вот откуда активность подростка Юры! Его душа так жадно стремилась всегда к светлым и действенным проявлениям жизни. И он декламировал стихи на вечерах, пел в хоре, даже играл на трубе — он тоже не хотел уходить из школы!

Наташа выросла, и вот уже Наталья Алексеевна Орлова вспоминала, как она видела Гагарина уже в конце апреля 1961 года в Праге, куда он приехал тотчас после своего полета.

Как его встречали! Машина ехала не по асфальту, а по цветам; они дождем летели изо всех окон. Он был смущен и улыбался так благодарно, так застенчиво!.. А вечером в театре на гастролях вахтанговской труппы Наташа сидела в ложе как раз напротив. И опять порадовалась простосердечию и естественности Юрия. Он находился посреди членов правительства, рядом с президентом, и был полностью захвачен сценой.

В шестом классе воображением Юры завладела физика. Вернее, преподаватель физики Лев Михайлович Беспалов. Все, кто его знал, отзываются о нем как о человеке, полном внутреннего огня, выдумки и энергии.

Вот как вспоминает об уроках Беспалова сам Гагарин: «Лев Михайлович в небольшом физическом кабинете показывал нам опыты, похожие на колдовство. Он познакомил нас с компасом, с простейшей электромашиной. В школе мы организовали технический кружок. Сделали летающую модель самолета, раздобыли бензиновый моторчик, установили его на фюзеляж, смастеренный из камыша, казеиновым клеем прикрепили крылья...»

Это же самое время старшему брату Валентину Алексеевичу представлялось в несколько ином ракурсе: «Много хлопот у матери по дому... Юра поест побыстрей и принимается помогать. Вода кончилась — сходит к колодцу, дрова нужны — принесет вязанку. А особенно Юра с Борей любили в огороде копаться...»

Но и на уроках в школе и в окружающем его быте, несмотря на всю свою ученическую прилежность и старательность по дому, Юрий выбирал из массы впечатлений те, которые были наиболее созвучны его внутреннему настрою.

Заманчиво вообразить, что именно тогда он услышал в глубине существа как бы зов космоса и возмечтал сделаться космонавтом! Но это было бы совершенной неправдой. Понятие «космос» тогда вовсе еще не стало обиходным. А слова «космонавт» не существовало. Стремление оторваться от земли связывалось в те годы лишь с самолетом, а это были довольно маломощные машины, с нашей сегодняшней точки зрения!

Но и о летчицком ремесле Юрий мог размышлять лишь в плане обычных мальчише-

ских мечтаний, то есть в самых общих чертах. Он не слыл чрезмерно задумчивым подростком, из тех, что как бы грезят наяву и живут в собственном, выдуманном мире. Для этого он был слишком активен и бодр. Он с благодарностью брал то, что ему предоставляла жизнь.

...Похожесть биографии можно объяснить тем, что особенность эпохи лепит облик современника. Начальные шаги, истоки, очень схожи у многих выдающихся людей.

Так, Николаю Петровичу Каманину, будущему наставнику космонавтов, с которым Гагарин еще не встретился, но обязательно встретится, кажется, что его жизнь проста и отлично укладывается между двумя или тремя десятками дат. От того дня, когда тишина маленького городка, где он родился, была в его памяти впервые взорвана длинным обозом мужиков-новобранцев, увозимых на фронты первой империалистической, воем их голосящих жен, и до вот этого дня, бесконечно отдаленного от начальной поры, уже в городке космонавтов, когда он сидел передо мною с седыми висками и с Золотой Звездой Героя на мундире, одной из первых звезд, которые Михаил Иванович Калинин некогда надел на грудь спасателям челюскинцев.

Может быть, генерал авиации Каманин посвоему и прав: его судьба отнюдь не выходила из рамок эпохи. Но ему повезло родиться в России, когда эти рамки раздвинулись в ширину горизонта. Взрыв огромной силы — революция — дал заряд человеческим сердцам на много лет вперед. Одно из таких сердец билось под холщовой рубашкой подростка Коли Каманина.

Революция в заштатных Меленках с их единственной ниточкой в мир — касимовской дорогой, по которой уходили на заработки и на войну,— началась тоже не очень громко. Правда, отец, Петр Каманин, стал председателем сапожной артели — первого детища местной Советской власти. Но тиф унес отца так быстро, что в памяти младших он остался скорее именем, чем человеком. Из семерых сирот только старшему брату сравнялось шестнадцать. Возраст вполне достаточный, как ему казалось, чтобы уйти бойцом в Красную гвардию. И мать — удивительная мать (даже одно ее имя вызывает у сына улыбку признательности и удовольствия) — мать отпустила старшего, как отпускала потом всех детей, кого в рабочие, кого в летчики.

— У нее был прекрасный характер: веселый, неунывающий. Лучшее наследство, частичку которого она передала и каждому из нас,— говорил Николай Петрович.— Мы работали много и тяжело с самых малых лет. Десятилетним я уже ездил на лошади в лес за дровами. А их надо было сначала нарубить, потом нагрузить. Косил траву для коровы, пахал и засаживал огород. И вот когда мы садились за стол,— буквально семеро по лавкам! — а перед каждым лежало только по картофелине с солью, мать смехом, прибаутками, своей легкостью и радостью умела превратить этот скудный обед в праздник. Спасибо ей! У нас было хорошее детство.

А вот как произошло его приобщение к авиации.

Неизвестно почему над Меленками среди бела дня пролетел самолет. Никогда прежде их здесь не видывали.

Коля Каманин выскочил на порог и задрал голову. И это фантастическое сооружение, неуклюжая птица, ее волшебный полет под стрекотание мотора заставили мальчика из лесной срединной России замереть. Он был настолько поражен, что не успел даже ни о чем подумать. Сердце его сжалось и бесконечно долго оставалось в таком стиснутом положении. А когда, наконец, дыхание вернулось, аэроплан уже улетел...

Не правда ли, все это похоже и на детство Гагарина, на его первую встречу с самолетом, спустившимся на болотистый луг возле Клушина?

Размышлять о Космонавте-один — это то же, что попытаться постигнуть его эпоху. Его предназначение едва ли было записано в книге судеб золотыми буквами, и добрые феи не наделили его еще в люльке талантами, способными всех изумлять. Его индивидуальность заключалась в том, что он был удивительно здоровой, гармоничной натурой. Законы Советской власти вошли в него естественно, как воздух, которым он дышал. И если другие выявляют себя в уединенном полете мысли, его душевный огонь искал своего воплощения в действии. Он всегда оставался настойчивым, оптимистичным и работоспособным. А это и есть «составные части», соль души человека социалистического общества.

Под Москвою, в Люберцах.

Короткая жизнь Гагарина не была такой уж быстротекущей для него самого. Судьба круто испытывала Юрия и нуждой, и преодолением страха, и всемирной — не выпадавшей дотоле ни одному человеку! — славой. Целыми бездонными бочками восторга перед ним, миллионами обращенных к нему умиленных глаз, а также глаз испытующих, проверяющих ум его на твердость, душу — на благородство.

Думаю, что врагов у него в мире не было. Может быть, существовали тайные завистники, которым казалось — как это кажется завистникам во всякие времена,— что фортуна слепа.

Конечно, нельзя предположить, что Гагарин провидел свой подвиг сквозь размытую пелену лет и шел именно к нему, к подвигу, неуклонно и целенаправленно.

Случай сам находит человека? Может быть. Если человек достаточно к нему готов.

Летом 1949 года Юрий окончил шестой класс. Беззаботные школьные годы прерывались почти на половине. Он все больше понимал, что не суждено ему первого сентября пойти в седьмой класс и сесть за парту...

Семья Гагариных бедствовала. Деревенский домик, который в Клушине разобрали, а на окраине Гжатска поставили своими силами, состоял из кухни и двух тесных комнат; одна из них была скорее боковушкой, чем отдельным помещением. А жило здесь восемь душ. Вернулись под родительский кров Валентин и Зоя. Зоя вышла замуж и родила дочь Тамару. Заработки у взрослых членов семьи были маленькими. Отец плотничал по найму в окрестных колхозах, часто с ним вместе надолго уходил и зять. Валентин работал монтером, но сорвался со столба и долго лежал в больнице, боялись ампутации ноги.

Анна Тимофеевна почти не могла сводить концы с концами: покинув Клушино, она лишилась того деревенского хозяйства, которое помогло ей растить детей и пережить войну. Хоть и сжималось ее сердце от тревоги за сына, ничего другого, как отправить Юрия в Москву, к дяде Савелию, придумать в семье не могли.

Савелий Иванович Гагарин преуспел. Он занимал видные должности, особенно по клушинским масштабам. Одно время был даже заместителем по хозяйственной части директора научно-исследовательского института.

Вот сюда-то, к Савелию Ивановичу и его жене Прасковье Григорьевне, на Вторую Радиаторскую улицу, дом номер два, квартира четыре, и явился июньским утром их гжатский племянник в только что купленном на последние деньги дешевеньком пиджачке и чистой сорочке, отглаженной матерью со скорбной старательностью.

Савелий Иванович работал тогда в строительной конторе. Он попробовал было разузнать о ремесленных училищах именно своего, строительного, профиля. Но с каждым днем Юрины шансы все падали: набор повсюду был окончен.

В унылом ожидании прошло больше недели, пока дело не взяла в свои руки старшая дочь Савелия Ивановича Антонина, самый энергичный член их семьи.

Антонине было тогда двадцать пять лет. Она жила с мужем Иваном Ивановичем Ивановским и трехлетней дочерью Галей на Сретенке, по Ананьевскому переулку.

Первым делом Антонина перевезла Юру к себе. Они поднялись на второй этаж, отомкнули дверь коммунальной квартиры, прошли в четырнадцатиметровую комнату супругов Ивановских — и тут только Антонина хорошенько разглядела своего двоюродного братца, судьбу которого взялась устраивать.

В родительский дом она влетела, как вихрь, сто слов и все с укоризной: зачем время тянули? Ведь сейчас день потерять, что целый год Юркиной жизни. Но у себя дома примолкла, села, по-бабьи жалостливо разглядывала его. Он был щуплый и малорослый не по годам. И какой-то очень уж беленький, по-детски чисто умытый, ребячливо смущенный в своей отглаженной рубашке.

Шариком подкатилась Галка, он принялся с ней играть, да так ловко, так самозабвенно, будто всю жизнь нянчил маленьких или сам еще не вышел из детства.

Вернулся Иван Иванович. Предупрежденный женой по телефону, он наводил справки уже в своей, металлургической, отрасли.

— Пусть продолжит нашу Ивановскую династию металлургов,— пошутил, тоже с сомнением бросая незаметный взгляд на приезжего мальчугана.— В следующем году и поступит.

Действительно, сделать было уже ничего невозможно: в Москве экзамены повсюду прошли.

— Но он не может вернуться в Гжатск! — горестным шепотом сказала жена.

— Тогда остается ремесленное училище в Люберцах. Может, там повезет,— отозвался не совсем уверенно муж.

— Поедем завтра же,— решила Антонина.

По дороге в Люберцы, слушая, как стучат колеса электрички на стыках рельсов, глядя в толстое стекло, Юра и не знал, что сделал первый шаг в свою собственную историю. Решение приехать в Москву было первым его самостоятельным решением.

Поначалу все складывалось безнадежно скверно.

Перед ремесленным училищем Антонина почти с ужасом увидела толпу дюжих горластых парней, гонявших по двору футбольный мяч. Все они были соискателями.

Сестра оставила Юру в стороне и с бьющимся сердцем, но с внутренней отвагой и гагаринским фамильным упрямством вошла в здание.

Завучем оказался сероглазый человек, чуть старше самой Антонины. Между ними немедленно протянулись нити понимания. Они заговорили дружелюбно, с тем контактом, который так легко возникает в молодости.

— Я привезла к вам своего брата,— сказала она.— Он из Гжатска. Кончил шесть классов.

— Невозможно!—огорченно отозвался завуч.— У нас огромный наплыв. Большинство с семилеткой, есть даже после восьми классов.

— Но я не могу отсюда уйти! — воскликнула Антонина.— Поймите, от вас одного зависит все его будущее.

И горячо, почти вдохновенно, как случается в решительные минуты, она стала рассказывать обо всей короткой Юриной жизни в прифронтовом Клушине, о страшном немецком постое и теперешнем скудном существовании большой гагаринской семьи.

Завуч слушал с грустным пониманием. Большинство мальчишек за окнами обладали сходными биографиями.

— Вот что,— сказал он вдруг.— Через полчаса экзамены. Пусть ваш брат поднимается на четвертый этаж. Я внесу его в список. Как, вы сказали, его фамилия?

Антонина выбежала, не чуя ног.

— Скорее, Юрка, скорее! — И внезапно охнула: — Но ты же не готовился! Экзамены прямо сейчас.

— Тоня, не волнуйся,— вполголоса твердил он, пока они поднимались по лестнице, и заглядывал ей в лицо с нижней ступеньки, она бежала впереди него.— Конечно, сдам. Не боюсь я никаких экзаменов. Я все знаю. Успокойся...

Четыре часа, пока Юра писал сочинение и решал арифметические задачи, Антонина бродила вокруг дома.

— Задачки сошлись с ответом? А какие были слова, трудные? Как ты их написал? Мягкий знак не забыл? —тормошила она его.

Он же повторял, как прежде:

— Да все хорошо, Тоня. Ты не беспокойся.

Антонина снова отправилась к завучу. Тот просмотрел поданные ему списки только что сдававших экзамены.

— Знаете, ваш брат действительно очень хорошо сдал. Четыре и пять. Мы его принимаем. Но общежития дать не могу. Все койки уже заняты. Попробуйте устроить у местных жителей. В прошлом году наши ученики снимали углы.

Антонина и Юрий перешли железнодорожную линию, постучались в первый дом. Открыла старуха. Да, у нее жил ремесленник. И занимался тут и спал. Тихий, прилежный постоялец (она испытующе скользнула глазами по пришедшим). У нее очень хорошие условия, почти что отдельная комната. Берет недорого: всего двадцать пять рублей в месяц.

«Почти отдельная комната» оказалась тесным чуланом без окна, отгороженным грязной ситцевой занавеской. В чулан вмещались только раскладные козлы с соломенным тюфяком да больничная тумбочка, заменявшая и стол и шкаф. Лампочка малого накала болталась на шнуре.

Антонина оглядела этот затхлый закуток и за руку вывела брата на вольный воздух. После нескольких неудачных попыток они вернулись в училище. Третий раз за день Антонина постучалась к завучу.

— Ведь он не сможет платить даже одного рубля, поймите. Как-нибудь, хоть в коридор поставьте кровать.

— Некуда. Не могу!

Ничего другого, как отправить Юрия в Москву, к дяде Савелию, придумать в семье не могли.

— Тогда... все равно зачисляйте! Будет у меня в Москве жить.

Завуч открыл было рот, чтоб отвергнуть и эту возможность. Но Тонины карие глаза так упрямо сверкали, а гладкие упругие щеки так ярко пламенели, что молодой человек только вздохнул и улыбнулся. Рука его сама собою потянулась к перу. «Явиться на занятия 25 августа»,— написал он на бланке.

— А если для меня не будет койки?— совестливо бормотал Юра, когда они уже вечером возвращались обратно в электричке.

Антонина бесшабашно махнула рукой.

— Да забудут тогда все уже про твою койку! Приезжай пораньше и занимай любую.

...Спустя двадцать лет ко мне постучался нынешний завуч Люберецкого ремесленного училища Владимир Ильич Горинштейн. Я знала, что он работал там и в гагаринские вре-

мена, и с нетерпением ждала его. Каково же было мое изумление, когда оказалось, что этот представительный седеющий мужчина и был тем самым молодым человеком, отчасти решившим судьбу Юрия! Между прочим, он решал ее дважды. Именно благодаря его уговорам Гагарин, уже окончив училище, поехал в Саратов, а не в Ригу, куда собирался. В Саратове же был аэроклуб, о котором случайно, на волейбольной площадке, узнал будущий космонавт.

Но об этом речь дальше.

Я исподтишка рассматривала своего гостя. Вся гагаринская жизнь, подобно удивительной комете, взошла над землей, набрала высоту, протянула свой сверкающий след по небосклону и погасла за эти двадцать лет, а завуч Владимир Ильич по-прежнему продолжал учить мальчишек ремеслу, принимать их, неумелых, дерзких, ленивых, никак еще не определившихся в житейском круговороте, чтоб через два-три года отправлять в путь с дипломами, с профессией, с мастерством в руках...

Менялись времена, менялись поколения. Сам облик учеников становился совсем иным. Если в первые послевоенные годы ремесленные училища были формой активной помощи государства осиротевшим семьям — детям требовалось заменить отцов-кормильцев, воспитать их, выучить, вывести в люди, да и сами ребята, хлебнувшие лиха, стремились поскорее стать на ноги,— то понемногу обстоятельства вокруг менялись к лучшему: раны военных разрушений затягивались, жизнь становилась сытнее, и в ремесленное училище стали попадать не те, кто и хотел бы учиться дома, да не мог, а юноши и подростки, искавшие, напротив, режима повольготнее, чем школьный.

И все двадцать лет, пока совершалась блистательная гагаринская судьба, Горинштейн оставался в Люберцах, не уставая разрушать дурацкое предубеждение все новых и новых юнцов против замасленных спецовок, против «черного» труда на заводе, против самого слова «рабочий».

Коллектив шестнадцатилетних, прежде чем стать коллективом, обязательно проходит период вольницы. Ребята в общежитии сбиваются в ватаги; комната идет на комнату. Не избежали этого и однокашники Юрия. И хотя в книге «Дорога в космос» журналисты Денисов и Борзенко записали с его слов: «Жили мы... в деревянном домике. Наша комната, на пятнадцать человек, находилась на первом этаже. Жили мирно, дружно. Во всем был порядок...»,— случалось всякое, особенно в первый год. Даже скоропалительная «забастовка» из-за невыданных спецовок...

В психологии ребят перелом происходит не сразу. Ремесленник еще не рабочий, но уже и не школяр.

И хотя поначалу в цехе с конвейера, куда ставили начинающие формовщики, в том числе и Юрий, свои изделия, шел густой брак; хотя мастер к концу смены хватался за голову при виде перекошенных стержней в опоках, все-таки они делали что-то уже собственными руками. Пальцы, недавно способные лишь держать ученическую ручку, становились со дня на день гибче, цепче, взрослее. А какой юнец не спешит стать мужчиной!

Да и первая получка, из которой половина тотчас была отослана Юрием в Гжатск,— разве это не наполняло его, как и других парнишек, внутренней гордостью и удовлетворением?

Завуч ремесленного училища наблюдал эти крошечные изменения из месяца в месяц, из года в год, все двадцать лет.

— Юра показался мне поначалу,— рассказывал он,— слишком хлипким, тщедушным. А вакансия оставалась единственно в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести... Вроде бы ему не по силам. Да и образование недостаточное: шесть классов. Мне сейчас трудно припомнить, почему я пренебрег всем этим и что заставило все-таки принять Гагарина. Наверно, та целеустремленность, которой он отличался всю последующую жизнь, его желание учиться. Ну, что ж, раскаиваться нам не пришлось. Случайно сохранилась ведомость за первую четверть: у него прекрасные отметки. Но был ли он особенным? Нет. Просто работящим, живым, обаятельным.

...Сознаюсь, из всех школьных друзей Гагарина больше всего в сердце мне вошел Александр Петушков, Саня Петушков. Спустя двадцать лет я разыскала его дом. Петушков-старший был на заводе, Петушков-средний — в пионерском лагере, Петушков-младший плавал в жестяной ванночке, а мать и супруга Галина Сергеевна поила меня квасом из запотевшего ковша.

Но вернемся в Люберцы, в 1949 год.

Их было трое, смоленских мальчишек: Чугунов, Петушков и Гагарин. Смоленское землячество. Они заприметили друг друга еще в актовом зале, после сдачи экзаменов, и дальше уже так и держались вместе. И тогда, когда пришли на завод и впервые увидали там, как из вагранки чугун течет. И позже, когда решили — кровь из носу!— кончать седьмой класс, хотя это была нагрузка сверх учебы в ремесленном и сверх работы на заводе.

Первым такую мысль подал Тима Чугунов.

— Я, ребята, пойду в вечернюю,— рассудительно сказал он.— Надо.

— Я тоже,— подхватил тихий Саня.

Юрий размышлял не больше секунды:

— И я.

— У него было такое свойство,— рассказывал потом Петушков.— Он не начинал

первый, но сразу подхватывал все толковое и уже ни за что не отступал.

— Как же вам хватало времени?

— А после отбоя выйдем из спальни, сядем на лестнице, под лампочку, и учим уроки. Потом наш воспитатель Владимир Александрович Никифоров, видя, что у нас не блажь, что мы решили заниматься по-настоящему, дал нам комнатку для троих. Мы каждый день сидели до часу. Каждый занимался молча. Если что-нибудь не пойму, спрошу Юру. Он быстренько объяснит, и снова у нас тишина, только страницы шелестят. Юра со своей помощью не навязывался, но так уж получилось само собой, что мы старались делать, как он.

А я подумала: уже тогда в нем стали проявляться почти незаметные поначалу черты героя своего времени — умение объединять вокруг себя людей и поворачивать мир его светлыми сторонами.

...Рассудительный Тимофей Чугунов оказался плотным приветливым мужчиной.

— С Юрой всегда было интересно,— говорил он.— Он больше нас читал и уже о многом знал из того, о чем мы и не слыхали. Уроки ему почти не приходилось готовить — запоминал в классе. А энергии было так много, что без дела он просто не мог оставаться. Отсюда, мне кажется, возникла и его любовь к спорту. У него было много азарта. Однако азарт никогда не делал его бесчувственным или злорадным. Как-то мы бегали на лыжах: шел зачетный кросс, и вдруг Юрин соперник сломал палку и так растерялся, что остановился. Юра, не останавливаясь, на ходу, сунул ему свою лыжную палку и все-таки обогнал его.

Хотел ли он стать летчиком? Не знаю. Юру все-таки больше тогда увлекала физкультура. Нет, он в своих мечтах никогда не зарывался, трезво выбирал возможное. Хотя и самое трудное из возможного!

Когда ремесленное училище было окончено, Петушков и Чугунов получили направление в Саратовский индустриальный техникум. Что касается Юрия, то в ту пору он мечтал совсем о другом поприще: ему хотелось поехать в физкультурный, в Ригу.

Иногда будущее решают сущие мелочи. В Саратов сдавать экзамены можно было ехать тотчас, а в Ригу — спустя месяц.

— Ну, и где ты будешь этот месяц болтаться? — увещевал своего воспитанника Владимир Ильич Горинштейн, как каждый производственник, не желавший, чтоб пропадали зазря два года литейного обучения в училище.

— Юра, а мы? Как же ты без нас? — завздыхали Тима и Саня.

Юра немного помялся и... передумал. Чашечка невидимых весов вздрогнула и качнулась. Вектор решительно указал на космос. В Саратов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

«МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ТЛЕТЬ...»

Юрий КАЧАЕВ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Сто лет назад на русском языке вышел первый том «Капитала». Эта книга Карла Маркса до сих пор является могучим оружием в руках коммунистов всего мира.

Первым переводчиком «Капитала» был член Генерального совета Первого Интернационала Герман Александрович Лопатин, человек беззаветной отваги и высокого мужества. Двадцать семь лет провел он в царских застенках, из них восемнадцать — в одиночке Шлиссельбургской крепости. Имя его стало знаменем борьбы с самодержавием. «Рыцарем свободы» называли Лопатина товарищи.

Здесь вы прочтете рассказ о нем.

Он приехал в Лондон погожим летним днем 1870 года. В дверях дома на Мейтленд-парк-роуд его встретила кареглазая девочка лет четырнадцати.

— Я хотел бы видеть господина Маркса, — сказал Лопатин, снимая шляпу.

Девочка осмотрела его с головы до ног и строго спросила:

— Он назначил вам время?

— Нет. Но я привез письмо от Лафарга*

— Мама! — обрадованно закричала девочка. — Письмо от Поля и Лауры!

В прихожую вошла высокая красивая дама.

— Тусси, веди себя прилично, — сказала она девочке и обратилась к Лопатину: — Прошу вас. Муж сейчас выйдет.

Лопатин побледнел. Откровенно говоря, он боялся, что Маркс с первых же минут встречи подавит его своей ученостью. Но когда хозяин протянул ему теплую большую руку, волнение исчезло.

Прочитав письмо, Маркс пытливо посмотрел на Лопатина и сказал:

— Поль рекомендует вас как возможного переводчика «Капитала». Я искренне рад и объясняю почему: это будет первый перевод моей книги на иностранный язык. Но мне любопытно знать: чем вас привлек именно «Капитал»?

— Мне кажется, эта книга станет учебником для всех настоящих революционеров, — подумав, ответил Лопатин. — В ней — вся история развития капитализма. А можно ли бороться с капитализмом, не зная его корней?

Маркс кивнул и взял со стола резную кипарисовую шкатулку.

— Курите, пожалуйста.

Они закурили.

— Вы давно из России? — спросил Маркс.

— В феврале я был еще в Петербурге.

— Поль пишет, что вы бежали из ссылки, — сказал Маркс, — и по дороге похитили Лаврова** прямо из-под носа у жандармов. Расскажите.

— Да рассказывать, собственно, не о чем, — ответил Лопатин. — Лавров жил с матерью в небольшом городке, под надзором полиции. Я остановился в гостинице, под чужим именем, разумеется, и несколько дней выжидал удобного случая. Однажды охрана отправилась на именины к местному градоначальнику. Тогда я приехал на тройке к Лаврову, посадил его в сани и увез. А чтобы жандармы не сразу хватились беглеца, мать его каждый вечер зажигала в комнате сына настольную лампу. В городе знали, что Лавров любит работать по ночам... Позднее я переправил его через границу. Вот и все.

Маркс, улыбаясь, посмотрел на Лопатина.

— Милый юноша, — сказал он. — Скромность, конечно, хорошее качество, но она убивает в человеке рассказчика... А теперь давайте пить чай.

— Боюсь, я отнимаю у вас дорогое время, — замялся было Лопатин, но Тусси уже потащила его к столу...

С того дня Лопатин стал бывать у Марксов. Работа над переводом требовала незаурядных знаний. Приходилось в подлиннике читать книги тех, с кем спорил Маркс. Дело подвигалось медленно, но стопа исписанных страниц все же росла день ото дня.

Маркс неплохо знал русский язык. Несмотря на огромную занятость, он по просьбе Лопатина делал необходимые пояснения для русского читателя. Это очень помогало в работе.

Чем дольше длилось их знакомство, тем больше уважения и симпатии испытывали они друг к другу.

По воскресеньям семья Маркса выбиралась за город, на Хэмпстедские холмы. Здесь, среди вековых каштанов и зарослей вереска, можно было отдохнуть от городской сутолоки и подышать запахами разнотравья. Лопатин и Тусси в эти часы мастерили луки и стрелы, собирали цветы или играли в крокет. Маркс обычно много ходил или читал, лежа в гамаке. Однажды, просматривая книгу Чернышевского, он подозвал Лопатина и спросил:

— Неужели Чернышевский навсегда потерян для ученого мира?.. Такая светлая голова...

— Боюсь, навсегда, — ответил Лопатин.

Подошла Тусси. Увидев озабоченные лица, она встревожилась:

— Что-нибудь случилось, па? О чем вы говорили?

— Об одном замечательном писателе, — ответил Маркс и погладил дочь по голове. — Царь отправил его на каторгу в Сибирь. Это большое несчастье для русских революционеров, да и для всех нас.

— Я был на площади в тот день, когда над ним совершали обряд гражданской казни, — сказал Лопатин. — Чернышевского поставили к позорному столбу и повесили на грудь доску с надписью: «Государственный преступник». Под барабанную дробь над его головой переломили шпагу. Какая-то девушка бросила к ногам Чернышевского букет цветов и крикнула: «Это сама Россия стоит на коленях!» Жандармы кинулись в толпу, но люди спрятали девушку.

— Почему же друзья не попробовали освободить Чернышевского? — спросила Тусси и нетерпеливо повернулась к Лопатину: — Герман, почему?

— Никто не знает, куда упрятал его царь, — ответил за Лопатина Маркс. — Сибирь велика, больше всей Европы...

— Я слышал, Чернышевский где-то под Якутском, — сказал Лопатин.

Маркс покачал седеющей головой:

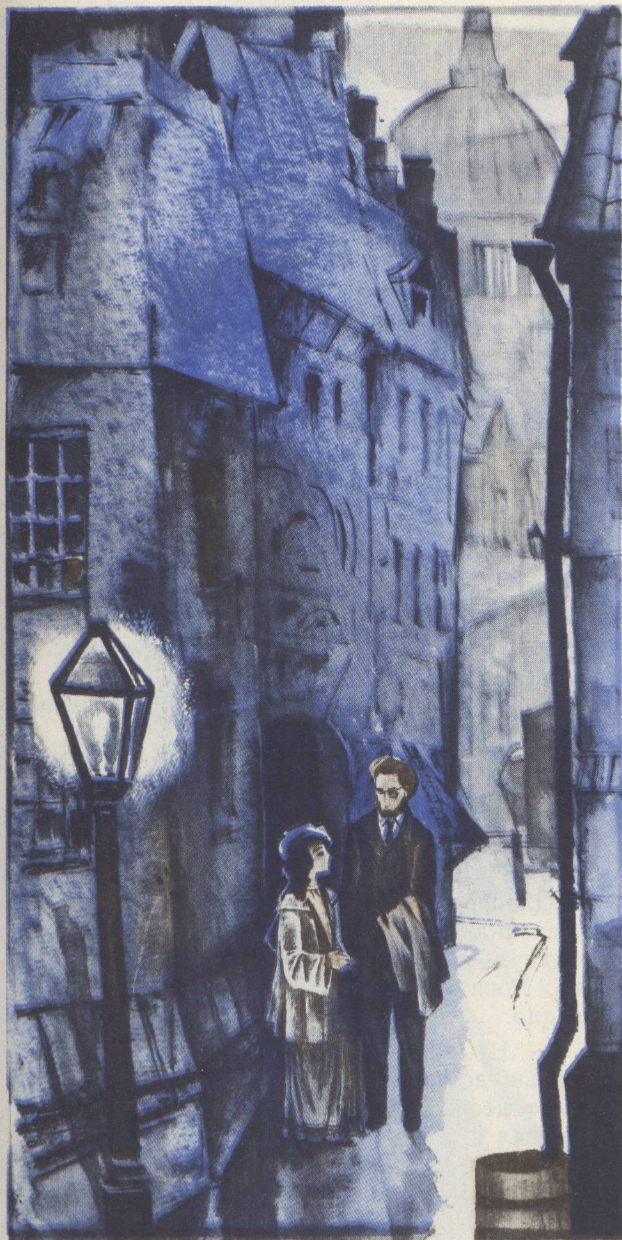
— Освободить его могла бы лишь крупная организация. Одиночкам, даже самым смелым, такая задача не под силу...

Лопатин уходил домой в удрученном настроении. Он еще не знал, что этот разговор вскоре

---

* Поль Лафарг — французский революционер. Был женат на дочери Маркса Лауре.

** Петр Лаврович Лавров — крупный ученый, народоволец, отбывавший ссылку в Вологодской губернии. Автор известной революционной песни «Отречемся от старого мира».



Они вышли на улицу. Над городом висел туман, похожий на розовый дым, и брусчатка мостовой блестела от влаги.

круто переменит его судьбу. Продолжая работать над переводом, он все чаще ловил себя на мыслях о Чернышевском, представляя возможные способы его спасения.

Лопатин был молод и полон сил. Ему хотелось действовать. И, отбросив колебания, он решился.

Когда Лопатин пришел на Мейтленд-парк-роуд, его встретила Тусси.

— Папы нет дома, — сказала она.

— Я к тебе, Тусси. Нам нужно поговорить.

Они вышли на улицу. Над городом висел туман, похожий на розовый дым. Брусчатка мостовой блестела от влаги.

В каком-то сквере Лопатин остановился и взял Тусси за руку.

— Я ненадолго уезжаю в Париж, — сказал он. — И хочу попросить тебя передать это письмо отцу, когда меня уже не будет в городе.

Он протянул конверт. У Тусси задрожали губы.

— Нет, — сказала она. — Нет, вы едете вовсе не в Париж. И не надо меня обманывать. Вы просто испугались, что папа не отпустит вас... Правда?

Лопатин молчал.

— Я знаю, — продолжала Тусси, — никто и ничто не удержит вас. И я... я горжусь... и буду очень ждать и бояться!

На другой день он уехал в Петербург. В Петербурге Герман попросил своего друга* закончить перевод «Капитала», а сам отправился в Сибирь. В кармане у него лежал паспорт на имя Николая Любавина, члена Императорского Географического общества.

В Иркутске Лопатина арестовали.

Острог был набит битком. Герман попал в общую камеру, где в ожидании этапа маялся самый разношерстный люд: проворовавшийся почтовый чиновник, конокрад, едва не забитый мужиками до смерти, «царек» Петруха — известный всей Сибири фальшивомонетчик да несколько крестьян. Один из них, Василий Шишкин, худой сивобородый старик, почти не вставал с нар после жестокой порки и только изредка просил пить. Он был осужден в арестантские роты за «безбожные речи и подстрекательство к бунту». Вчера его допрашивал сам полицмейстер Бориславский. Лопатин, ожидавший своей очереди, слышал весь разговор.

— Вот твой статейный список**, — говорил Бориславский. — Читай.

— Я ваших статей не разумею и списков не признаю, — отвечал Шишкин.

— Ты, может быть, и царя не признаешь?

— Не признаю. И приказаний ваших исполнять не буду.

— Будешь, когда выпорют.

— Эка невидаль, — засмеялся Шишкин. — Пороли, да отступились. Сколько об меня розог да прикладов изломано, ты и во сне не видал.

— Как ты смеешь мне «тыкать»? — повысил голос полицмейстер.

— Я знаю, что вас здесь много, целая шайка, — спокойно возразил Шишкин. — Да ведь я с тобой одним теперь говорю.

Наступило молчание, потом полицмейстер спросил:

— В какого бога ты веруешь?

— А ни в какого не верю: бог-то за вас, так и возьмите его себе, а мне он без надобности.

— Черту, что ли, ты молишься, прости господи?

— Никому я не молюсь, — отвечал упорный старик. — А черт-то тоже ваш, ваши попы его выдумали.

* Николая Даниэльсона, революционера и опытного переводчика.

** Обвинительное заключение.

За дерзкие речи и богохульство Шишкин получил сто плетей и вернулся в камеру полуживой.

В тюрьме все знали, что Лопатин — политический. Знал об этом и Шишкин. Когда его принесли в камеру и положили на нары вниз лицом, он поманил к себе Германа и чуть слышно сказал ему:

— Потолковать мне с тобой надо. Присядь-ка рядышком.

Лопатин сел, поправил на старике одеяло.

— Не знаю, может, в другой раз до смерти меня засекут, — шепотом продолжал Шишкин. — Так я тебе верного человека назвать хотел. Вместе мы с ним сидели, я ведь по острогам-то уже четвертый год мыкаюсь, многих людей узнал. Он тебе, Авдей-то, одежонкой поможет и через заставу провезет. Запомни: Зареченская улица, от Ангары третья изба справа. Спросишь Авдея Лутохина. Ты молодой, сильный. Верю — убежишь.

— Я уже дважды пробовал, — сказал Лопатин. — Один раз на душегубке три тысячи верст плыл, до самого Енисея. Схватили в Томске, по карточке на станции опознали... А за совет спасибо, отец.

Ночью Лопатин долго лежал с открытыми глазами.

«В чем причина провала? — снова и снова спрашивал он себя. — Неужели кто-нибудь из друзей выдал? Нет, быть не может!» О своем отъезде он известил лишь самых близких...

Да, Маркс оказался прав: одиночке эта задача не под силу. Он, наверное, постарел, Маркс. А Тусси стала почти взрослой... Уже прошло целых три года. Три года тянется следствие, а конца не видно. Каждый месяц в местную жандармерию поступают новые сведения, и по десятым числам его возят в окружной суд заполнять опросные листы.

«Завтра снова десятое. Десятое июля, — подумал Лопатин. — Надо попытаться еще раз. А теперь — спать».

Разбудило Лопатина солнце. Желтый граненый столбик света пробился сквозь зарешеченное окошко и упал на лицо. Отворилась дверь камеры, и надзиратель крикнул:

— Эй, варнаки! * За жратвой ступайте.

Двое дежурных арестантов побежали с жестяным бачком на кухню.

Спустя немного, Лопатин накормил Шишкина, поел сам, хотя есть не хотелось.

В полдень появился надзиратель.

— Лопатин, на выход!

— Не забыл, куда идти-то? — тихо спросил Шишкин.

— Помню.

Лопатин сжал руку старика. По лицу Шишкина ползли редкие слезы.

— Ну, прощай, — сказал он. — Чую, не свидимся больше. А ты верь: правда, она светлее солнца.

— Верю, отец. Крепко верю.

* Варнак (сибирск.) — уголовник.

На тюремном дворе уже ждала колымага. Двое жандармов сели по бокам рядом с Лопатиным, и колеса загремели по булыжной мостовой.

Сеял серенький дождь-ситничек. На площади, перед зданием окружного суда, бродили тощие клыкастые свиньи, похожие на волков.

У крыльца суда Лопатин увидел привязанную верховую лошадь.

«Кто-нибудь приехал за справками», — подумал Лопатин, и сердце у него забилось гулко и часто.

Как обычно, чиновник оставил Лопатину опросную бумагу и сам вышел. Лопатин сел за стол, пододвинул к себе чернильницу и, не торопясь, вывел число.

«Обязуюсь отвечать на предложенные вопросы чистосердечно и по порядку, — писал он. — Тому следуют пункты...»

За дверью слышалась мерная поступь жандарма.

«А где же другой? — мелькнула мысль. — На крыльце?»

Он встал, постучал в дверь. В замке повернулся ключ.

— Чего тебе? — сердито спросил часовой.

— Выйти надо.

— Приспичило? Ну, ступай вперед. — Жандарм подтолкнул Лопатина в спину.

Они вышли на крыльцо, скользкое от грязи. Медленно сходя по ступенькам, Лопатин вдруг соскочил с крыльца и одним прыжком перемахнул к лошади. Та шарахнулась в сторону. Лопатин рывком оборвал повод, вскочил в седло.

— Ну, милая, не выдай, — прошептал он. — Только до леса донеси.

От неожиданности конвоир опешил. Пока он срывал с плеча ружье, Лопатин уже был далеко. Через полчаса конные отряды полиции рассыпались по обоим берегам Ангары, перекрывая дороги и обшаривая окрестные села. Лопатина искали и в бурятских улусах, но он словно в воду канул. Погоня уходила все дальше от Иркутска, и никому в голову не пришло, что беглец, отсидевшись в тайге, той же ночью вернулся в город.

Недели через две перед шлагбаумом Иркутской заставы остановился крестьянский ходок *. Седоков было двое: пожилой степенный бородач и пьяный — пьянее вина — парень. Лежа поперек ходка, парень тренькал на балалайке и диким голосом горланил:

Эх, теща моя,
Теща ласковая,
Через речку меня
Перетаскивала!

* Ходок (сибирск.) — легкая телега.

Недели через две перед шлагбаумом Иркутской заставы остановился крестьянский ходок.

Из караульного помещения вышел усатый унтер, что-то дожевывая на ходу.

— Пачпорт, — обратился он к пожилому. Бородач протянул ему паспорт.

— В порядке, — сказал унтер. — А у энтого?

Пьяный завозился, пытаясь сесть, и свалился с телеги прямо в колею. Когда он, шатаясь, поднялся, все лицо его было в грязи. Унтер захохотал:

— Ну и образинушка! Эка назюзюкался!

— В солдаты племяша моего берут, ваше благородие, — хмуро объяснил пожилой мужик. — Вот и гуляет.

— И б-буду гулять, — заявил парень и двинулся к унтеру с явным намерением обнять его.

Унтер попятился к шлагбауму и крикнул бородачу:

— Да поезжай ты, холера! Навязались на мою голову...

Бородач довел пьяного до ходка и насилу уложил. Телега тронулась. Пьяный вновь заголосил частушку.

В полуверсте от заставы он умолк и тронул спутника за рукав:

— Постой, дядя Авдей. Схожу умоюсь.

— Талант в тебе пропадает, Герман Александрович, — усмехнулся в бороду Авдей. — Я на тебя, на «пьяного»-то глядючи, сам чуть живот не надорвал.

Месяц спустя Лопатин сидел в петербургской квартире Николая Даниэльсона.

— Господи, — говорил Даниэльсон. — Глазам своим не верю. Да ты ли это, Герман?

Лопатин покосился на свои есаульские* погоны и засмеялся:

— Товарищи в Томске достали. Слегка непривычно, зато в поезде ехал безо всяких хлопот.

— Мы очень ждали тебя, — сказал Даниэльсон. — Даже подарок приготовили. Знали, что тюремные стены нашего Германа не удержат.

Он достал из книжного шкафа объемистый том и, протягивая Лопатину, добавил:

— Ровно год, как издали.

Герман перевернул голубоватый картон обложки. На первом листе он прочел: «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого».

— Маркс знает? — спросил Лопатин.

Даниэльсон кивнул:

— Я послал ему несколько экземпляров.

— Но как вам удалось обмануть цензуру?

— О, это целая история, — усмехнулся Даниэльсон. — Вначале цензурный комитет поднялся на дыбы. «Запретить безоговорочно! У нас и своих крамольников хватает!» Тогда я говорю: «Позвольте, господа, но ведь это чисто научный труд и к политике не имеет ни малейшего отношения». «Да, — отвечают, — тут и в самом деле сплошная математика. Формулы какие-то. Для русского читателя это темный лес».

Лопатин осторожно листал страницы книги, испытывая чувство светлой радости, словно он взял в руки меч-кладенец, могучее оружие добра и справедливости.

«Когда, в какой день мы используем это оружие? — подумал Лопатин. — Но когда бы такой день ни пришел, нам все равно нельзя сидеть сложа руки. «Мы не имеем права тлеть», — кажется, так сказал Огюст Бланки**. Да, мы не имеем на это права, даже могила революционера должна выбрасывать пламя».

---

* Есаул — чин капитана в казачьих частях.

** Огюст Бланки — французский революционер.

Наталья ЮРКОВА

Путешественник

Жил путешественник
один.
И это ничего,
Что он пока
Не уезжал
От дома далеко.
Он в лес ходить
Мог каждый день.
И только лишь
В лесную тень
Он с поля заходил,
Как все
Преображалось.
Березовая роща
Здесь в джунгли
Превращалась,
Ручей —
В стремительный поток,
Дубы,
Холмы,
Поляны
Вдруг превращались
В пальмы,
Памиры
И саванны...
А путешественник
Был смел,
Не уставал
И все умел.
Он в лодке
Плыл по океану,
Стоял у кратера
Вулкана,
Спасал от тигров
Обезьяну...

Он путешествовал
Вдали
От той земли,
От той земли,
Где тек ручей,
Где лес стоял,
Где на лесной опушке
Он жил
С отцом и матерью
В уютной деревушке.

Но каждый,
Каждый вечер,
Успев за день устать,
Он шел домой,
Он шел домой,
Чтоб атлас полистать.
Листал он
Школьный атлас,
Усевшись на диване,
А утром
Отправлялся
В диковинные страны.

Моя планета

С неба
На исходе дня
Звезды
Смотрят на меня.
Смотрят
И мигают мне...

Лампу,
Засветив в окне,
— Видите меня? —
Спросил
У мерцающих светил.
В тишине
Одна звезда
Мне в ответ сказала:
— Да.
Я тогда
Спросил звезду:
— Что ты сверху
Здесь внизу
Видишь на моей планете?

— Вижу
Очень много света,—
Мне ответила звезда, —
Как в созвездья,
В города
Мчат кометы-поезда.
Светят в синем океане

Пароходов караваны.
Звездочками
Над планетой
Кружат
Спутники-ракеты.
Лампа на твоем окне
Весело мигает
Мне.

Вячеслав **КУПРИЯНОВ**

Напутствие

Есть где-то город
Чуткий, говорят.
Там выдаются
Слезы напрокат.

Стоят киоски
На виду у всех.
И там задаром
Раздается смех.

Там каждый дружбу
Поддержать готов.
Ты не чихнул,
А слышишь: будь здоров!

И если даже
Там знакомых нет,
Тебе повсюду
Говорят: привет!

Кому дороже
Спутник, а не путь,
Те в этот город
Могут заглянуть.

Весной

Сказок человеческих не зная,
пел ручей, что унывать не стоит:
у него была избушка ледяная,
осенью он новую построит.

В гости...

Нажимаю луну,
словно кнопку звонка.
Говорю: — Отоприте,
я к вам издалека...
Говорят: — Уже поздно,
сны стучатся в виски.
И к тому же мы звезды,
мы от вас далеки.

Рисунки П. БАГИНА.

Эдуард КОРПАЧЕВ

Легкая разлука

РАССКАЗ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

«Ну-ка, упрямый Марков! — воодушевил он себя.— Ты же упрямый, Марков. Встань и докажи!»

И моментально обострилось в нем то непонятное, дерзкое, что учителя называли упрямством и что самому Валику Маркову представлялось твердостью характера и волею. И он улыбнулся пленительно своему врагу Алику Пигулевскому и знал, что такой, улыбчивый, добродушный, нравится сейчас всему классу, а не только несчастной Виве, сидевшей за одной партой с Аликом.

Неспешным шагом подошел к Алику и попросил как можно душевнее:

— Может, поменяемся местами? Я сяду с Вивой — хочешь? И солнце на моей парте не печет.

Марков даже повел рукою, приглашая Алика за свою парту, стоявшую далеко от окна, новенькую, черно-лаковую, как пианино.

Стон удивления пронесся по классу, пронесся и утих, так что слышен стал частый шорох трепещущей залетной бабочки, которая напрасно билась и терлась о стекло, теряя при этом красную пыльцу, мельчайшие драгоценные блестки.

Если бы не слух, пущенный курчавым Аликом Пигулевским, которому опостылело сидеть рядом с Вивой, если бы не этот слух, что они, Валик Марков и Вива, вступили в тайную переписку, Марков по-прежнему сидел бы за своей партой, такой неприступный, строгий, и что ему до этой Вивы! И вовсе не потому, что Вива дурнушка, что у нее кривые зубки, которые она при смехе прикрывает ладошкой.

И вот же пробудился, восстал в нем упрямый человек, так любивший противоречить, так любивший быть возмутителем спокойствия!

Потом, когда закончилась переменка и начался последний урок, уже сидя рядом с Вивой, Марков увидел, что кругом были лица, румяные то ли от застенчивости, от стыда раскрывшейся вдруг тайны, то ли от ломящегося, пламенного, почти лишающего зрения солнца. Марков точно видел себя со стороны, чужими глазами: какой он выдержанный, какой смелый, какой у него упрямый, волевой подбородок, слегка капризные губы, нос с горбинкой, совсем небольшой, приятной горбинкой...

Он знал, что в классе любят и поощряют его увлечение баскетболом, его поступки, его молчание. Может, потому он всегда сочувствовал Виве, над которой то и дело посмеивались в классе, придумывали небыль, городили чепуху. Он был любимцем, она — пугалом. Он был «интересным мальчиком», как слышал иногда о себе, а она дурнушкой. Он был упрям, его побаивались, а на ней отводили душу такие, как Алик Пигулевский.

Очень понимал он, Марков, позволявший себе капризы и упрямство, он, любимец всего класса, каково живется Виве в каждодневном, безмолвном споре со всеми, в этом безрезультатном беге от насмешек, выдумок, розыгрышей...

И вот теперь, великодушно посмотрев на Виву, он поразился, какое пылающее лицо, какие мглистые у нее глаза, и вспомнил, что шутники и прежде выдумывали, будто Вива только и твердит о нем, Валике Маркове. Раньше он не придавал значения этим, казалось бы, обычным издевкам, а теперь, видя мучительную и радостную перемену в Виве, с болью, с обмиранием каким-то подумал, что могли быть правдой все эти россказни.

И Марков зло обернулся, различив, с каким восторженным любопытством следит теперь за ним с его бывшей парты курчавый Пигулевский, а потом отвел лицо к окну и весь урок наблюдал за бабочкой с просвеченными солнцем красными, крапчатыми, беспокойными крылышками.

Но если пробудился в нем упрямый Марков, то уж надо оставаться упрямым, и потому он, едва закончился урок, нарочно громко и все с той же улыбкой сказал Виве:

— Айда на лодочную станцию!

А Вива зарделась еще больше, даже прыснула в ладошку от радости и благодарно взглянула, согласно кивая в ответ.

Он пропустил ее, нескладную, высокую, вперед, затем и сам вышел неспешным, рассчитанным на зрителей шагом.

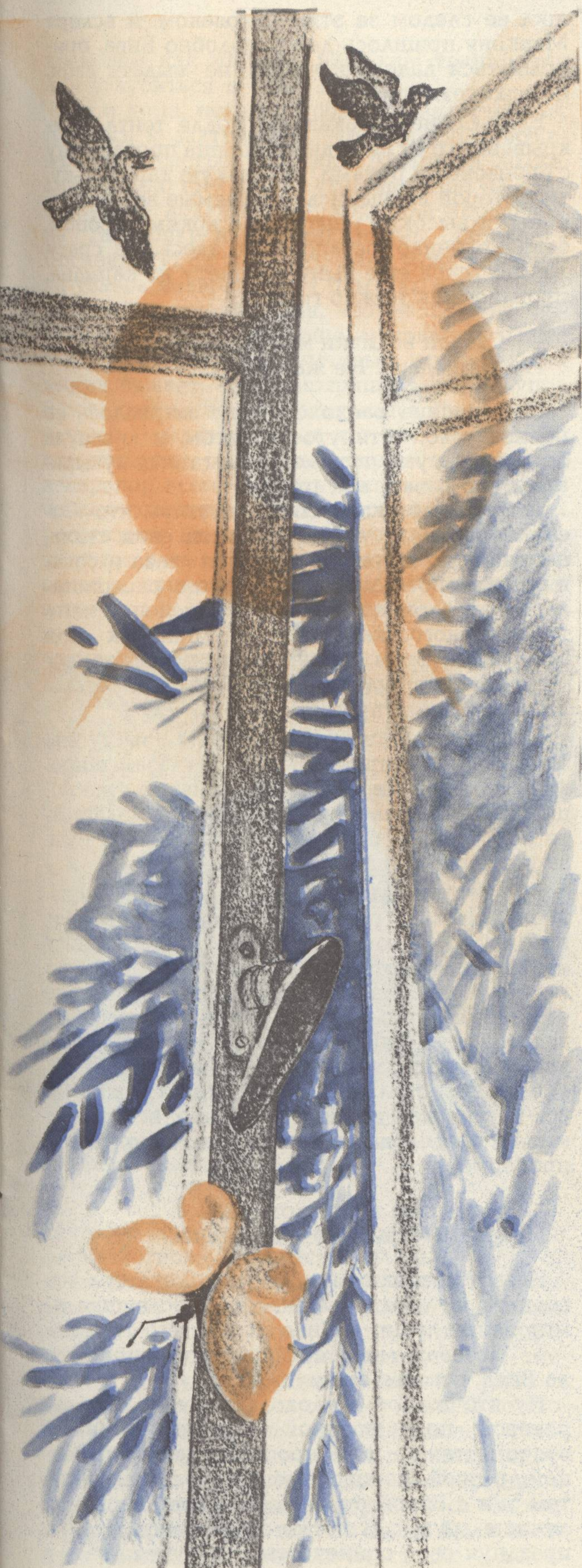
И уж все в этот день, все их гуляние по городку, слова, жесты, веселье — все должно быть на руку тем, кто распускал слухи. Так решил Марков, вышагивая по булыжному спуску к реке. Нужно быть упрямым, самостоятельным, не опасающимся нелепых слухов и выдумок.

— Гляди-ка, наша бабочка! — показал он на порхающий цветок, очень яркий цветок среди белого цвета яблонь и вишен.

— Ну, конечно же, наша,— вполголоса подхватила она и потупилась, будто согласилась с чем-то, лишь им двоим принадлежащим.

— Нет, я о том, что для нее тоже кончился урок,— подосадовал он на это желание девчонок придавать всему загадочный смысл.— Я о том, что она из нашего класса...

Здесь, на этом булыжном спуске, осененном цветущими деревьями и похожем на се-



Стал слышен частый шорох трепещущей бабочки, которая напрасно билась о стекло.

рый канал с необыкновенными, снежными берегами, он впервые, как только помянул бабочку, ощутил недовольство собою и нескладною Вивой, но тут же постарался заглушить раздражительность. И потом весь день он будет не раз подавлять в себе раздражительность и вспыльчивость, напоминать самому себе о выдержке и терпении, удивляться тому, что рядом все еще бредет покорная Вива. Он будет твердить себе, что надо быть терпимым и уравновешенным, если прослыл человеком с характером.

Легко совладал он с первым недовольством, побежал по булыжнику, улавливая позади стук девчоночьих каблучков, и без всякой задержки взял напрокат лодку, разулся, заставил и Виву сбросить туфли, и уже через некоторое мгновение закачалась их лодка на воде, отражавшей у берегов ватные валы цветущих деревьев.

Отчаливший в эту минуту от пристани теплоход погнал волну и накренил лодку так, что Вива невольно по локоть ткнулась оголенной рукой в воду, но нисколько не испугалась, а лишь засмеялась, защищаясь мокрой рукой и даже пробуя на вкус речную воду с ладони. И тут Марков окончательно понял, что Виве ничего не страшно теперь. Он настороженно и долго смотрел на нее, словно видел впервые.

А она по-своему поняла его взгляд и спросила нелепо, словно и впрямь они только теперь познакомились:

— Тебе не кажется странным мое имя, Валик?

Странным ему показалось другое. В ней появилась какая-то наигранная манера спрашивать значительно и в то же время наивно, он силился вспомнить, кому подражает она. Хотел вспомнить и не мог.

— Очень редкое имя,— тоже с нарочитой серьезностью отвечал он и осматривался вокруг. Ему хотелось, чтобы кто-то подслушивал их, чтобы за ними следили с того булыжного спуска, похожего на серый канал с сугробами по обе стороны.

А про имя, очень редкое имя, он подумал так: «Ну разве это имя? Разве это имя для девчонки? Скорее для обезьянки имя!» И сама она, Вива, щурясь от солнца, с уменьшенными от нестерпимого сияния дня глазами, представилась ему обезьянкой. Он даже взгляд отвел, чтоб ничего такого она не поняла.

И вот, плохо подумав о ней, он очень пожалел ее тут же, пожалел за то, что в классе все обращаются с ней бесцеремонно, что маленький, злой Алик Пигулевский досаждает ей. А сам почувствовал себя ее защитником, очень великодушным и очень добрым, и мысленно загадал сделать этот майский день для Вивы праздником. Чтоб вечно ей помнился удачливый нынешний день.

Сколько же плоскодонок, байдарок, шлюпок, лодок с подвесными, стреляющими мо-

торами чертило водную гладь! Как все горожане старались пораньше загореть: сидели в лодках до пояса обнаженные, с млечным цветом кожи, пытались даже купаться, диковатыми голосами оглашая побережье!

И Марков тоже не тратил попусту время, тоже сбросил рубашку, чалмою намотав ее вокруг головы, которую уже припекало, и все гонял лодку, все держал ее на ходу, в движении, ловко всплескивая веслами.

— Господи, какой аромат! Как веет ароматом! — снова не своими словами произнесла Вива, мечтательно кивнув в сторону берега, сплошь белого от цветения деревьев.

— Какое чудо здешний климат! — в тон ей обронил и он, раздражаясь и не понимая, откуда эти слова ее, эта чужая интонация.

Как ни пытайся продлить райское время, как ни кружи по Днепру, а все равно и часу катания приходит конец, подобно любому часу, любому уроку. И вот уже вскоре Марков в мятой рубашке появился на берегу у окошечка голубой будки, взял оставленный в залог досаафовский билет, развернул его и дал Виве посмотреть. Она с такою охотою подержала в руках этот билет, что и сам Валик Марков пригляделся еще раз к досаафовскому удостоверению, точно к новинке какой-то.

— Ну вот,— снова театрально произнесла Вива, уже поднося ему на прощание руку.— Я очень признательна тебе, Валик.

И она даже вздохнула — то ли всерьез, то ли оттого, что запыхалась от восхождения в гору, к будочке лодочной станции.

— Постой, постой,— заперечил он, вспоминая о задуманном плане праздничного, большого, майского, уже почти совсем летнего этого дня.— Ну, куда нам спешить, Вива? А уроки... Ты же отличница. А разве отличницам ставят двойки?

И Вива улыбнулась, по привычке пряча в ладонь улыбку, и первая пошла вверх по булыжному ущелью.

Такие же белые деревья встречались им и дальше по пути, на всех улочках городка.

Марков таил от Вивы свой план, просто вел ее и помалкивал, куда он ведет. А все затем, чтоб неожиданность еще более украсила этот светлый Вивин день!

Но прежде, чем свернуть к самому притягательному в городке зданию, куда влекло людей всегда новое зрелище в погружающемся во тьму зале, они побродили следом за удивительным человеком.

В маленьких городках, где люди на виду, всегда есть свои чудаки. Перед Вивой и Марковым шел человек, который повсюду сеял шутки, агроном пригородного совхоза Сосненко. Седеющий, словно белесый от пыли, которой всегда были припорошены его ботинки и штаны, Сосненко разговаривал с людьми необычно, в рифму, потом слова его подхватывались и повторялись зеваками.

И вот Марков, ухватив Виву за руку, потащил ее следом за этим человеком, и вскоре Маркову пришлось даже, подобно Виве, прикрываться ладонью, чтобы не выдать себя, не всхохотнуть.

Едва Сосненко оказался подле тента, прикрывавшего от нещадного солнца продавщицу с бронзовыми руками, маленькую карусельку, на которой вращались орошаемые водою стаканы, и высокие мензурки с ярким сиропом, едва Сосненко остановился здесь, он сразу же, не успев еще вынуть монету из кармана, произнес как можно громче:

— Стакан водички мне налейте.
И дайте сдачу. Не жалейте!

Продавщица расхохоталась; затряслось ее полное тело, обтянутое халатом, и дрогнула бронзовая рука, тут же обрызганная пузырьками газировки, как ртутью.

А Валик Марков успел заметить, что Сосненко, прежде чем произнести свои стихи, напряженно щурился, суживая глаза и сочиняя, наверное. Да и продавщица расхохоталась так, словно ожидала от Сосненко чего-то забавного, какой-то выдумки. Уж если прослыл поэтом, фокусником слова, то все ждут от тебя удачных прибауток и готовы хохотать и без причины.

Продавщица смахивала слезы, выступившие от смеха, прикладывала к глазам широкий белый рукав халата, а Сосненко уже пошел дальше, невозмутимый, как и полагается настоящему шутнику. Ну что же, в путь за ним, если и Виве так весело!

Так заразительна была эта манера произносить слова в рифму, что и потом, потеряв потешного человека из виду и оказавшись наконец в кинотеатре, в душных потемках зала, Марков посмеивался и старался тоже что-нибудь придумать в рифму. Шло действие, люди на экране спорили, отчаивались и успокаивались, зал вздыхал, переживал, поскрипывал стульями, а Марков словно бы все не упускал из виду Сосненко, все припоминал его слова и вскоре сам вполголоса пробормотал:

— Готов весь город дотемна
Подряд смотреть хоть два кина...

Но вот распахнулись двери кинотеатра, повалили из зала бледнолицые, ослепшие на мгновение люди, и Вива повела его к тенту.

— Позволь мне тебя угостить,— попросила Вива, розовея от смущения.

Ну что же, он с удовольствием выпил сиреневой, подкрашенной водички, выпил и второй стакан, уже простой, неподкрашенной, резкой, пощипывающей водички, а затем они с Вивой очень легко расстались, как лучшие друзья. А потом он заспешил домой, празднуя свое одиночество и убеждаясь в том, как все же хорошо быть свободным от дружбы с девчонкой, распоряжаться своим

временем как угодно: идти на тренировку или углубиться в книгу.

Но и дома, пока он просматривал учебник, готовясь к завтрашним урокам, он вспоминал, как быстро бороздил Днепр на лодке, как грозило ему не раз столкновение на воде с другими лодками, как хохотала продавщица газировки и как невозмутим оставался Сосненко. И он знал, что Вива тоже наверняка теперь возвращается памятью ко всем явлениям солнечного дня, что ей приятно погружаться в эти недавние мгновения и что глаза у нее сейчас задумчивые, глубокие, как всегда бывает, если смотришь в свою душу. Вот и прекрасно, что отогрелась Вива в солнечный майский день и что он, Валик Марков, поступил с должным упрямством, пошел наперекор всем — Алику Пигулевскому, девчонкам-сплетницам, всем, кто потворствовал россказням да слухам! И только, припоминая этот день, он удивлялся, что никого из одноклассников им с Вивой не удалось повстречать, и не верил, никак не верил, что

Валик мысленно загадал сделать этот майский день для Вивы праздником.

никто не шпионил за ними. «Завтра все будет известно»,— торжествовал он.

Назавтра же, когда явился он в класс с вызывающей, нагловатой усмешкой, когда сел, небрежно кивнув Виве, за парту и настороженно прислушался, не затевается ли смешок за его спиной, ничего ему не удалось уловить. Он огляделся с недоумением по сторонам, увидел кругом склонившихся к учебникам, поспешно листающих страницы одноклассников, увидел на стекле и вчерашнюю бабочку, которая умиротворенно, со сведенными крылышками, так что видна была полинявшая изнанка, дремала на стекле — должно быть, до той поры, когда солнце опять начнет ломиться в окно.

Молчание класса удивило его. Ну и притворы!

И, нарочито зевнув, он обратился к Виве:

— Ну, как тебе фильм? А этот чудак Сосненко? Хочешь, опять возьмем лодку?

Ожидая, что Вива встрепенется и улыбнется ему сомкнутыми губами, он совсем не ожидал, что с таким испугом, с такой мольбою не выдавать вчерашнее посмотрит она на него.

Даже неловко стало от ее взгляда, и он, передернув плечами, отвел глаза в сторону, засмотрелся на бабочку, тоже боявшуюся, кажется, пошелохнуться в этот миг.

Весь урок он размышлял, отчего так испугана, так подавлена Вива, он искал ответа у других, окидывая изредка кого-нибудь ленивым, но приметливым взглядом, обернулся даже и посмотрел на курчавого Пигулевского, который, оказывается, не выучил урока, и это было заметно по тому, как вобрал он голову в плечи, как прячется за чужую спину, никнет к парте.

А разрешилось все на переменке.

Только он вышел из класса, чтоб занять удобное, облюбованное им местечко у батареи, как выскочила вслед за ним и Вива и, не заботясь уже о том, что видны будут ее кривые зубки, с застывшими в глазах слезами резко спросила:

— Зачем ты так? Зачем ты всем? Зачем эта игра? Мне все понятно теперь, все! И не надо больше на лодке. Не хочу!

— Какая игра? — перебил он раздраженно.— Да это ты сама играешь, Вива.— Он вспомнил, наконец, кого так напоминала она вчера, когда заговаривала, когда восторгалась, когда угощала подкрашенной водичкой.— Сама ты насмотрелась всяких фильмов, сама играешь... Да!

Наверное, если бы она заплакала, ей бы легче стало, а так она все боролась с собою, все не уходила.

— Мы не будем больше ни на лодке, ни в кино — никуда. Но не пересаживайся, ладно? — обреченно попросила она и прянула прочь.

«Вот и ладно»,—обрадовался он тому, что свободен от ненужной ему дружбы, что ничего не надо доказывать классу, что он волен сам распоряжаться своим временем, волен идти на Днепр, или на спортплощадку, или в прохладный зал городской читальни.

Но только словно бы какая-то бездна открылась его взгляду, он словно вдруг увидел будущую жизнь Вивы, сложную, как у каждого человека, и, быть может, еще увидел, как в будущей той жизни Вива ко всему подходит с недоверчивостью и сомнением.

Почему-то он решил, что Вива ведет дневник, и ему нестерпимо захотелось заглянуть в него, открыть еще не написанные, обжигающие правдой странички. Хотя он и без того понимал, как в эту минуту, принесшую ему легкость, освобождение от обязанностей дружбы, нелегко ей убегать, по пути расталкивая ребят.

Однажды к нам пришло письмо из Красноярского края. «Почему каждый рождающийся человек должен снова учиться всему, чему учились родители? Мне очень хочется знать, почему?» Вот такое коротенькое письмо и подпись — Саша...

Есть на свете наука, о которой и тебе, читатель, и автору письма, может быть, еще ничего не известно. Ведь даже азбуку этой науки проходят лишь в десятом классе. Эта наука называется генетикой и ведет исследование таинственных и сложных законов наследственности, важнейших законов развития всего живого.

Мы и отправились с Сашиным письмом в Институт общей генетики Академии наук СССР, к его директору — академику Дубинину. Вот что ответил Саше Николай Петрович ДУБИНИН.

О ТОМ, ЧТО НА РОДУ

Недавно в Париже проходил международный конгресс по генетике человека. Мне пришлось там выступать на последнем заседании как раз по тому вопросу, который задал Саша. Это непростой вопрос, и он направлен в самую сердцевину огромного клубка загадок, который распутывает наука, называемая генетикой человека.

Как человек становится человеком?

Какие признаки и свойства наследуются детьми от родителей и какие он приобретает сам в течение своей жизни?

Рождается человек, можно сказать, далеко не бедняком. От рождения он обладает готовым бесценным наследством, полученным от предков. Способность двигаться на двух ногах, способность обучаться и трудиться, способность мыслить и выражать свои мысли словами заложены в каждом из нас от природы. Наследственные признаки передаются в течение многих тысячелетий от человека к человеку, от поколения к поколению, и благодаря этому каждый вновь появившийся на свет человек продолжает на земле особый биологический вид, получивший в науке наименование «Гомо сапиенс», что означает «Человек разумный».

Некоторые наследственные признаки существуют у человека с самого рождения в готовом виде, другие — в форме задатков, которые проявляются и развиваются, начиная уже с самого раннего детства. И происходит это автоматически, с неуклонностью хода часовой стрелки, которую движет сложный механизм с пружиной, заведенной в незапамятные времена. Недаром говорится, что биологическое развитие каждого человека происходит по генетической, по наследственной программе, то есть от самого человека не зависит.

В этой генетической программе записаны такие особенности, как цвет глаз и волос, рост,

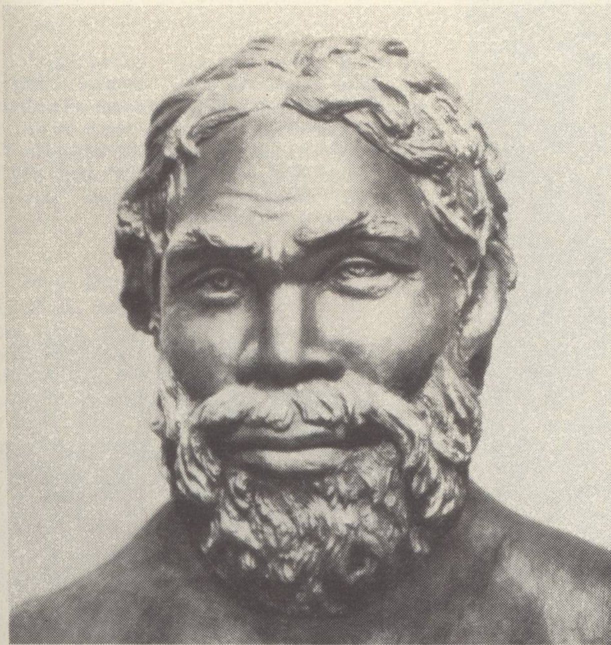
Этот рисунок археологи обнаружили на стене древнего жилища. Рука древнего земледельца запечатлела изображения животных, по которым мы узнаем о жизни людей и о природе тех далеких времен...

НАПИСАНО И ЧЕГО НЕ НАПИСАНО

форма носа, головы, различия в составе крови и так далее. Некоторая группа этих признаков объединяет человека с небольшим числом людей — родителями и ближайшими родственниками. Недаром издавна существует понятие фамильного сходства. В виде задатков можно унаследовать от родителей тонкий слух, хорошее зрение, красивый голос, математические способности. Передаются от родителей и особенности характера: например, вспыльчивость или уравновешенность.

Одного не могут передать родители по наследству своим детям: тех знаний, которые они приобрели в школе, в институте, на заводе, в семье, в обществе,— того, что составляет духовную личность человека.

Ни закон Архимеда, ни формулы химии и тригонометрии, ни сведения по географии, ни теорема Пифагора, ни таблица умножения, ни доброта, ни хорошее поведение в обществе и



Наши предки... Какими они были? Наука отвечает сейчас на этот вопрос. Вот как выглядел человек сорок тысяч лет назад. Он мало знал и мало умел, но по своему физическому облику уже тогда был близок современному человеку. И все качества биологического вида «Человек разумный», качества, которые роднят нас с нашими предками, природа записала в строении вот этой сложнейшей молекулы (фото вверху) — молекулы ДНК, хранительницы наследственности.

многое другое детям по наследству не передадутся. Вероятно, Саша, да и не он один, а многие ребята сожалеют об этом.

Зря! Не стоит сожалеть, хотя на первый взгляд такая наследственность кажется очень заманчивой и удобной. Но ведь знания, накапливаемые человечеством, не остаются на одном уровне, многие со временем отбрасываются как ошибочные, многие уточняются, изменяются.

А что получилось бы, если бы у нас оказалось наследство, о котором мечтает Саша? Родители передавали бы детям не только то, что выучили сами, но и то, что получили по наследству от своих бабушек, прадедушек, прапрапра и так далее. И каждый из нас оказался бы в положении Вольки Костылькова, которому старик Хоттабыч подсказывает по географии сведения трехтысячелетней давности.

И хуже всего, что унаследованные сведения эти не могли бы быть уже отброшены и стерты из нашего сознания, как не может быть изменен цвет наших глаз, состав крови, количество пальцев на руке.

Чтобы понять, почему не могли бы, надо очень ясно представить себе, как прочна и неуклонна наследственная программа. Давайте попробуем взглянуть назад за несколько десятков тысячелетий на нашего предка, каким он был тогда.

Не так давно близ города Владимира, в местности, называемой урочищем Сунгирь (по ручью, который там протекает), археологи нашли в древнем погребении скелет человека, жившего двадцать пять тысяч лет назад. Эту находку внимательно изучали известнейшие наши антропологи. Профессор Г. Ф. Дебец и профессор М. И. Герасимов, тот самый, что по черепу давно умерших людей умел восстанавливать их облик. Оба ученых пришли к выводу, что ни по строению тела, ни по форме и размерам черепа человек с Сунгиря не отличался от нас.

А фотография на предыдущей странице! Посмотри на нее. Этот человек жил сорок тысяч лет назад. Его облик профессор Герасимов восстановил по ископаемому черепу. Внешне этот человек тоже схож с нами, а ведь его отделяет от нас бесчисленная вереница поколений.

Десятки тысячелетий шли над планетой, бушевали стихии, наступало, отступало и снова наступало оледенение, рождались реки, тундры сменялись лесами, леса — степями, преображался климат, человек из беззащитного существа становился самой могучей силой планеты, но все это почти не отразилось на его облике, на его биологических свойствах.

Где же причина такой устойчивости основных признаков нашего вида?

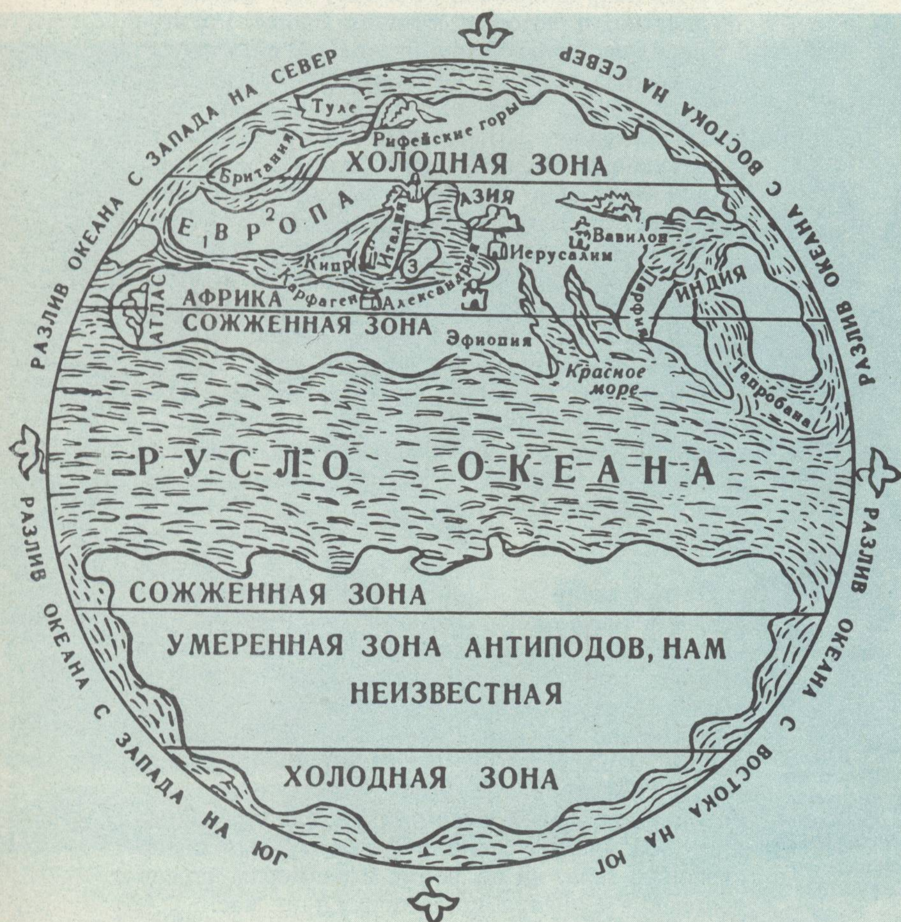
Причина — в живой клетке, в ее устройстве. Человек, используя орудия труда, огонь, убежища и многое другое, обеспечил себе устойчивую среду жизни. В результате грандиозные события, которые разыгрывались на планете за десятки тысячелетий, не затронули главного в человеке: эту живую клетку и тех особо сложных молекул, которые в ней сокрыты. Не затронули и не изменили тот порядок, в каком свернуты спиральные цепочки этих молекул, последовательность, в какой нанизаны в спиральных цепочках составляющие их звенья, гены, а ведь здесь-то и записаны все врожденные биологические свойства человека.

Вот как прочно, как надежно зашифрована запись наследственных программ. И было бы очень плохо, если бы эта надежная программа с той же настойчивостью и неуклонностью, с какой она диктует, сколько рук, ног, ушей иметь человеку, впечатала бы раз и навсегда в его сознание, что Земля плоская, что Солнце движется вокруг нее, а не наоборот, и другие столь же малополезные сейчас сведения.

И все же знания, усвоенные одним поколением, не пропадают для другого. Человек **наследует** огромные богатства знаний, накопленных до него, хотя и не через генетическую программу. Он отличается от всех живых существ, даже самых высокоорганизованных, тем, что научился хранить вне самого себя эти знания, выбирая из них только нужное, ценное, на данном этапе самое истинное.

Папирусные свитки египетских жрецов, глиняные дощечки ассиро-вавилонян, настенные письмена Урарту, наши русские пергаментные летописи и берестяные грамоты, огромные хранилища наших дней: библиотеки, фильмотеки, фонотеки, магнитные запоминающие устройства электронно-вычислительных машин...

Горы знаний накапливались в веках начиная с той далекой поры, когда первобытный охотник кремневым зубилом высек первые изображения царственных лосей, могучих буйволов, косматых мамонтов. Тот древний человек еще не



На этой карте показано, какой представляли Землю две тысячи лет назад. Древнегреческие ученые знали, что Земля — шар, и разделили ее на несколько климатических поясов. Но посмотри: все, что лежит к югу от пустыни Сахары, было для них сплошным белым пятном.

Посмотрите на эти рисунки. Без единой буквы эскимосский охотник смог рассказать о своей удачной охоте. Так, еще не зная письменности, многие народы передавали свои знания об окружающем в рисунках.

умел писать. От первой буквы, которая будет написана кем-то из его потомков, его отделяет бездна времени. Но уже и тогда он, первобытный, сумел то, чего не умеют никакие другие живые существа на нашей планете. Он стал производить орудия и с помощью этих орудий сумел победить время и поведать о себе. Камнем на камне он высек рисунки, по которым ученые сегодня узнают о его охотничьих делах, о его верованиях и суевериях.

И эти рисунки на камне — первая запись первобытного человека в летописи знаний, которую, начиная с него, ведет человечество.

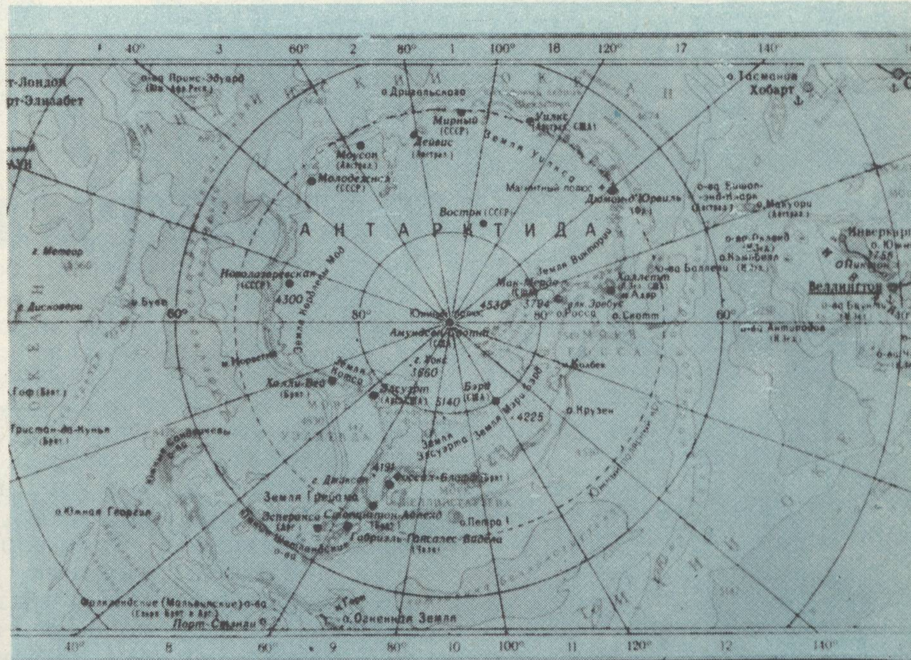
Да, таблица умножения по наследству не передается. Человек наследует от своих далеких предков нечто в тысячу раз более драгоценное. Это «нечто» — его изумительная физическая организация и сознание, обеспечивающее способность учиться, усваивать знания, накопленные всеми поколениями людей.

Выходит, что человеческим развитием руководят две программы: та, которая хранится в живых клетках, и та, которую несет в себе человеческое общество. Изучая человека, ученые начинают принимать в расчет эту очень важную особенность.

Человек, родившись, может гармонически развиваться только внутри человеческого общества. Если бы отнять у него каким-либо образом все остальное человечество, лишить его с самого рождения условий современной цивилизации, он бы рос и развивался, повторяя лишь уровень первобытных предков.

Знания, поведение в обществе не записываются в генах. Каждый сам должен трудиться и учиться, чтобы максимально развить свое сознание, которое делает его трудолюбивым, отважным, добрым, разумным. Развитие всех хороших сторон души — большое и радостное творчество. Творчески надо строить свою жизнь, развивать свои духовные и физические способности. Природа предоставила нам для этого полную свободу, не ограничив наше духовное развитие жесткими рамками генетической программы.

Генетика штурмует биологические основы человека. Она изучает причины наследственных болезней, ищет пути, чтобы избавить от них человека. Она исследует множество других сторон в его биологической жизни и даже в его психологии. Когда-нибудь генетика доберется до корней того изумительного факта, что человек обладает сознанием; разгадает, в чем же состоят биологические основы сознания человека, которое, опираясь на развитие материальных ресурсов, обеспечило все формы общественной жизни прошлого и будет обеспечивать ее в будущих поколениях людей.

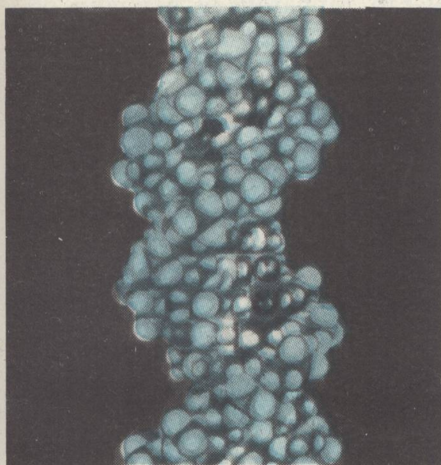


Южнополярный материк — Антарктида,— о котором люди просто ничего не знали всего лет двести назад, сейчас исследован учеными разных стран. Вот его подробная карта.

А современный человек и знает о мире неизмеримо больше и свои знания записывает часто особым, математическим, языком — с помощью знаков и формул.

$$\sum_{c_1<\tau_j<c_2}\varphi(\tau_j)\eta_j=\sum_{k=0}^{n-1}\Big[\sum_{t_k<\tau_j<t_{k+1}}\varphi(\tau_j)\eta_j\Big]=$$

$$=\sum_{k=0}^{n-1}\Big[y_k\sum_{t_k<\tau_j<t_{k+1}}\eta_j\Big]=\sum_{k=0}^{n-1}y_k\,[\eta(t_{k+1})-\eta(t_k)]=\int_{c_1}^{c_2}\varphi(t)\,d\eta(t).$$



Тарбаганьи

Олег КУЗНЕЦОВ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА

приключения

1

В подземной спальне, вырытой в склоне алтайской горы, спали четыре тарбагана, семья: мамаша, папаша и дети — брат и сестра. Спали давно. Как в сентябре заснули, так и не просыпались, а уже апрель наступил.

Вы, конечно, хотите знать, что это за сонное царство и кто они такие, эти тарбаганы. Может быть, лодыри беспробудные или заколдованные?

Нет, не лодыри и не заколдованные. Тарбаганы — крупные рыжие грызуны, которых называют еще где байбаками, где сурками, смотря по тому, в каких краях они водятся. А их странный сон — просто зимняя спячка.

Вот спят тарбаганы и не знают, что ждет их большущая неприятность...

С неделю назад, в оттепель, корсак-бродяга выгреб когтями порядочную ямку в глине, которой тарбаганы с осени заткнули главный выход из подземелья. Конечно, разбойник до спальни не добрался — где уж ему,— но ямка осталась. А тут вдруг — солнце. Земля оттаяла и осела в нору. Подскочили ручьи, и вскоре на месте тарбаганьей затычки образовалась дыра, полилась вниз вода. Брр!

Если нору затопит, тарбаганам крышка! А они спят!

И вдруг шевельнулся старый папаша. После зимней спячки сразу не вскочишь, тарбаган медленно просыпается. Сначала у него температура поднимается и сердце начинает чаще стучать. Потом вздыхать начнет...

Лежит тарбаган, разогревается, а вода по подземному ходу шелестит, к спальне крадется. Папаша заворочался; и струйка тут как тут: зажурчала и юркнула под травяную подстилку. Старик приподнял голову, насилу глаза разлепил, таращится: откуда вода взялась!

Над норой вовсю жарило солнце, как буд-

то решило за один день покончить со снегом, нападавшим за целую зиму. Понятно, сугробы послушно подтаивали и посылали вниз множество новорожденных ручьев. И те, даже не пытаясь сдержать свое легкомысленное любопытство, устремлялись в нору. Надвигалась беда.

Наконец-то старый папаша встал на свои короткие лапы и, покрутив головой, все понял. Еще бы не понять! Вода вокруг так и бурлила. Кряхтя, тарбаган добрался до конца тоннеля, где ход поворачивал вверх, образуя прихожую или, лучше сказать, тамбур норы. Тарбагана от носа до хвоста окатило водой.

Что делать? Зверь стал рыть землю, чтобы закрыть дыру. Но быстрый поток мгновенно размывал запруду. Тарбаган поглядел, поглядел и полез наверх.

Словно клочок пламени, вспыхнула на горе его рыжая шкурка. Ее увидел черный беркут, оседлавший острую вершину дальней скалы. Он дрогнул, затрепетал, но сразу же притворился, что не нужен ему тарбаган.

А тот, ничего не подозревая, принялся торопливо карябать отмерзающую землю и все, что удавалось отковырнуть, спихивал в нору. Потом надумал посмотреть, много ли сделано, заглянул в нору, а там ни одного комочка. Все унесла вода!

Заскулил зверь, затявкал и отчаянно ринулся на непокорный поток. Случайно, а может, и нарочно, плюхнулся он на нору и прикрыл ее (телосложением-то он был, к счастью, тучноват, как и положено пожилому зверю). Да так плотно, что в нее уже ни капли не могло просочиться.

Талая вода, это вам не теплый грибной дождичек. Полчаса полежал — до костей продрог. Но он ничего, он терпел!

Вскоре из глубины послышалось пофыркивание, какое-то бормотанье: просыпались домочадцы.

Подземное жилище можно расширять в любую сторону, чего не сделаешь, скажем, с квартирой, где вы живете. Мамаша и двое детей, оставшихся внизу, как только пришли в себя, сразу же приступили к строительству новой спальни. Час копают, другой, как вдруг со стороны главного входа — опять звуки журчащей воды! Тарбаганы замерли, прислушиваясь.

2

А наверху в это время вот что произошло. Беркут сидел-сидел на скале и, видно, проголодался. Он взмахнул мохнатыми крылищами и лениво поднялся. Взмывая все выше и выше, он чертил в небе круги, будто прогуливался, и с каждым кругом приближался к норе. Наконец зловещая тень скользнула по тарбагану. Зверь вскинулся и увидел птицу.

Словно клочок пламени, вспыхнула на горе рыжая шкурка тарбагана.

Беркут сидел-сидел на скале и, видно, проголодался.

Они наделали много шуму и перебудили соседей. Вскоре по всему склону, особенно в солнечную погоду, всюду виднелись ярко-рыжие шубки. Изредка какой-нибудь тарбаган становился столбиком, и над всем селением раздавался пронзительный свист. Тогда такие же столбики вставали повсюду, и каждый как бы в подтверждение, что сигнал принят, тоже тревожно свистел. Объявлена тревога! Сломя голову тарбаганы мчались к своим норам. Через минуту горный склон становился безжизненным.

Иной раз тревога была ложной, кому-то что-то показалось, но бывало и по-настоящему опасно: то беркут спускался с небес, то шатался поодаль корсак, а иногда и волки. С наступлением весны они оставили в покое отары овец и не прочь были поживиться тарбаганом.

В другое время тарбаган мгновенно юркнул бы в нору. Он и теперь рванулся. Но ведь тогда вниз снова потечет вода, пропадет дом и семья погибнет!

И он остался на посту. Только перевернулся на спину, обнажил резцы и выставил когтистые лапы.

Беркут по крутой дуге метнулся вниз и — тум! — раздался глухой удар. И... черные перья посыпались, и птица, неуверенно поднимаясь, замахала крылами. Вот так история! Когда страшные когти должны были ухватить тарбагана, зверь извернулся, нанес молниеносный удар беркуту в грудь, хищник, не оглядываясь, улетел.

К несчастью, от резкого движения старик тарбаган сдвинулся, и снова оглушительно зажурчала вода, подбираясь к тесной, сухой комнатенке, которую успело выкопать семейство. Вода журчит, тарбаганы мечутся в панике, не знают, что делать.

Впрочем, самый молодой тарбаганенок бросился в затопленную спальню, оттуда — в залитый коридор и через минуту был в тамбуре. Он увидел мокрый бок отца и щель, в которую проливалась искристая струя. Тарбаганенок вскарабкался вверх, приткнулся к отцу и своею спиной закрыл течь!

Так проторчали они до вечера, когда грянул морозец и примолкли ручьи. За ночь тарбаганы нарыли много земли и заделали нору — будто пробку в нее вставили.

Все устроились в новой спальне досматривать прерванные сны. Но не спалось что-то. То один заворочается, то другой встанет, послушает. А папаша, так тот раз десять бегал проверять, не прохудилась ли затычка. Возвращался мокрый, дрожащий — всем беспокойство. Так и пришлось раньше времени покончить с зимней спячкой. Через несколько дней тарбаганы вылезли из норы, стали понемногу кормиться проглянувшей травкой.

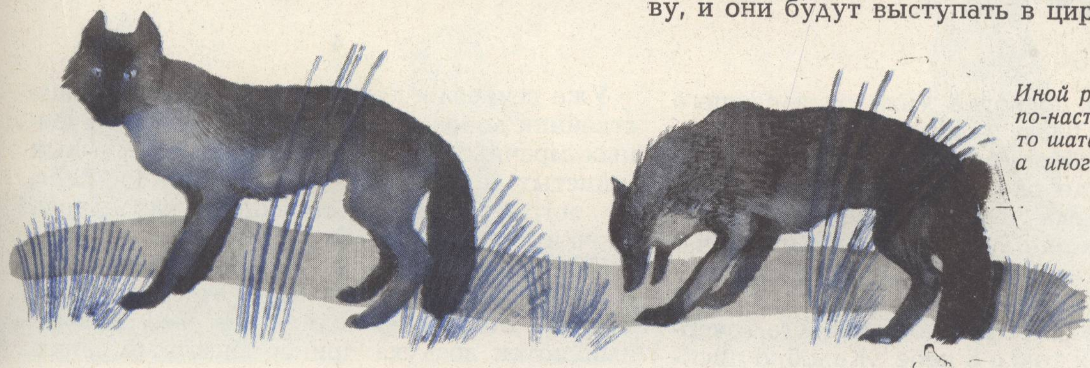
3

Тарбаганенок из семьи, пострадавшей от наводнения, за весну сильно вырос. Ему очень нравилась жизнь в тарбаганьей деревне. Нравилось, проснувшись утром, мчаться к распустившимся за ночь цветкам и скусывать их аппетитные головки! Нравилось играть с папашей или с сестренкой! Нравилось ходить в гости. У тарбаганов это принято. Хороший обычай — ходить друг к другу в гости, но из-за него-то с нашим героем такое приключилось... Впрочем, все по порядку.

Метрах, наверно, в ста двадцати от знакомой нам норы жила семья, в которой было много тарбаганочек и тарбаганчиков. Вот где

Тарбаган перевернулся на спину, обнажил резцы и выставил когтистые лапы.

веселились! Братья и сестры устраивали турниры по борьбе и боксу и резвились сколько хотели. Вот наш тарбаганенок и решил однажды отправиться в гости к веселым соседям. Очень легкомысленно решил, ведь для тарбагана отойти на сто двадцать метров от своей норы — большой риск: в случае беды он лишь тем и спасается, что в нору прыгает. Ну, а наш тарбаганенок забыл об этом и пустился в дальнее путешествие.



Иной раз бывало по-настоящему опасно: то шатался корсак, а иногда и волки.

Он уже почти дошел до соседей, как вдруг раздался пронзительный мальчишеский крик:

— Э-ге-гей, тарбаганы!

Не только наш путешественник, но и все взрослые тарбаганы остолбенели.

Это кричал сын пастуха Ачжок. Надев на себя зеленоватый брезентовый мешок, он так тихо приблизился к колонии, что его никто не заметил. Стоят тарбаганы, посвистывают, недоумевают: откуда крик? А Ачжок как сбросит мешок с головы! Что тут началось! Через несколько секунд все звери как провалились. А перед мальчишкой остался только наш герой.

Разумеется, он порядочно струсил. Бросился было бежать к своей норе, но нора далеко, а на пути к ней — мальчишка с мешком. Тарбаган повернул к норе веселых соседей, прыгнул вниз и как назло прыгнул на голову пожилому отцу семейства.

А у тарбаганов такое правило: в нору чужих не пускать. Если ты пришел в гости, гости у входа, а в случае опасности — как знаешь. И вдруг, понимаете ли, какой-то малец нарушает правило! Старичище влепил нарушителю такую оплеуху, что у бедняги в глазах потемнело, и он безо всякой задержки вылетел обратно на белый свет.

Ачжок давно мечтал иметь живого тарбагана, а тут видит: тот прямо перед ним! Он изготовил мешок. Тарбаганенок повернул влево, и Ачжок бросился влево; устремился вправо, и охотник туда же. А затем наступила темнота: он был уже в мешке.

Ачжок закричал над самым его ухом:

— Ой, тарбаганчик мой, тарбаган! — затем, немножко подумав, сказал:— Какое ему имя придумать? Кадыр!

О том, что испытал наш бедный путешественник, и рассказывать не хочется, это были сплошные мучения. Попробовали бы вы посидеть в брезентовом мешке! Темно, тесно и так душно, что Кадыр чуть не задохнулся. И от страха чуть с ума не сошел. А мальчишка уже мечтал, как он выучит тарбагана забавным фокусам и отвезет его куда-нибудь далеко-далеко — в Барнаул или даже в Москву, и они будут выступать в цирке, их покажут по телевизору. Разумеется, ничего такого Кадыр вовсе не хотел.

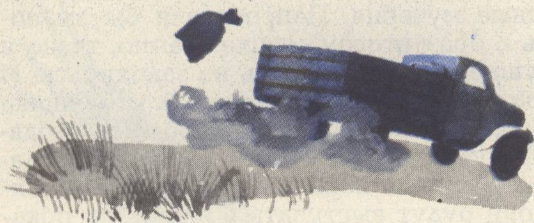
Отец Ачжока перегонял отару на летнее пастбище за много километров от тарбаганьей деревни. Все нужные вещи погрузили на машину. Вот когда начались самые страшные мучения Кадыра! Мешок завязали крепкой веревкой и забросили в нагруженный доверху кузов. Ужасно заревел мотор, и грузовик затрясся по бездорожью.

Машину то и дело швыряло. Однажды ее так тряхнуло, что мешок подпрыгнул, как мяч, вылетел из кузова и шмякнулся в кусты. За шумом мотора шофер ничего не услышал. Так и уехал.

Кадыр долго лежал неподвижно. Все тело у него болело; он даже не был убежден, что жив. Но постепенно он пришел в себя. Несколько минут понадобилось ему для того, чтобы прогрызть мешок и вылезти.

Не замечая ничего вокруг, он поплелся на-

Ачжок изготовил мешок. Тарбаганенок повернул влево, и Ачжок бросился влево.



Мешок завязали крепкой веревкой и забросили в нагруженный доверху кузов.

угад, стараясь поскорее уйти от зловещего мешка. Вскоре перед ним раскинулась степь...

Между тем беркут решил наведаться на тот участок, где оказался наш герой. Издали птица увидела что-то рыжее. Тут Кадыр встал столбиком. Тарбаган! Ну и удача! Еще бы, ведь на открытом месте тарбагану не скрыться.

И Кадыр угадал страшного недруга в черной безобидной точке в небе. Жалобно пискнув, он бросился бежать, но куда? Степь была гладкая и бесконечная. Хоть сквозь землю провалиться!

А почему бы и нет?

Кадыр остановился, царапнул когтистой лапой и сорвал порядочный клок дерна. Под дерном открылась песчаная, податливая почва. Тогда он так заработал передними лапами, что земля фонтаном полетела, и через несколько минут на поверхности земли осталась только половина зверя.

Беркут, конечно, заторопился, но все равно не успел: когда подлетел к Кадыру, только один хвостик, как флажок, торчал над землей. Хищник ринулся вниз, промчался над тарбаганом, ударил. Но удар пришелся по куче нарытой земли, в ней осталась глубокая борозда.

Беркут расстроился, сел на земляной холмик и заглянул в нору. Вот он, тарбаган, неглубоко ушел — хватай его! Беркут протянул сильную лохматую лапу со страшными когтями-крючьями и стал тянуть к себе тарбагана. Кадыр, несмотря на жуткую боль, тянул вниз. Другой лапой беркут упирался в край норы. Она у него была немного согнута. И от усилий Кадыра сгибалась все больше и больше. Вскоре огромная птица оказалась прижатой грудью к земле. Она отчаянно замахала крыльями. Зверь и птица попали в плен друг к другу. К счастью, молодая тарбаганья шкура не выдержала, порвалась. Беркут свалился набок, тяжело забил крыльями, поднялся в воздух и улетел прочь.

Говорят, после этой истории он уже никогда больше не решался нападать на тарбаганов — охотился за мышами и сусликами. Видно, натерпелся страху.

4

Уже вечерело, когда наш храбрый путешественник добрался до высоких гор, рассеченных мрачным ущельем. Кое-где на унылых мшистых скалах росли тонкие березки, иногда острые, будто заточенные карандаши, елочки карабкались на хмурые утесы.

Кадыр шел долго. Уже потонули в сумраке величественные стены ущелья, когда впереди он увидел солнечный свет. Встречный поток воздуха принес знакомый запах.

Кадыр выбежал из ущелья, увидел тарбагана. Стоя столбиком, он всматривался в пришельца.

За спиной тарбагана кое-где виднелись бугры нарытой земли. Обжитое место, тарбаганья деревня! Кадыр, правда, сразу понял, что деревня чужая. Кое-где из нор высунулись кругловатые головы. Кто полюбопытнее, вылез и стоял, тихо посвистывая. Час был поздний, в колонии укладывались спать и, кажется, не обрадовались позднему гостю. Но не уходить же! Кадыр рискнул: приблизился к хозяину крайней норы и осторожно прилег в самой покорной позе — пожалуйста, хоть бей меня, хоть гони, я не сопротивляюсь. Хозяин сжалился: все в порядке, лежи. Он тоже лег; два тарбаганьих бока соприкоснулись, и это означало мир.

Они пролежали почти до сумерек. Вся деревня уже погрузилась в сон. Кадыр, однако, понимал: злоупотреблять гостеприимством нельзя, пора и честь знать. Он поднялся и, понурив голову, поплелся куда глаза глядят.

Ему повезло: вскоре он наткнулся на неглубокую пустую норку, какие роют тарбаганы там, где кормятся, чтобы в случае опасности было куда укрыться. Он влез в норку, прекрасно в ней устроился.

Проснулся он утром, когда из края в край деревни разнеслись тихие свистки. Это самые хлопотливые из ее жителей сигналили: «Эй, вы, лежебоки, выходите!»

Кадыр выскочил наружу и принялся есть траву, но тут вчерашний тарбаган-приятель торопливо зашлепал к норе, спрыгнул в нее и, высунув голову, разразился такими несусветными ругательствами, что просто стыдно было слушать. Он тявкал и хрипел что-то оскорбительное, он как бы вызывал Кадыра: «А ну-ка, попробуй, сунься в чужую нору!» Кадыр хотел было драться, но понял: по тарбаганьим законам, никто не имеет права занимать чужую нору. Он потоптался, потоптался и поплелся прочь. Бывший приятель преследовал его торжествующим свистом.

Час был поздний, в колонии укладывались спать.

Тарбаган без норы хуже самой горькой сироты. Кадыр забрел в самую середину колонии. Сунулся в одну нору, а оттуда его лапой—бац! Заглянул в другую, как будто не обжитую и никому не нужную. Хотел было уже лезть в нее, как вдруг увидел: бегут к нему двое тарбаганов. Бегут и стращают: «Эй, ты, отойди, не тобой копано!» Он пошел дальше и всюду слышал предостерегающий свист, видел злой оскал зубов, угрожающие когти.

В конце концов Кадыр все-таки нашел место, которое не принадлежало никому. Место плохое, неспокойное, у самого входа в ущелье. И почва была грубая, перемешанная с острыми обломками скал. Кадыру предстояло вывернуть десятки, а может, и сотни камней, нарыть целую тонну земли.

Строительство подземного дома продвигалось медленно, все же на следующую ночь пришельцу было где приклонить голову. Не очень уютно, не очень удобно, зато свой собственный дом.

В этой колонии звери часто погибали от охотников и хищников. И тем и другим удавалось незаметно подкрасться к тарбаганьему поселению из ущелья.

Теперь же у выхода из него стоял сторожевой пост. Кадыру со своего холмика нарытой земли было видно, кто идет или едет по ущелью.

В первое же утро он увидел человека с ружьем и засвистел: тревога! Соседи всполошились, и, когда человек вышел на открытое место, он очень удивился: тарбаганья деревня как будто вымерла.

Человек пошел дальше. Кадыр высунулся, убедился, что человека уже не видно, и просигналил: «Все, можно выходить».

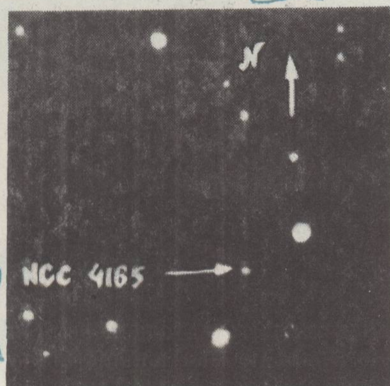
Так и повелось с тех пор. Кто бы ни приближался, Кадыр замечал его первым. Вскоре звери в колонии к этому привыкли, и, когда они собирались отправиться в дальнюю прогулку, смотрели на Кадыра. И если он был спокоен, смело отправлялись. Они перестали быть пугливыми, нервными, и жизнь их потекла счастливо.

А охотники удивлялись: до чего тарбаганы стали осторожные, никак к ним не подкрадешься!

Наступил сентябрь. Пришло время готовиться к спячке, и одно тарбаганье семейство, к которому Кадыр иногда наведывался, радушно пригласило его на зиму в свою большую благоустроенную спальню.

И правильно поступило. Во-первых, и самим теплее, а во-вторых, нельзя же допустить, чтобы такой надежный сторож целую зиму коченел в одинокой норе. Такого тарбагана надо беречь.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

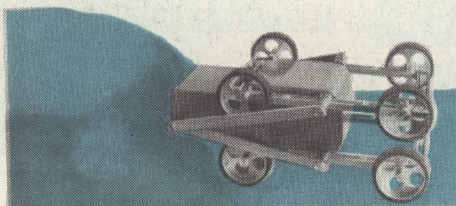


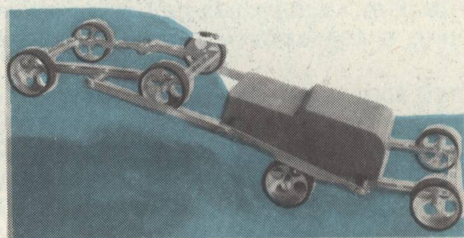
ОТКРЫТИЕ! ОТКРЫТИЕ!

«Звезда гигантской яркости внезапно родилась»

Первый снимок сделан в ночь с 22 на 23 марта 1971 года. Второй — месяцем позже. Присмотрись внимательно. Видишь, на втором снимке вертикальная стрелка указывает на светлое пятнышко? Его не было здесь — в спиральной Галактике NGC 4165 — месяц назад. Что же случилось за это ничтожнейшее для звезд мгновение? Вспыхнула сверхновая звезда и засияла, как 600 мил-

ЭТО ВОВСЕ





Да, возможно, пройдет немного времени, и мы узнаем, что в первый рейс по Венере или Марсу отправился планетоход, чем-то похожий на эту модель.

Ученые разрабатывают сейчас различные виды транспорта для освоения труднодоступных мест. На снимке — модель одной из таких конструкций. В чем секрет этой тележки? Посмотри: у нее две четверки колес. Вначале они сложены как бы в два этажа. Но вот впереди пре-

ВНИМАНИЕ!
ИДЕТ ОПЫТ.

Инженеры изучают ухо

Летучие мыши, совы... Эти да и другие ночные животные не перестают привлекать ученых.

В лабораториях МГУ инженеры и биологи, изучая этих животных, учатся у них находить дорогу в кромешной тьме с помощью звука. Однажды провели такой интересный опыт.

В темной комнате развесили тонкую проволоку в несколько рядов и выпустили летучую мышь — вот она на снимке. В полном мраке животное безошибочно находило путь и ни разу не задело ни одной проволочки, а ведь расстояние между ними было небольшое. Как научиться этому? Как создать столь же точный и миниатюрный локатор, как у летучих мышей?

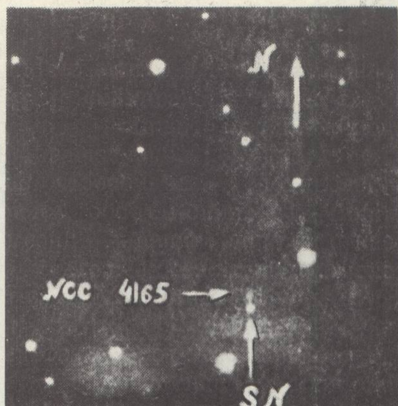
В поисках ответов на эти и другие вопросы ученые-бионики создают модели живых механизмов слуха и зрения. В руках у этого ученого модель уха совы. Прибор еще несовершенный — наверное, в тысячу раз больше и гру-

лионов наших Солнц! Будто гигантский фейерверк озарил космические окрестности...

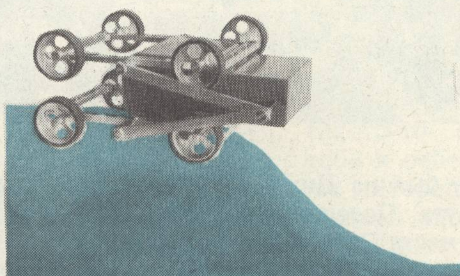
Словом, как в стихах поэта Семена Кирсанова:

О звезды! В верхнем ярусе,
Буквально среди нас —
Звезда гигантской яркости
Внезапно родилась.

Что же такое Сверхновая? Пока точного ответа нет. У ученых еще мало наблюдений — в нашей Галактике, например, такие вспышки происходят в среднем раз в триста лет. Вот почему так важен, в частности, этот снимок (он сделан в Грузии на Абастуманской обсерватории). Известно, что однажды, в 1054 году, подобная вспышка закончилась гибелью звезды. На небе и сейчас можно наблюдать следы этого события — знаменитую Крабовидную туманность.



НЕ ИГРУШКА!



пятствие. Верхняя четверка выдвигается и опускается на него. Теперь она становится «нижним» этажом, и на нее переносится тяжесть коробки с приборами и электропитанием. Тележка делает кувырок, и перед нами снова два этажа. Только верхний и нижний поменялись местами, а вся тележка продвинулась вперед. Таким же способом тележка съезжает с препятствия.

Модель придумали советские ученые.

бее настоящего совиного уха. Но он поможет найти дорогу к будущим устройствам, которые нужны летчикам и космонавтам, морякам и геологам.

ПРИБОРЫ, доставленные на Луну космическими аппаратами, обнаружили там гейзер. Несколько часов из лунного грунта вырывался водяной пар, его клубы закрыли немалое пространство над океаном Бурь. Может быть, на Луне все же есть запасы воды?

«МИНСК-22» — советская электронно - вычислительная машина — точно подсчитала, сколько весит воздушная оболочка нашей планеты. Получилось вот такое число: 5 квадриллионов 157 триллионов тонн. Повторим цифрами: 5 157 000 000 000 000 тонн. Да, тяжела земная атмосфера!

ЮГОСЛАВСКИЙ ученый М. Велкович установил мировой рекорд пребывания под землей — прожил в замурованной пещере 463 дня. Вместе с ним испытание выдержали собака, кошка, овца, куры и утки.

У БЕРЕГОВ Республики Куба скоро будут курсировать советские пассажирские суда на подводных крыльях и корабли на воздушной подушке конструкции кубинских инженеров.

В городе Якутске, у главного корпуса Института мерзлотоведения, установлена вот такая скульптура мамонта — древнего обитателя этих мест.

МАГИЧЕСКИЙ *кристалл*

Б. ХОЛОПОВ

Фото В. РЕЗНИКОВА

Не так давно я был на Нижней Тунгуске, в поселке Тура — центре Эвенкийского национального округа. Поселок маленький, а вокруг тайга и тундра. Суровый край. Геологи называют эти места Сибирской платформой.

В Туре стоит деревянный дом, контора геологической экспедиции. И одна из комнат конторы от пола до потолка заставлена образцами минералов. Особенно много тут бесцветных или чуть желтоватых прозрачных камней, то больших — ростом с ребенка, то меньше — с яблоко.

Взял я один камешек, поднес к глазам, взглянул сквозь него на палец... Что такое? Вижу два пальца. Взглянул на блокнот, вижу — два лежат.

Ну и чудной камень!

Вся Туринская экспедиция — сотни людей, вооруженных сложными аппаратами и приборами,— занята поиском прозрачного камня. Зовется этот камень исландским шпатом.

Он очень редко встречается на Земле. Впервые его обнаружили в Исландии в семнадцатом веке. Самые большие залежи исландского шпата были найдены в Южной Африке и совсем недавно у нас, на Сибирской платформе. Считают, что открытие исландского шпата на Сибирской платформе равно по значению открытию якутских алмазов.

Ты спросишь: зачем он нужен, этот прозрачный минерал?

А затем, что он сильнейший поляризатор света. Если сквозь призму исландского шпата пропустить световой луч, он становится поляризованным. Разглядывая в поляризованном луче под микроскопом кусочек металла или камня, можно ясно различить его строение, связь всех самых мельчайших частичек. Кристаллы исландского шпата нужны для затворов к фотоаппаратам, которые за секунду делают до десяти миллиардов снимков. Этими аппаратами снимают разные химические и физические процессы, протекающие с огромной скоростью.

Ты слышал, наверное, о лазерах. Луч лазера, не рассеиваясь, достигает самой Луны. Управляют лучом лазера призмы из исландского шпата. Необходимы эти призмы и в приборах, направляющих движение подводных кораблей, и в телескопах, и в вычислительных машинах, в которых вместо потока электронов будет работать луч, управляемый магическим кристаллом.

Посмотрите на фото. Желтоватые столбы минерала по полторы-две тонны весом — это и есть месторождение, открытое на Сибирской платформе!

Исландский шпат гнездится в вечной мерзлоте. Сам он мягкий и очень хрупкий. С большой осторожностью перевозят драгоценный минерал самолетами в Туру. Здесь он попадает в обогатительный цех. Тонкие и точные приборы определяют внутреннее строение каждого камешка. Потом алмазные пилы распиливают его по очень сложным выкройкам. Так получаются заготовки для призм. Призмы, сделанные на оптических заводах из этих заготовок, самые лучшие в мире.

Когда-то Эвенкия славилась только пушниной да оленьим мясом. Потом здесь стали добывать графит. Сейчас добывают исландский шпат. В Эвенкии открыты громадные запасы угля и получена первая нефть. Освоение Сибирской платформы — задача нелегкая. Нужно много машин, способных работать в суровых условиях, нужно построить новые города, аэродромы, дороги.

Сибирская платформа для геологов пока пирог, от которого они отщипнули только кусочек корочки. В недрах ее скрывается еще много разных сокровищ, искать их и добывать придется геологам и горнякам завтрашнего дня — кому-то из вас, ребята.

НАШ ПРАЗДНИК · НАШ ПРАЗДНИК

Совсем мало времени осталось до нашего пионерского праздника — чуть-чуть больше месяца. Так хочется, чтобы он пришел поскорее — пятидесятилетний юбилей нашей с тобой организации. Мы давно готовимся к нему, думаем о нем и ждем нетерпеливо. Все ждем: ты, ребята из твоего отряда, твои учителя и пионервожатая, мама и папа, бабушка и дедушка, соседи по дому, друзья с завода и из колхоза — они тоже были пионерами, и выходит, это наш общий праздник. Праздник всех тех, кто носил и носит пионерский галстук, и тех, кто наденет его совсем скоро.

Времени осталось мало, и надо нам так все придумать и так устроить, чтобы праздник удался на славу и всем на нем было весело и радостно.

Очень пионерский человек Елена Николаевна Мурашева (она была участницей первого Всесоюзного слета пионеров, много лет работала пионерской вожатой, а сейчас «командует» в библиотеке московского пятьдесят восьмого интерната) недавно говорила о празднике со своими ребятами. Мы послушали этот разговор и записали.

Вот что она сказала:

— Когда я была пионеркой, у нас каждый отряд к празднику дарил подарки своей дружине. Для пионерской комнаты мальчики смастерили макет Красной площади. На Спасской башне установили настоящие часы с боем. Из всех соседних школ прибегали поглядеть на это чудо. И тогда всем захотелось сделать для школы что-нибудь хорошее.

Один мальчишка, помню, целый год фикус выращивал и перед праздником притащил его в класс. Девочка Вера несколько вечеров вырезала аппликации из цветной бумаги. Я запомнила трех поросят, кошкин дом и рассеянного с улицы Бассейной. Эти аппликации мы развесили в классе у малышей, с которыми дружили.

Витя принес картинки, которые делал из соломы. Мы и не знали раньше, что у нас в отряде свой настоящий художник.

Подарки — вообще прекрасная вещь. Подарки и получать и дарить приятно. Хорошо знать, что о тебе друзья помнят и ты можешь принести радость друзьям,— настроение поднимается на миллион градусов сразу. А настроение на празднике, я бы сказала,— это ключ к успеху.

Ну вот, представь себе, тебе не двенадцать, не четырнадцать, а восемь или девять, галстук тебе еще не повязали, и ты пока с восхищением и, что уж там скрывать, с завистью смотришь на пионеров. И вот в праздник ты получаешь в подарок от этих самых прекрасных пионеров веселую книжку, в переплете из яркого ситца, вышитую болгарским крестом закладку для учебника, резную деревянную коробочку для карандашей или великолепного, совсем не страшного льва, сделанного из кусочков меха и кожи. И ты знаешь, что это приготовлено для тебя специально.

Или такая вот история: был ты пионером двадцать или, может быть, даже сорок лет назад, ходил со своим отрядом в походы, пел песни у костра, старался сделать что-то хорошее, полезное для своей школы и для того места, где жил. Давно это было, и тебе начинает казаться, что никто теперь уж не вспомнит о твоих делах и о твоих волнениях. И вдруг ты получаешь открытку, обычную почтовую открытку: пионеры такого-то отряда зовут тебя к себе на праздник, им интересно знать все о твоей пионерской жизни, и поскольку ты когда-то учился в их школе, они считают тебя членом своей дружины.

На этом празднике обо всех надо вспомнить. Как вы это сделаете: утром ли, на торжественной линейке, или днем, когда соберетесь поговорить всем отрядом, или вечером у костра,— найдите доброе и теплое слово для Пети, который спас отрядное знамя в «зарничном» бою, для Вали, которая лучше всех работала на колхозном поле, для Сережи, который ничего такого особенного не сделал, но никогда ни от каких поручений не отказывался и всегда был хорошим товарищем. И тому человеку, который вас в поход водил, не забудьте сказать спасибо, и тому, кто вас учил модели делать, и тому, кто пришел к вам на сбор, чтобы рассказать о своей профессии и о своем первом сборе. Все это очень важно.

А остальное каждый отряд и каждая дружина решат по-своему. У нас в интернате, я думаю, будет большой концерт. Наши танцоры появятся в костюмах героев любимых книг и сказок и исполнят сюиту «У костра». А пионерский театр «ББЧ» («Баранкин, будь человеком!» назывался его первый спектакль) покажет премьеру.

Вечером мы все поедем в парк «Сокольники», где был когда-то зажжен первый пионерский костер.

Ребята рассказывали мне о своих друзьях, о тех, которые живут по соседству, и о тех, кто живет далеко. Когда люди рассказывают о своих друзьях, они и о себе рассказывают что-то очень главное. И письма, которые они мне показали, тоже какие-то необыкновенно теплые, открытые, дружеские. Не просто письма, а письма друзей, где не надо рассказывать все сначала и скуку разводить, а только про главное, про интересное хочется поделиться. Такие славные это были письма, что захотелось, чтобы прозвучали они на нашем Костре дружбы. Молдавские ребята, когда узнали про это, обрадовались.

Охапка солнечных лучей

Еще до знакомства

На доске из серого мрамора длинный список фамилий: Алексеенко, Белоусов, Бездетный, Георгадзе, Гушго. Люди разных национальностей — украинец, армянин, русский, грузин, молдаванин. Они погибли при освобождении села Лапушна в годы Отечественной войны. Я стою в вестибюле школы у этой строгой доски: аккуратный столбик фамилий, как в классном журнале...

Я приехала сюда, чтобы написать в «Пионер» о дружбе молдавских пионеров с ребятами из других республик. И вот эта мраморная доска. Единство, солидарность, братство. Одна цель, один путь.

А село Лапушна большое, старинное, виноградное.

Солнечная Молдавия, так называют эту республику, и она ни капли не обманывает: солнце на сером асфальте дороги, на оранжевых и синих холмах. Леса — их называют здесь кодры — желтые, золотые, красные. Солнечная Молдавия. А может быть, не только из-за климата зовут ее так? Очень уж теплые и приветливые живут здесь люди, ну прямо солнечные.

Вот ребята-пятиклассники пробежали по коридору, ветерок подняли. Потом увидели незнакомого человека, остановились, постояли молча вместе со мной у серой мемориальной доски. Потом самый маленький и самый нетерпеливый Жора Гуру спросил:

— А вы к нам надолго приехали?

Так началось наше знакомство с пятым «Б». Там есть тихая девочка с синими глазами. И забияка-мальчишка, который даже при директоре толкает своих одноклассников, правда, несильно, но все равно толкает, не может удержаться, и за это ему попадает. Там еще есть круглый отличник, совсем сплошные пятерки у человека и ни одной даже четверочки. И есть чемпион по теннису среди пятиклассников. Словом, как во всяком классе, в пятом «Б» свои знаменитости и свои обыкновенные хорошие люди.

Большое новоселье

Ада Конюченко подружилась нынешним летом с пятиклассницей с Украины Наташей Рябуха. Наташа живет в Николаевской области, в поселке Кегичевка.

«Дорогая Наташа! Я получила бандероль от тебя, мне очень понравились виды Николаева. Такой красивый город, кажется, что по его улицам можно бродить без конца.

А у нас большая-пребольшая новость: наша школа справляет новоселье. Готово новое школьное здание, такое красивое, белое и просторное. Большой спортивный зал, свое кино, представляешь? Даже описать не могу, какая у нас теперь школа. Мы все переселяемся, даже первоклассники помогают переезжать. Все физические приборы, глобусы, таблицы — все, что в школе есть, теперь переезжает. А еще такой закон новоселья: каждый человек приносит в новую школу цветок. Сколько же цветов будет в нашей школе?

Наш директор Иосиф Владимирович совсем сбился с ног — новоселье принесло нам всем много веселых хлопот, а ему больше всех, потому что он директор.

Теперь я кончаю письмо. Привет твоим маме, и папе, и бабушке, и брату Саше. Письма пиши подробные. Летом приезжай опять. Ада».

Роса на винограде

Девочки постарше пришли к нам попозже, у старших всегда больше дел. Нина Карасик — девятиклассница. Ее письмо — в Ленинград.

«Ребята! Вы уехали, когда виноград еще не созрел, только вишни поспели. А теперь у нас виноградная страда. У вас уже иней на крышах и на шпиле Петропавловской крепости. У нас — золотая теплая осень. И все мы этой осенью работали на уборке винограда.

Утро. Машина подвозит нас в бригаду, на виноградник, на холмы. Утром прохладно, гроздья желтые, холодные, на каждой ягоде — роса. Вот рассыпались наши ребята и девочки по винограднику. Наполняются понемногу корзины. В эту пору корзина у нас — особенная ценность. Задержалась где-нибудь в дороге машина с пустыми корзинами, бригадир сам не свой, и у всех настроение падает. Но у нас все шло по графику: машины так и сновали туда-обратно, вниз-вверх. Корзины поспевали вовремя. Собираешь виноград почти автоматическими движениями, и радостно, что движения эти ловкие, точные. Тяжелые кисти ложатся в корзину аккуратно, одна к одной. И рука чувствует налитость каждой грозди. А когда отъезжает грузовик, в котором установлены корзины с нашим виноградом, становится весело оттого, что это ты и твои товарищи сделали большую работу своими руками, сами, понимаете, видишь результат своего труда. Здорово, правда?

У нас были и свои рекорд-смены, как во взрослых бригадах: Мария Сырбу, Настя Визитиу. В день они собирали по триста килограммов винограда каждая. Это очень много. Я тоже потом догнала их. А один наш мальчик, Георгий Брынза, собрал однажды больше пятисот килограммов, больше полутонны винограда! Но в другой раз такую цифру дать не мог, это у него был рывок. А девочки терпеливее работают, у них результат постоянный.

Мы с подругой часто вспоминаем, как хорошо жили летом в нашем лагере. Стояли разноцветные домики, и так весело было каждый вечер. И вас вспоминаем. Как приехали к нам в лагерь незагорелые ребята.

— Вы откуда?

— Из Ленинграда. Мы будем работать в саду. И еще будем ездить по республике и собирать материалы о Пушкине, как он был в Молдавии.

Очень вы нам показались тогда серьезными, сдержанными. Северяне. А через день уже подружились, работали вместе, смуглыми стали, от молдаван не отличишь. И очень много мы вместе смеялись. Приезжайте к нам еще. Нина».

Так они танцевали

А потом я приехала в другое село, тоже большое, тоже просторное. На самом красивом месте стоит школа-интернат. Село называется Карпинены. Знакомое вам название? Помните, про это село упоминалось на одном из наших костров? Рассказывали тогда харьковские ребята, что дружат с молдавскими школьниками вот из этого самого села Карпинены. Я, когда попала в это село со знакомым названием, подумала: вот как много верных друзей собралось у костра, уже общие знакомые попадаться стали. Хорошо.

Интернат в Карпиненах большой, ребята живут и постарше и поменьше, но дружат крепко. Был вечер, когда я пришла к ним. Маленькие мальчики и девочки в красных и синих костюмах сидели во дворе на скамейках и пели молдавскую песню. Пели красиво, протяжно, на несколько голосов. А потом повскакали со скамеек и встали в круг. Аккордеон заиграл что-то бурное, быстрое, а ребята закружились быстрее, быстрее, и ноги замелькали ловко-ловко.

Во дворе было не темно, потому что окна интерната уютно светились. А вокруг была черная темнота, такая бывает только на юге, когда наступит вечер. Там и свет светлее и темнота темнее.

Танцы — разные, как люди. Грузинский картули и украинский гопак, русский перепляс и молдавеняска.

Молдавеняску придумали люди, чьи руки выращивают хлеб и виноград, чьи руки тяжелы от работы, а сердца неутомимы.

Ты устал? У тебя неприятности? Положи руки на плечо соседа, становись с друзьями в ряд и только поспевай за музыкой. Впереди самый веселый и изобретательный, посмотри, какие он придумывает движения: то прыжок, то неожиданный поворот... Все танцоры внимательно следят за ним и повторяют его движения. Не зевай и ты.

Танцуя молдавеняску, ты, наверное, заметишь, что она немножко похожа на игру. И не уверяй, что ты уже совсем взрослый и игры тебя не интересуют. Танцуй молдавеняску!

Какая еда самая вкусная на свете?

— Шашлык...— сказал бы мальчик из грузинского города Телави. (Как приготовить шашлык, мы тебе уже рассказывали.)

— Пахлава,— возразила бы азербайджанская школьница из Баку. (Делать пахлаву мы тебя обязательно научим.)

— Мамалыга!— настаивают молдавские ребята. (Приготовься, мамалыгой займемся сейчас.)

Налей в кастрюлю воду, примерно литр, и разбавь ее молоком, хватит одной бутылки. Потом просей через сито кукурузную муку, два с половиной стакана.

Вода закипела! Теперь брось в кастрюлю горстку муки (всего горстку!). Высыпешь все разом—ничего не получится. Подожди, пока вода закипит, и высыпь остальную муку. Не забывай помешивать деревянной ложкой, и не просто так мешай, а от краев к середине.

Ну вот, мамалыга загустела. Собери ее ложкой, опять от краев к середине, и подожди, пока выйдет пар, выложи на доску, расправь, нарежь ломтями и...

Мама, папа и друг, которого ты сегодня пригласил в гости, наверное, уже заждались, да и мамалыге не стоит остывать. Подавай ее горячей. Можно с копченой грудинкой, можно с яичницей-глазуньей, а хочешь, со сметаной.

Да! Вот еще... пусть мама сегодня удивляется весь день. После еды вымой посуду.

А в полутемном дворе долго плясали маленькие ребята.

— Репетиция? — спросила я.

— Нет, — ответили мне.

— Праздник?

— Нет. Просто Молдавия. Свободное время, вот люди и танцуют.

Потом мне показали пестрый музей. Это был музей интернациональной дружбы. Чего там только нет. Значки из Франции, вымпелы немецких пионеров, болгарские куклы в расшитых фартуках. А больше всего писем. Из разных стран, из разных республик. В письмах великое множество всяких рассказов, новостей. И в каждом своя теплота. Еще привезла я из этого села фотографию. Молдавская девочка Лена Кондра, с ней чеченские ребята. На обороте написано: «В память о празднике дружбы».

Больше там ничего не написано. Остальное Лена помнит и так. Солнечный день в пионерском лагере «Орленок». Шумит море. Каждый день битком набит радостью, дружбой, песнями. И у Лены появились новые друзья: лукавый мальчик из Чечено-Ингушетии, девочки с длинными темными косичками.

Лена пишет в письме своим друзьям:

«Вы приезжайте обязательно к нам в Молдавию. Я выйду вас встречать. Мама приготовит мамалыгу, мы поставим на стол виноград. Наша республика — это прежде всего, конечно, виноград. Странно, что до «Орленка» мы не знали друг друга. А теперь мы друзья, и я хочу вас всех увидеть. Лена».

Самое последнее письмо

Самолет приземлился во Внукове, это один из московских аэропортов. Два часа назад была Молдавия, солнце, желтые холмы, смуглые люди. А в Москве шел дождь пополам со снегом, встречающие протягивали прилетевшим озябшие осенние цветы. Стало сразу холодно и немного грустно. Но я постаралась вспомнить ребят, с которыми познакомилась совсем недавно. Тех, что пели в темноватом дворе. Тех, кто ловко убирал тяжелые виноградные грозди. Тех, что стояли молча у строгой мраморной доски. Мы не так долго были с ними вместе. Но мы говорили о самом главном в жизни — о дружбе. А значит, сказали друг другу очень много.

Ребята Молдавии! Можно, и я напишу вам письмо через журнал «Пионер»? Можно? Прекрасно. Вот мое письмо:

«Я буду вас вспоминать, если придет одинокая минута. Буду рассказывать про вас моим московским друзьям. Даже попытаюсь спеть ваши прекрасные песни, которым вы так терпеливо учили меня. Конечно, я спою не так хорошо, как пели вы, но я буду стараться. Повешу на стену своего дома картинку, которую вы подарили. На ней желтые холмы и голубые холмы. И совсем далекие сиреневые холмы. А может быть, это тени. И всюду охапки солнечных лучей.

Человек не может помнить все. Что-то помнится, что-то забывается. Но тех, кто подарил тебе тепло, не забываешь».

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

С тобой говорит М. И. Калинин

Пионерский возраст — это самые лучшие годы в жизни человека. Вас все любят, вы окружены всеобщим вниманием и заботами, вы — радость и надежда советского народа.

Но перед вами еще более светлое будущее. Будьте готовы встретить это будущее достойными наследниками! Что для этого требуется? Прежде всего — хорошо учиться, любить свою Родину, быть честным и всячески укреплять товарищество, дружбу между собою.

(Из статьи «Пионерам Союза ССР»)

...Советской стране требуются грамотные, развитые и хорошо подготовленные строители социализма. Советской стране требуются хорошие организаторы, смелые и самостоятельные работники, преданные своему делу и своей Родине.

...Кажется, простой вопрос: как учиться? Ходи в школу, готовь уроки— вот и все. Однако это не так просто. Можно ежедневно зубрить уроки, читать без разбора все, что попадает под руку, а в результате — сумбур в голове, поверхностное понимание отдельных вопросов, и из такого ученика в будущем получится беспомощный, бессистемный, не умеющий организовать своего дела работник. ...Надо так организовать свою учебу, свой день, чтобы успевать отлично учиться, и гулять, и играть, и заниматься физкультурой.

(Из статьи «Мои пожелания пионерам и школьникам»)

Иные думают: ну что там школа,—если я окончу школу и не особенно хорошо, то ведь это будет отмечено только в аттестате, а не в жизни. Кто так думает, тот, конечно, не прав. Школа дает человеку систематизированные знания, подготовляя его к квалифицированному труду...

...Отсутствие систематизированных знаний и навыков к систематической работе всегда и во всем будет сказываться, всегда будет преследовать вас по пятам, как тень.

(Из речи на совещании учащихся восьмых, девятых и десятых классов полных средних школ Бауманского района города Москвы)

Многие ребята неохотно занимаются физическим трудом, расценивают его, как что-то такое зазорное и унизительное. Я считаю это крупнейшей ошибкой. ...Кто из вас приучится к физическому труду, будет лучше знать жизнь, кто будет уметь делать для себя, по крайней мере, самое необходимое,— стирать и чинить белье, готовить пищу, содержать в чистоте комнату и т. д.,— кто будет знать хотя бы какое-нибудь ремесло, тот, будьте уверены, никогда не пропадет.

...И вот мне бы хотелось, чтобы в период вашего становления у вас так же, как и у нас 50 лет тому назад, возобладало стремление к сознательной общественной деятельности, чтобы вы сделали целью своей жизни служение великому советскому народу и доведение до конца дела Ленина.

(Из речи на совещании учащихся восьмых, девятых, десятых классов Ленинского района города Москвы)

АНКЕТА-71

День, когда в редакцию начинают приходить письма с пометками «Анкета-71», для всех нас полон ожидания. То и дело кто-нибудь подбегает к столу, где лежит почта, и нетерпеливой рукой разрывает конверт, другой, третий... А потом писем становится так много, что на столе они не помещаются, и приносят их в больших бумажных мешках.

В эти дни все мы — работники редакции, художники, писатели — все, кто принимал участие в создании журнала, встречаемся с вами, читателями. Такого количества читателей не вместит ни один зал в Москве, и все-таки каждый год вы собираетесь у нас в редакции на одиннадцатом этаже большого дома, чтоб сказать своe слово о своем журнале.

Первые анкеты приходят из Москвы и Ленинграда, последними почта приносит письма из Читинской и Сахалинской областей, Петропавловска-Камчатского. Они спешат, торопятся, конверты перекрещены надписями: «Жду ответа, как друг природы лета!» Они боятся опоздать.

И мы волнуемся, ожидая ежегодной встречи с вами. Все, что вы скажете и напишете, касается не только «Пионера» минувшего года, но и завтрашнего «Пионера»: мы будем строить его по вашим предложениям и пожеланиям, нам очень важно знать, что из напечатанного заставило вас думать, что задело и что оставило равнодушным.

Надо сказать, что вы очень серьезно отнеслись к заданию журнала и не только внимательно просмотрели все двенадцать номеров и выбрали из них самое памятное, а еще и объяснили, почему те или иные произведения, герои, рубрики понравились.

Пять повестей года читатели «Пионера» признали лучшими.

Волнения и споры вызвала повесть **М. Львовского «Прыжок в высоту»**. «В ней будто все взято из нашей жизни, — писали девочки и мальчики. — В каждом герое узнаешь своих одноклассников», «эта повесть помогает понимать людей рядом и подсказывает, что безвыходных положений не бывает».

«Юность Александра» Л. Воронковой с увлечением прочли и самые старшие и самые младшие читатели «Пионера». «Я люблю смелых, отважных полководцев, мореплавателей и других смелых людей», — пояснил один, а другой дополнил: «Здесь так правдиво показан честный, мужественный и порой жестокий образ героя».

Мы рады поздравить писателя **Б. Бадеева. «Неподдающийся Генка Хукочар»** — первая его повесть, а герой ее Генка завоевал симпатии всех без исключения четвероклассников. «Такой смелый и ловкий! Он, наверно, и правда вырастет замечательным человеком».

Понравились читателям и повесть **братьев Крапивиных «Алые перья стрел»** и **«Новые земли Александра Кубова» Н. Максименко.**

Сказка **Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»** в прошлом году только начала печататься, но ее сразу заметили и ей обрадовались любители сказок всех возрастов. Принято почему-то думать, что сказками увлекаются девочки, а нам и мальчики признавались без стеснения: «Я не могу жить без сказки! А в этой и Червонный Король, и старинный зверь Дронт, и много-много других расчудесных героев!»

Как нам стало известно из писем, мамы и дедушки, пользуясь родительской властью, отбирали у детей номера журналов, чтоб прочесть с детства любимую Алису в новом **пересказе Б. Заходера.**

Лучшими рассказами года ребята назвали **«Дудкин острит» Ю. Сотника, «Джулькино детство» С. Иванова,** рассказы **А. Крестинского** и **А. Масс.**

«Интересно, искренне, любопытно и даже удивительно!» — написано об этих рассказах в одной из анкет.

Оказалось, что многие читатели прежде всего ищут в журнале разделы **«Сами о себе»** и **«Надо посоветоваться»**, потому что «они помогают по-новому увидеть себя и свои поступки». А сколько вопросов, признаний, размышлений уместилось в тесных строчках анкет: «Я раньше врал, но сейчас перестал, лучше принять наказание, чем свалить на другого», «Мне «Пионер» напомнил, что надо перевоспитывать характер: не воображать, не задаваться». А читательница из Польши написала нам, что «Пионер» научил ее дружить (к ней присоединились многие девочки). В ее письме есть такие строчки: «Как хорошо, что читатели могут писать о своих заботах и затруднениях».

Больше рассказов о школе и рассказов школьников о себе — пожелание единодушное. Нам понравилось предложение публиковать в журнале зарисовки и фотографии под рубрикой «Школьные будни». Читатели и автора предлагают — **фотокорреспондента В. Постникова,** о его фотографиях в одной из анкет мы прочли: «Мне кажется, он нас, ребят, понимает».

Мы постараемся также печатать в этом году рассказы о самых дружных пионерских отрядах, дневники октябрятских вожатых и очерки вроде **«Костя Емельянов — вожатый октябрят»**: ребята пишут, что такие документальные расска-

ОПУСТИВ ГОЛОВУ

Мою подругу зовут Таня. Мы живем с ней в интернате, учимся в одном классе и поэтому не расстаемся ни на минуту. Раньше у Тани была другая подруга. Но она уехала, и вот уже год, как Таня дружит со мной.

Наверное, мы хорошие подруги: всегда вместе, помогаем друг другу. Правда, иногда мне было неприятно оттого, что Таня часто ругает свою бывшую подругу, вспоминает о ней только плохое. А они дружили с первого класса. Но я старалась не обращать на эти разговоры внимания, не думать, справедливо Таня говорит или нет. У нас с Таней очень хорошие отношения, и не хотелось их портить.

Когда наступило лето, Таня уехала на целую неделю в город. Я очень скучала без нее. Приехала она обратно со своей бывшей подругой. Подруга гостила у Тани несколько дней, все это время они гуляли вдвоем. Я не в обиде, наверное, и правда, «старый друг лучше новых двух». Но все время я вспоминала, как она дурно говорила при мне об этой девочке. И вдруг подумала: «А может, она и меня тоже при ней ругает?»

Все дни, пока гостила эта девочка, я чувствовала себя неловко. Я ведь не знала, что ей Таня про меня говорила. А потом подумала: если б я тогда не стала слушать Таню, не разрешила ей сплетничать при мне о близкой подруге, то, может быть, не ходила сейчас опустив голову...

Аня ЖИДКОВА
г. Комсомольск-на-Амуре,
п/о Северный

зы помогают им сделать пионерскую жизнь более увлекательной.

Многие хотят в этом году непременно встретиться на страницах журнала с восьмиклассницей **Мариной Шептуновой,** рассказ которой **«Лебеди»** получил наивысшую оценку: «Это написано от лица каждой из нас и так искренне, так откровенно, как мы не умеем».

Большинству ребят «очень понравился и очень помог» очерк **Ирины Голубевой «Путевка в Артек»**. Нам он тоже понравился, вместе с вами мы поздравляем молодую журналистку. В «Пионере» Ирина работает первый год, и вы не раз еще будете читать ее рассказы и очерки.

Девочки живее интересуются искусством, большой удачей они считают рассказы о кино **режиссера А. Митты.**

Мальчиков больше волнуют проблемы науки и техники: они с интересом читают **«Научный телеграф»**.

А очерк **Г. Файбусовича «Человек в стерильном халате»** одинаково понравился всем.

Отметили ребята и подборку **«Однажды в детстве я прочел книгу»**. Вероятно, читая эти небольшие рассказы, ребята почувствовали, как нераздельно связана сегодняшняя минута детства со всей жизнью человека, как книжка, которую ты носил в школу в портфеле, жалея с ней расстаться, может определить характер и будущую профессию, направить мысли. Разве не со школьных лет Амундсен стал готовить себя к подвигу открытия Северного полюса, сознательно готовить! А ведь все началось с книги, прочитанной в детстве. Одна четвероклассница по этому поводу написала: «Узнаешь, как рождаются великие люди. Это интересно. Моя подруга сама хочет стать великой. Но она не признает случайностей». Как хорошо иметь подругу, которая рассчитывает на свои силы и не сдается на волю хитрых случайностей!

Среди художников первые места заняли старые друзья «Пионера»: **Е. Медведев, Н. Доброхотова, С. Трофимов, П. Багин.** Больше других запомнились обложки третьего и восьмого номеров журнала. Рисовали их художники **А. Борисов** и **Е. Шабельник.**

Нам радостно было узнать, что журнал научил читателей, как они уверяют нас:

толково выполнять пионерские поручения, распределять свое время и разумно делать уроки, крепче дружить в отряде,

поставить для октябрят кукольный спектакль,

решать задачи (Спасибо ТРЕМ НЕИЗВЕСТНЫМ!),

связать куртку, сварить обед и получить за карнавальный костюм первую (не меньше!) премию. (Неугомонная КАЛИНКА расшевелила даже мальчиков!),

играть в шахматы,

любить зверей и растения,

отгадывать самые головокружительные головоломки в ПАЛАТЕ УМА,

думать о людях вокруг

и просто думать...

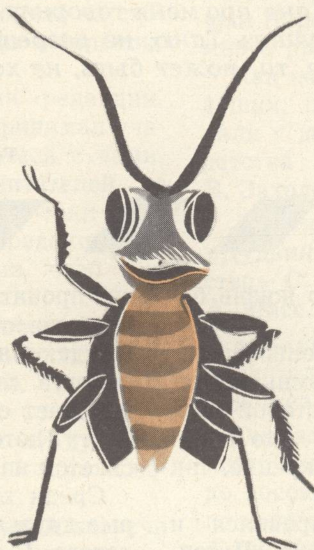
Вот и получается, что год мы с вами прожили не напрасно.

Сегодня Корнею Ивановичу Чуковскому исполнилось бы девяносто лет. Всем, кто знал его, казалось, что он непременно доживет до этого дня. Но Корнея Ивановича уже нет среди нас, он умер 28 октября 1969 года, на восемьдесят восьмом году жизни.

Мирон ПЕТРОВСКИЙ

Без этого жизнь не красна...

Когда человек впервые в жизни протягивает руку за книгой, оказывается, что сказки Чуковского уже ждут его. Ждут, чтобы обрадовать, научить родному языку и любви к родной поэзии. Там, впереди, ждут и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, и Маяковский, а сейчас он проходит как бы подготовительный курс великой поэзии — сказки Чуковского. Эти сказки так прочно вошли в нашу жизнь, что трудно даже представить себе времена, когда этих сказок не было на свете. Мы идем по улице, и вот аптека: на витрине — Айболит. Мы покупаем зубной порошок и мыло: на обертке — Мойдодыр. Вот новогодняя елка на площади, а под ней — все герои Чуковского: и Крокодил, и Бармалей, и Тараканище. Они стоят рядом с Бабой-Ягой, Серым волком, Иваном-царевичем, и мы даже не задумываемся над тем, что героям народных сказок тьма-тьмущая лет, а герои сказок Чуковского родились сравнительно недавно, в наше время. Кажется, будто те и другие существовали вместе и всегда...



Таракан, Таракан, Тараканище!

Мы ходим по улицам наших городов, словно по иллюстрированному изданию сказок Чуковского, и порой забываем, как много — помимо сказок — сделано Чуковским в литературе. Он прожил долгую, полную неустанных трудов жизнь и оставил нам целую библиотеку прекрасных книг.

Но о чем бы ни писал в своей жизни Чуковский, к какому жанру научной, популярной или художественной литературы ни относились его сочинения, он всегда хранил одну великую привязанность. Эта привязанность — дети. «Ежедневное общение с детьми, со всякими детьми от двух до двенадцати лет» было для него жизненной необходимостью. «Без этого общения, — писал Чуковский, — жизнь для меня не красна; в нем я вижу источник душевного здоровья и счастья». О счастье — это надо понять — здесь сказано не для красного словца.

Бар-ма-лей!

Когда он играл с детьми, он сам становился ребенком. Когда он рассказывал о детях, становился наблюдательным и вдумчивым ученым. Но вся правда заключается в том, что он не становился, а одновременно был простодушным ребенком и искушенным взрослым, как это свойственно мудрецам и поэтам.

Добрый доктор Айболит

ПРО ДЕДА

Евгений
ЧУКОВСКИЙ

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА.**

*«Лучше в поле пропадем,
А к Федоре не пойдем!»*

*«Умывальников Начальник
И мочалок Командир!»*

Слово Дед здесь всюду написано с большой буквы, потому что так писали в его доме с тех пор, как он стал дедом.

Азбука

Когда мне было четыре с половиной года, Дед стал учить меня грамоте. Букваря у него не было, и никаких книжек он мне не давал. Зато на столе возвышалась прекрасная пишущая машинка Smith Premier модели 1916 года. Из нее торчали черные и белые кнопки. Черные сверху, белые снизу. Потому что большие буквы располагались отдельно от маленьких.

На машинке русский алфавит белым по черному выглядел вот как:

ЯЧСМИТЬБЮЦЭ
ФЫВАПРОЛДЖ
ЙУКЕНГШЩЗХ,

а ниже — черным по белому:

ячсмитьбюцэ
фывапролдж
йукенгшщзх.

И Дед начал мое обучение с помощью этого великолепного инструмента.

Сначала он сообщил мне, что буквы делятся на гласные и согласные. И, шлепая пальцем по клавишам, показал, как выглядят А, Е, О, У и даже Э оборотное.

Через несколько дней настала очередь согласных. Только букву Я да букву Ы Дед от меня утаил. Я выучил всю азбуку без этих букв. И пустил свои знания в ход.

Первое в моей жизни послание было адресовано бабеньке и гласило:

«Еа пошол гулеать».

Ее возмутило это ЕА. Она сказала:

— Буква Я вот как пишется!

И заодно изобразила мне на бумажке весь алфавит. Дед бумажку увидел и отнесся к ней очень ревниво.

— Не надо забегать вперед. Всему свое время,— сказал он.

Бабенька оправдывалась:

— Я это машинально! (Я услышал — «мышинально» и долго соображал, при чем тут мыши.)

Букву Ы я узнал на следующий день. Утром, во время завтрака, Дед подозвал меня к себе и сказал:

— А теперь я открою тебе **страшную** тайну. Есть такая **ужасная** буква! Ы! Она похожа на мягкий знак, но рядом с ней стоит еще палочка. От этого она такая страшная!

Я никак не мог понять, что же тут страшного. Но было очень интересно.

Наконец Дед использовал в качестве наглядного пособия диск телефонного аппарата, и я узнал цифры.

Так я научился читать и считать. А писал я только печатными буквами или же одним пальцем на пишущей машинке. В каретке частенько оставались листки бумаги с какими-то бестолковыми моими фразами.

Позднее Дед решил упорядочить эту писанину. Он предложил мне издавать газету и сам придумал для нее название: «Последние известия». «Последние известия» сообщали о событиях, поразивших мое воображение за истекший день. Это был, так сказать, вечерний выпуск. Внизу следовало писать: «Редактор-издатель Женя».

*«Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!»*

«Последние известия» частью сохранились в архиве Корнея Ивановича. И некоторые строки принадлежат ему самому.

Как-то раз меня чуть не забодала сердитая телка. Я очень испугался. А Дед сказал:

— Напиши непременно:

«На участке № 13 живет бешеная корова. Она набрасывается на людей!»

Сначала я, разумеется, писал с орфографическими ошибками. Дед считал, что так и должно быть, и никогда меня не поправлял. Но потом, когда я уже стал учиться в школе, писать с ошибками стало решительно невозможно.

Однажды я написал «транвай», и Дед это заметил. Он меня не ругал. Нет.

— Как же ты не понимаешь,— говорил он (а в этот момент ему и в голову не приходило, что я могу этого не понимать),— что слово «трамвай» происходит от английского слова the tram, которое оканчивается на букву m, и, следовательно, о букве «н» в слове «трамвай» не может быть и речи!

Или когда я сделал ошибку в слове «велосипед»:

— Как же ты не понимаешь, что слово «велосипед» происходит от двух латинских слов: velosis, что значит быстрый, и pedis, что значит нога. Так что нельзя писать «вилосипед». Этот инструмент не имеет никакого отношения к вилам!

Должно быть, его уроки пошли мне на пользу, потому что теперь я пишу без ошибок.

Пиротехника

В августе 1955 года за тонкой дощатой перегородкой терраски расплодились осы. В перегородке было отверстие, и осы имели прекрасную возможность лакомиться сластями с обеденного стола. Они летали там и сям и порой очень больно кусались.

17 августа 1955 года оса укусила Деда. И я решил положить конец этим осиным безобразиям.

Дед не любил ос и нередко вдохновлял меня на подвиги под крышей дома. Он с ног до головы закутывал меня в тряпье, а я срывал осиное гнездо и бросал его в ведро с водой.

Однако сейчас эта великолепная система осоуничтожения казалась мне неприемлемой по двум причинам:

во-первых, закутаться в тряпки было так же просто, как украсть негра Джима из сарайчика, куда его посадил добрейший дядя Сайлас, а потому совсем неинтересно;

во-вторых, гнездо висело за дощатой перегородкой, и достать его рукой было нельзя.

И тогда я сделал великое изобретение.

Эта штука была похожа на металлическую бутылку, этакую железную четвертинку, из горлышка которой вырывалась струя вонючего дыма, увлекая за собой ДДТ.

Конечно, я немедленно похвастался Деду крупными достижениями науки в области уничтожения осиных гнезд, и на его вопрос: а не опасно ли? — ответил, разумеется, что ничуть.

Для этого у меня были свои основания. Я уже два раза испытал мое устройство возле выгребной ямы и, благоразумно спрятавшись за деревом, видел, что работает оно превосходно. Некоторые недоработки конструкции выяснились позднее.

После завтрака по обыкновению Дед лег спать. Сон его был священен. Разбудить его — преступление. Дом погрузился в тишину, и я пустил в ход свою штуковину.

Взрыв слышал весь поселок. Я остолбенело смотрел на свою руку, болтающуюся на окровавленных клочьях мяса, и с трудом пытался сообразить, что же такое произошло.

Вот тут-то и ворвался на террасу Корней Иванович. Он еще не видел меня и был очень сердит: с таким трудом удалось заснуть, а тут этот башибузук устраивает свои дурацкие взрывы!

Я очень испугался. Я еще не понял размеров катастрофы, но зато знал твердо, что Деда я разбудил и поэтому он в гневе. И я сказал страшную фразу. Я сказал;

— Дед, прости меня, пожалуйста!

В этот момент мне и в голову не приходило, что он примет мои слова за последнее прости. Я с перепугу совсем не это имел в виду. Но он решил, что я умираю, ему стало плохо, и он, обезножев, опустился на стул.

А я бесцельно побрел по лесу...

Тем временем шофер выгнал из гаража «Победу», меня перевязали и уложили на заднее сиденье. Дед сел рядом с шофером, чтобы везти меня в Москву, в больницу.

Его трясло. Все боялись, как бы ему по дороге совсем не стало худо. Поэтому вместе с нами поехала наша соседка Валерия Иосифовна Зарахани.

Двинулись. Я лежал сзади, а шофер, Валерия Иосифовна и Дед сидели впереди.

А ехать впереди втроем запрещается.

Конечно же, нас в Кунцеве остановил милиционер. Он потребовал у шофера права, а Дед вылез из машины с ним объясняться.

— Нельзя втроем спереди,— говорил милиционер.

— Но у нас особый случай,— отвечал Дед,— мы везем раненого, и вы можете в этом убедиться.

— Ничего не знаю,— ответил старшина.

И Дед, закипая от ярости, отменно вежливо и мягко сказал милиционеру, что, когда человек ничего не знает, он должен пытаться узнать хоть что-нибудь.

Такой подход к делу настолько озадачил милиционера, что он позволил вынуть у себя из рук шоферские права, и через двадцать минут мы подъезжали к больнице.

Слюнявчики

Я думаю, что никому не нравится, если под окном трещат винтовочные выстрелы.

Упражнялся с винтовочкой я, а выстрелы вынужден был слушать мой Дед. Всякий другой на его месте отнял бы у внука опасный инструмент, и все. Но эту винтовку раздобыл я себе сам, и Дед не считал возможным отобрать ее.

А винтовка была особенная. С виду она казалась обыкновенным духовым ружьем, но некоторые мои усовершенствования сделали из нее оружие большой убойной силы. Очень скоро оказалось, что стены дачи истыканы пулями, а кое-где в стеклах попадались аккуратненькие дырочки. Дом был, можно сказать, на военном положении. Терпеть дальше было невмоготу. И как-то ночью Дед мою винтовку украл. И спрятал.

Спрятать что-нибудь от мальчишки очень трудно, потому что мальчишка знает в доме все потайные места.

И уже через несколько часов я извлек мое оружие из-за книжных полок, стоявших на стеклянной террасе.

Возле дома стрельбу пришлось прекратить. Полигон перенесся в глубь участка. Я делал в стрельбе большие успехи, и певчие птицы перестали по утрам услаждать слух своими трелями.

Это было беспощадное уничтожение всего, что бегало, прыгало и летало на расстоянии винтовочного выстрела от меня. И когда очередная жертва брякалась оземь, я делал на прикладе аккуратненькую зарубочку.

Еще дважды исчезала по ночам винтовка. И оба раза она незамедлительно возвращалась к своему владельцу.

Дед, однако, про стрельбу ничего не говорил. Я — тоже.

А уже начала поспевать земляника, и надобно было обрывать усы и рыхлить землю. Тут и заметили мы, что многие кустики стали чахнуть, потому что в пазухах листьев, как будто кто-то плюнул, пузырится белый сок. Там сидела бледно-зеленая тварь величиной меньше половины спичечной головки. Она нещадно тянула из растения соки, окружая себя этаким вспененным плевком.

Корней Иванович с внуком Женей. Игрушечный человечек на снимке — Бибигон, а пишущая машинка — та самая, по клавишам которой Женя учился читать.

Дед назвал паразитов слюнявчиками и велел уничтожить их всех. Руками.

Занятие медленное, бесперспективное, невероятно скучное.

И вот, когда я, проклиная свою несчастную судьбу, вытаскивал из плевка уже сто сорок седьмого слюнявчика, чтобы предать его немедленной смерти, подошел Дед и протянул мне хорошее увеличительное стекло.

— Посмотри, какие у него глаза,—сказал он.

Сквозь стекло на меня смотрели две черненькие бусинки. Там были и рот, и усы, и ножки. И вообще из отвратительного зеленоватого кусочка слюнявчик превратился в животное, у которого есть свои желания, свои враги, своя защита, да мало ли что еще!

Давить его и противно и страшно. Я завернул слюнявчика в бумажку.

— Это всегда так,— сказал Дед.— Как только присмотришься поближе, так и думаешь: как же я теперь его убивать буду? Поэтому так просто убивать издалека.

Он не сказал ни слова про винтовку.

Но почему-то стало очень трудно стрелять по птицам.

ДСП

Он любил английский язык всей душой. И своих детей и внуков непременно учил читать по-английски. Взяв книжку, он водил пальцем по строчкам и слово за словом читал ученику весь абзац. Хотя бы тот ничего и не понял. Потому что у него уже была заготовлена заранее бумажка, где были выписаны трудные, по его мнению, слова (я всегда удивлялся, откуда он знает, какие именно), и после занятий говорил:

— Слова знать к завтрему, как «Отче наш»! И читать дальше.

Дальше были видны кое-где его карандашные пометки и в уголке надпись ДСП, что, как видно, означало: до сих пор.

Но горе было тому, кто внял бы этой надписи! Он был глубоко убежден, что тот, кто прочитал заданный урок ДСП, поступает, как бюрократ.

— Мне был бы понятен твой поступок,— сказал он мне по этому поводу,— если бы ты не приготовил урока. Мало ли какие могут быть обстоятельства! Но ты прочитал т о ч н о до сих пор, как чиновник, и даже не поинтересовался, что же будет потом!

Сам он, сработавший множество превосходных переводов, никогда не позволял себе быть чиновником.

На титульном листе книги было написано: перевод под редакцией Корнея Чуковского. Это написано. А получилось так. Он протянул мне рукопись и сказал:

— Смотри, вот здесь две страницы перевода. Я из них сделал всего один абзац. В нем говорится то же самое, но только вкусно по-русски.

Я помню, как он бился над одной фразой из «Принца и нищего», которую никак не удавалось заставить звучать вкусно по-русски. При этом его совершенно не смущало то обстоятельство, что Марк Твен не справился с этой фразой и у него она не звучит вкусно по-английски! Я тоже изрядно повозился над ее переводом. Тоже, потому что однажды ночевал я у Деда в кабинете и часов этак в пять утра проснулся от зубной боли и уж заснуть не мог. А у Деда как раз в это время всегда начинался рабочий день. Вот он и дал мне занятие, чтобы я не так мучился. И, покуда я перебирал в голове все возможные комбинации из нескольких русских слов и вспоминал их синонимы, он ходил по комнате, перенося кое-какие предметы с места на место, чтобы перед работой навести в своем хозяйстве порядок.

— Если каждое утро делать сто движений,— говорил он,— то окажется, что содержать стол в чистоте очень просто.

А потом он садился работать. В комнате было очень тихо, и только перышко поскрипывало по бумаге...

В десять часов он шел завтракать. После завтрака отдыхал, а потом снова принимался за работу. И так ежедневно, зимой и летом, в будни, в праздники, в воскресенья.

Он мне как-то сказал:

— Вот закончу книгу, отдохну. Совсем ничего не буду писать целую неделю!

Книгу он сдал, но уже на следующий день, как всегда, сидел за столом и работал над какой-то новой статьей.

— Что же,— спросил я,— а ты говорил, отдыхать будешь?

— Не умею я заниматься ничегонеделаньем,— ответил он.

Конечно, ему здорово повезло: он занимался любимым делом. И он никак не мог взять в толк, как это люди становятся пенсионерами и не работают. Возмущался:

— Что же, они терпеть не могут свою профессию?

Я иногда возил его на машине из Переделкина в город. В тот раз мы ехали в Библиотеку имени Ленина. То есть Дед пошел в библиотеку, а я поставил машину на стоянку. Неподалеку разговаривали о том о сем шоферы в ожидании пассажиров.

— Хозяин? — спросил один из них, кивая головой на Деда.

— Ага.

— Ну, как он, не обижает?

— Да нет, чего там.

— А он кто будет?

— Писатель.

— Как фамилия-то?

— Чуковский.

— Старик. Ну, как он, еще работает?

Удивительный вопрос! Мне казалось, что всем известно: Корней Чуковский перестанет работать тогда, когда умрет. ★

★ ★ НАШ ПРАЗДНИК ★ НАШ ПРАЗДНИК ★

Вера Петрищева живет на Украине, Валя Иванникова — на севере, в Петрозаводске, а Инна Мишина — на Волге, в Куйбышеве. Раньше они не знали друг друга, встретились в письмах, которые послали в «ПИОНЕР», и получился у них вот какой разговор о том, как лучше провести праздник.

Все. Два года наши отряды шли маршем «Всегда готов!», готовились к празднику, а праздник пришел, самое время оглянуться назад: что удалось хорошо сделать, а что не получилось.

И вперед посмотреть: как будем жить дальше, за что в первую очередь возьмемся? Не обойтись на празднике без такого разговора.

Вера. Осенью Андрюша Крылов приехал из Волгограда и привез с собой альбом с рисунками. Андрюша у нас хорошо рисует, в изокружке занимается. Мы его рисунки в классе повесили, а Андрюша говорит: «Моим рисункам скучно будет одним на стенках висеть, тащите и свои тоже — все ребята где-нибудь отдыхали». И тогда Алик нарисовал, как он летом сено помогал убирать, Сережа — корабли в Одесском порту, Света — домик Лермонтова в Пятигорске, а Боря — футбольный матч в пионерском лагере. Так хорошо, как у Андрюши, ни у кого не получилось, но все еще больше подружились и очень гордились, что ребята из других классов приходили на нашу выставку.

Инна. А у нас в отряде почти все что-нибудь коллекционируют. Кто значки разных стран, кто марки про города, кто открытки про животных. На всех переменах только и говорят о коллекциях. Мы принесем на праздник свои коллекции; пусть приходят ребята из других отрядов — мы расскажем все, что знаем!

Валя. А мы для всей дружины делаем уголок пионерской славы. Начали мы эту работу с того, что один мальчик привел к нам на сбор свою бабушку Настасью Ивановну. Она была первой пионеркой на хуторе Кресты, во время войны партизанам помогала — прятала раненых в своем погребе, тридцать лет в колхозе дояркой работала.

Записали мы ее воспоминания, фотографии попросили нам подарить, интересно получилось, всем ребятам понравилось.

Вера. Мы постановили: пусть каждое звено что-то свое придумает для праздника — у кого интереснее получится?

Первое звено, я знаю, веселую газету делает. Второе — костюмы любимых героев книг шьет. А третье звено придумало уже

викторину для всех. Какие в этой викторине вопросы, не могу пока сказать — секрет, одно ясно: чтобы приз получить, надо хорошо знать пионерскую историю.

Валя. Викторины, конкурсы, соревнования все ребята очень любят. Пусть их побольше будет на празднике.

Какое звено знает больше пионерских песен и кто кого перепоет?

Кто назовет больше кинофильмов о пионерах?

Кто помнит всех чемпионов «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы»?

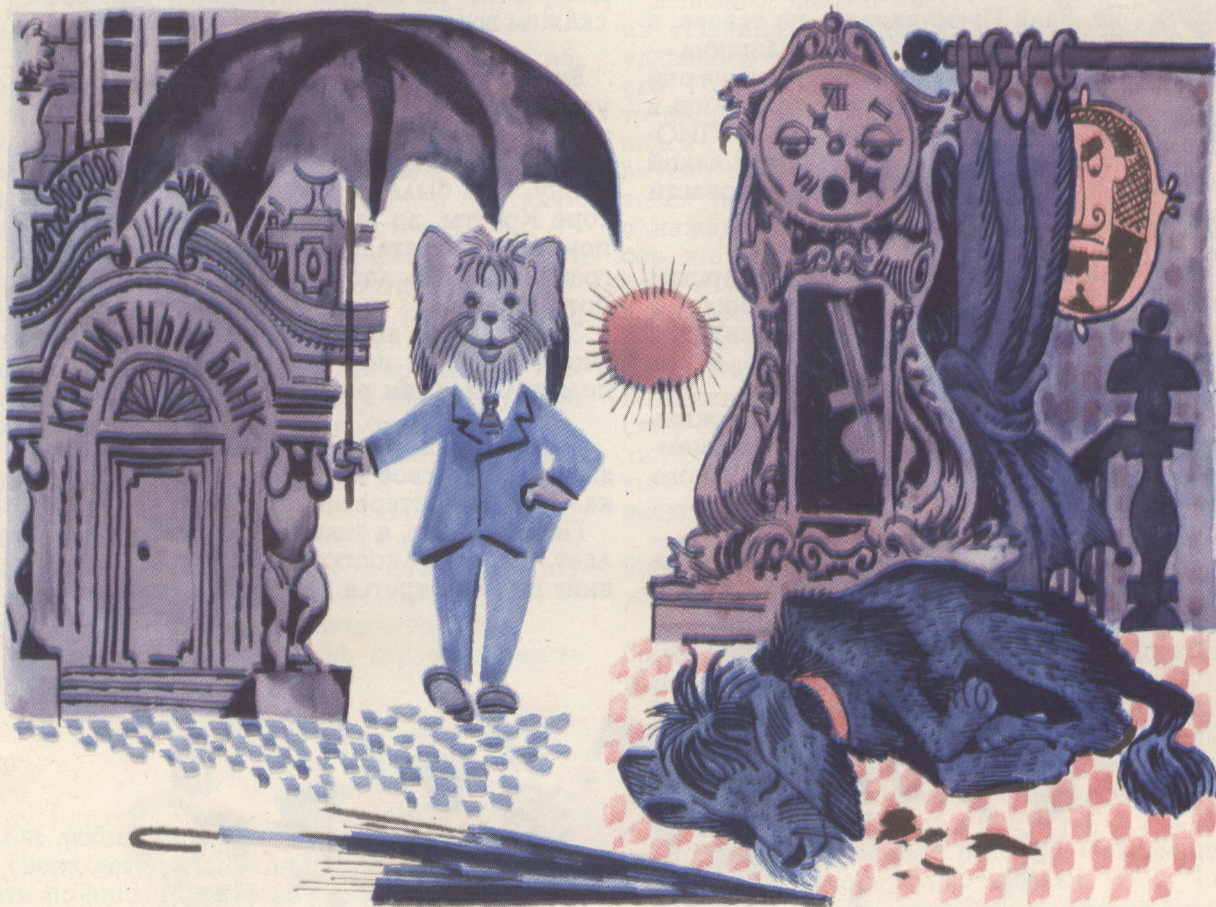
Кто испечет самый вкусный пирог?

Кто покажет больше десяти способов приготовления картошки на костре?

Всем победителям — призы. Их надо заранее придумать и сделать очень хорошо.

Этот разговор о празднике не окончен. Ты можешь его продолжить.

Мы ждем твоего письма!



Проснись, Фердинанд!

Людвик Ежи КЕРН

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Писатель Людвик Ежи Керн написал книгу «Фердинанд Великолепный» о том, как пес по кличке Фердинанд во сне превращается в человека.

Фердинанд — удивительный пес, совсем непохожий на своих собратьев. Он хорошо воспитан, он благородный, обаятельный, доверчивый, ко всем относится благожелательно и сердечно. С ним всегда весело, поэтому все с ним дружат.

Здесь вы, ребята, прочитаете несколько глав из второй, еще не напечатанной в Советском Союзе книги Л. Е. Керна и, мы надеемся, полюбите Фердинанда так же, как любят его в Польше и дети и взрослые.

I

Фердинанд уже давно мечтал о зонте.

Пожалуйста, не смейтесь, в этом нет ничего смешного. Иногда самые удивительные вещи становятся предметом наших мечтаний.

Один мечтает летом о лыжах, другой — зимой искупаться в море, а третий — о свежей клубнике в ноябре. Эти мечты, конечно, не могут осуществиться немедленно. Тому, кто мечтал о лыжах, придется отложить мечту до зимы, а чтобы искупаться в море или полакомиться свежей клубникой, надо дождаться лета.

Как долго ждать, чтобы исполнилась мечта о зонте?

Никто этого не знает.

Во всяком случае, Фердинанд мечтал о зонте очень и очень давно.

Почему мечтал?

Никто вам, пожалуй, на этот вопрос не ответит. Мечта иногда появляется ни с того, ни с сего, — прилетает, как назойливая муха, и кружит, кружит, кружит. И мы сразу догадываемся, что муха эта не что иное, как наша мечта.

Фердинанд доверил свою мечту старым стенным часам. Они стояли в углу комнаты, и Фердинанд много лет жил с ними в большой дружбе.

— Ты не можешь себе представить, мой дорогой Бимбом, — сказал Фердинанд, обращаясь к часам, — как мне хочется иметь зонт.

— Прекрасно тебя понимаю, — отозвался Бимбом, — хотя, с моей точки зрения, эта вещь совершенно лишняя.

— Конечно, если никогда не выходишь из комнаты на улицу, — сказал Фердинанд.

— Это правда, — поддакнул Бимбом. — С тех пор, как меня поставили в угол, я беспрерывно хожу, но на улице ни разу не был.

— Все ходишь на месте...

— Да, — сказал Бимбом. — Но я прекрасно понимаю, если кто-то хочет иметь зонт...

— Этот кто-то — я! — перебил его Фердинанд. — Что сделать для этого?

— Купить, — ответил Бимбом.

— А что нужно, чтобы купить? — спросил Фердинанд.

— Деньги, — ответил Бимбом.

— А если их нет?

— Накопить.

— Долго копить?

— Это зависит от того, какой ты хочешь зонт.

— Самый замечательный! — воскликнул Фердинанд.

— На самый замечательный придется копить долго, — подумав, сказал Бимбом.

— Ну сколько? — настаивал Фердинанд.

— Это зависит от того, быстро или медленно копить... — ответил Бимбом. — Правда, можно взять в кредит... Надо только написать убедительное заявление...

— Что значит убедительное?

— Написать в заявлении, например, что зонт тебе просто необходим при исполнении служебных обязанностей в целях... в целях...

— В целях непромокания, — подсказал Фердинанд.

— Может, и в целях непромокания, — сказал Бимбом. — Напиши еще, что, промокнув во время исполнения служебных обязанностей, можно простудиться...

— Конечно, можно, — согласился Фердинанд.

— Простудившись, получишь насморк...

— Ты прав. Сколько раз я простужался, и всегда у меня был насморк. — В подтверждение Фердинанд чихнул.

— Вот. А когда ты чихаешь, заражаешь других...

— Да...

— И тогда другие начинают чихать и заражают других, а те, в свою очередь, чихают... А все почему?

— Ну?

— Потому что у тебя нет зонта! — сказал Бимбом, весьма гордый собой.

— Вот видишь! — воскликнул Фердинанд. — Зонт мне просто необходим...

— Можешь написать в заявлении, что зонт тебе просто необходим не только для непромокания, но и для блага общества...

— Сейчас напишу заявление, — сказал Фердинанд. — Поможешь мне, дорогой Бимбом?

— Помогу, только писать ты будешь сам. Мне неудобно стоя, — сказали часы. — А знаешь ли ты по крайней мере, какой тебе нужен зонт?

— Я хотел бы, — мечтательно вздохнул Фердинанд, — иметь элегантный шелковый зонт с бамбуковой тростью.

— Какого цвета?

— Голубого, как небо.

— Голубой непрактичен, — решил Бимбом. — Быстро выгорает на солнце.

— Я не буду ходить по солнцу, — твердо сказал Фердинанд. — С зонтом ходят в дождь.

— Бывает, и дождь идет, и солнце светит. Поэтому не покупай голубой, дорогой Фердинанд, — сказал Бимбом и громко прозвонил де-

сять раз.— Заговорился я с тобой, чуть-чуть не прозевал пробить десять часов.

— Какой же покупать, красный?

— Красный бросается в глаза,— сказал Бимбом.— Тебя будет видно издалека.

— Прекрасно,— обрадовался Фердинанд.— Пускай бросается.

— Но тогда у тебя не будет ни минуты покоя. Ты всегда будешь окружен родственниками и знакомыми. А ведь иногда так хочется остаться наедине с самим собой.

— Правда,— согласился Фердинанд.— Значит, какой? Зеленый?

— Зеленый тоже нехорошо,— сказал Бимбом.

— Почему?

— Не бросается в глаза летом.

— Почему не бросается? — спросил Фердинанд.

— Очень просто. Летом все зелено, и зеленый зонт совершенно невидим... А тебе, наверно, хочется, чтобы твой зонт был заметен...

— Хорошо,— сказал Фердинанд.— А что ты думаешь о фиолетовом?

— Не-е-е,— скривился от неудовольствия Бимбом и подвигал стрелками, как усами.— Фиолетовый зонт — несолидно...

— А какой солидно?

— Солидно, мне кажется, выглядит только черный зонт,— сказал Бимбом.

— Черный? — удивился Фердинанд.

— Да, черный, черный! — подтвердил Бимбом.

— Черный — траурный и тоскливый.

— Черный цвет такой же, как и любой другой,— сказал Бимбом.— Если хочешь выглядеть солидно, покупай черный зонт...

— Конечно, я хочу выглядеть солидно! — сказал Фердинанд.

— Ну, тогда бери бумагу, ручку и пиши заявление...

II

«Не буду я никого спрашивать, где этот кредитный банк,— решил Фердинанд, когда вышел на улицу.— Сам найду... Такой банк должен быть где-нибудь в центре... В конце концов в центре не так уж много улиц... Самое большее сто или двести... Что стоит пробежать их?.. Буду внимательно смотреть на вывески... У банка, наверно, большая вывеска».

Фердинанд стал бегать по улицам.

Бегал и бегал, но банка так и не нашел. Другие банки встречались, а кредитный не попадался. Фердинанд совсем уж было отчаялся, как вдруг, выскочив из переулка на большую улицу, увидел громадную вывеску: «Кредитный банк».

«Наконец-то»,— подумал он и очень обрадовался.

С достоинством направился он к вращающейся двери. В уважающих себя банках не бывает нормальных дверей, которые открываются, когда потянешь их за ручку, а только такие, которые кружатся вокруг своей оси.

Фердинанду понравились двери, и вместо того, чтобы войти в банк один раз, он входил и выходил, входил и выходил. Наконец, устав от вращения, он вошел в зал и осмотрелся: с кем бы поговорить о кредите? Перед ним было множество окошек. Заглянув в каждое, он подошел к окну, в котором сидела молодая девушка, она была самая симпатичная.

— Мое почтение, пани,— сказал он.— Я принес заявление.

— О чем? — спросила девушка, не глядя на Фердинанда.

— Мне нужен кредит,— пояснил Фердинанд и вручил ей свое заявление.

— Это, наверно, ошибка,— сказала девушка, прочитав.— В заявлении почему-то речь идет о зонте?

Директор принял их сразу, до него уже дошел слух о каком-то неслыханно трудном деле.

— Извините, пожалуйста,— сказал Фердинанд.— Именно о зонте.

— Значит, вам нужен кредит для покупки зонта? — изумленно спросила девушка.

— Совершенно верно,— ответил Фердинанд.

— Мне впервые приходится встречаться с таким заявлением. Придется пойти к заведующему.

Они пошли к заведующему на пятый этаж.

— Вот заявление этого пана,— сказала девушка, когда они вошли в кабинет заведующего.

— В чем дело? — спросил заведующий, сдвигая на лоб огромные роговые очки.

— В кредите,— поспешно вставил Фердинанд.

— В кредите,— подтвердила девушка,— но угадайте, пан заведующий, на что?

— На дом? На мебель? — начал заведующий.

— Не угадали. На зонт,— сказала сотрудница.

— На зонт?! — удивился заведующий.— С этим заявлением надо к инспектору.

Заведующий отделом, девушка и Фердинанд спустились этажом ниже в кабинет инспектора.

— Слушаю,— сказал инспектор, отрываясь от бумаг, которыми был завален весь стол.

— Дело в высшей степени необыкновенное, — сказал заведующий, — поэтому мы позволили себе обратиться к вам, пан инспектор.

— Если заявление обосновано убедительно, удовлетворить просьбу, и говорить больше не о чем,— сказал инспектор, с первого взгляда почувствовав симпатию к Фердинанду.

— Заявление убедительное, пан инспектор,— сказал заведующий,— только цель кредита...

— На что пан хочет получить кредит? — спросил инспектор.

— На зонт, пан инспектор! — пояснил заведующий. Девушка и Фердинанд утвердительно кивнули головами.

— Повторите, пожалуйста, я не ослышался? — попросил инспектор.

— Не ослышались, пан инспектор,— сказал заведующий.

— Очень мне неприятно,— сказал инспектор,— но по такому необычному делу я сам не могу принять решения.

Инспектор, заведующий, девушка и Фердинанд спустились на этаж ниже, в кабинет начальника.

— Прошу! — прозвучал бас начальника, когда инспектор постучал в дверь.— Что за процессия? — добавил он, увидев входивших в кабинет.— Чем могу служить?

— Пан Великолепный подал нам заявление о кредите,— начал инспектор.

— С превеликим удовольствием предоставим кредит,— перебил его начальник и пригласил всех сесть.— Наше учреждение, собственно, тем и занимается, что предоставляет кредит всем, кто в нем нуждается.

— Само собой разумеется, пан начальник,— сказал инспектор,— но пан Великолепный просит кредит на покупку... зонта.

— Обыкновенного зонта? — удивился начальник.

— Так точно, пан начальник,— ответил инспектор, а заведующий, девушка и Фердинанд утвердительно кивнули головами.

— Дайте-ка мне заявление! — сказал начальник.

Он перечитал заявление несколько раз от начала до конца.

— Не вызывает сомнения,— сказал он наконец,— речь идет о покупке зонта... В принципе наш банк не имеет ничего против того, чтобы люди в кредит покупали себе зонты, но... Пойдемте к директору!

Директор принял их сразу, до него уже дошел слух о каком-то неслыханно трудном деле.

— Я ждал вас,— сказал он.

— Присутствующий здесь пан Фердинанд Великолепный подал заявление в наш банк на получение кредита...— начал объяснять начальник.

— Подобные заявления для нас не новость,— улыбнулся директор.

— Такого заявления не поступало со времени основания нашего банка, пан директор! — воскликнул начальник и драматическим жестом положил заявление Фердинанда на стол директора.

Тот мгновенно его прочитал и, потирая ладони, радостно воскликнул:

— Наконец-то что-то новенькое!!! Браво, пан Фердинанд!!! Все просят деньги на покупку дома, мебели, машины, и вот появился человек, которому нужны деньги на прекрасную, благородную, я бы сказал, цель — на зонт! Сколько вам нужно денег? Вы не указали в заявлении сумму.

— Не имею понятия, пан директор, сколько может стоить зонт...— сказал Фердинанд.

— А какой бы вы хотели купить? — спросил директор.

— Черный, с бамбуковой тростью.

— Узнайте сейчас же,— сказал директор девушке,— какие сейчас цены на зонты... А вас,— обратился он к начальнику, инспектору и заведующему,— я попрошу вернуться в свои кабинеты и оформить кредит пану Великолепному. Не уходите, пан Великолепный,— обратился он к Фердинанду,— я хочу вам кое-что показать.

Как только они остались одни, директор подошел к шкафу и распахнул его.

— Взгляните!

Фердинанд увидел множество самых разных зонтов, висящих в шкафу.

— Прекрасная коллекция! — восторженно прошептал Фердинанд.

— Это не все,— с гордостью сказал директор.— У меня дома еще есть. Приходите как-нибудь, посмотрите.

Дождевая улица оказалась поблизости.

— Непременно, пан директор, — сказал Фердинанд и, поблагодарив, выбежал из кабинета директора, чтобы получить в кассе деньги.

III

С деньгами в кармане Фердинанд отправился в город искать подходящий зонт.

— Я не стану поступать легкомысленно, — бормотал он, идя по улицам и внимательно разглядывая витрины магазинов, где продаются зонты. — Нет ничего проще купить первый попавшийся зонт, а потом до конца жизни раскаиваться, что не купил такой, о котором мечтал... У меня время есть... Прежде всего обойду магазины и посмотрю, что в них продается.

Фердинанд ходил вдоль рядов зонтов в магазинах, как дипломат перед ротой почетного эскорта. Время от времени просил показать какой-нибудь из зонтов, важно его рассматривал, опирался на него, как на трость, а иногда даже раскрывал. И все никак не мог решиться на покупку.

Наконец, выйдя из двадцать пятого магазина, Фердинанд хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Неуч!

Стукнул снова себя по лбу:

— Растяпа!

Стукнул себя по лбу в третий раз:

— Дурень я! Хожу по магазинам. А зонты ведь не в магазинах делаются. А где? Их делают мастера. У мастера я найду зонт, о котором мечтаю!

И, не раздумывая больше, Фердинанд отправился на розыски мастера, напевая такую песенку:

Мне нужен зонт,
Прекрасный зонт.

Песенку Фердинанда услышала одна пожилая женщина и сказала:

— Прошу меня извинить за то, что прерываю такую прекрасную песенку, но я знаю адрес одного знаменитого мастера.

Фердинанд прямо подпрыгнул от радости.

— Умоляю вас, — воскликнул он, — скажите скорее мне его адрес! Далеко ли отсюда?

— Совсем близко! В двух шагах, — сказала пожилая женщина. — На Дождевой улице, 18.

— До конца своей жизни запомнил! — воскликнул Фердинанд. — Сто раз благодарю вас за это бесценное сообщение!

И Фердинанд побежал на Дождевую улицу.

— Имейте в виду, — крикнула вслед ему пожилая женщина, — на Дождевой улице всегда идет дождь...

— Это не страшно!.. — крикнул, убегая, Фердинанд. — Немного намокну, пока добегу, зато у меня будет зонт.

Дождевая улица оказалась поблизости. Фердинанд без всякого труда нашел восемнадцатый номер, но с улицы не было видно ни магазина, ни мастерской. Только на воротах висела небольшая вывеска, и на ней нарисованы зонт и стрелка. Фердинанд пошел туда, куда указывала стрелка, и очутился в большом дворе. Он уже достаточно промок, пока шел по Дождевой улице, а сейчас дождь лил как из ведра.

Добрых десять минут оглядывался он вокруг, пока наконец не увидел на балконе третьего этажа несколько разноцветных зонтов, растущих в горшках, как цветы. Все они были раскрыты, и вода по ним стекала прямо на голову Фердинанда.

— Так вот где живет мастер! — воскликнул Фердинанд и — бегом на третий этаж.

Хотите верьте, хотите нет, на лестнице тоже лил дождь. Но Фердинанд промок до нитки и мог уже не обращать на это внимания.

— Пусть льет... — пробурчал он под нос, с которого стекали струйки воды.

Наконец Фердинанд постучал в дверь, на которой был нарисован зонт.

— Входите! — отозвался голос.

Фердинанд открыл дверь и вошел. В комнате тоже шел дождь. Ничем не выдавая своего удивления, он громко сказал:

— Добрый день.
— День добрый,— донесся голос из-под огромного зонта, с которого стекали струи воды.
— Чего это вы стоите под дождем? — спросил мастер Фердинанда.— Идите скорее сюда, ко мне!
Фердинанд забрался под зонт, растущий из большой деревянной кадки,— в таких кадках растут пальмы в фойе гостиниц.
— Чем могу служить? — спросил мастер, разглядывая Фердинанда.— Судя по вашему виду, вам нужен зонт, правда?
— Совершенно верно,— сказал Фердинанд,— мне нужен зонт.
— Садитесь, пожалуйста,— сказал мастер, показывая Фердинанду стульчик под большим зонтом.
Фердинанд сел и огляделся вокруг.
— Извините, пожалуйста,— сказал он,— разве у вас нет крыши?
— Есть,— ответил мастер.
— Так почему тут так льет? — удивился Фердинанд.
— На Дождевой всегда льет,— объяснил мастер.— Поэтому я и открыл здесь мастерскую по выращиванию зонтов.
— Вы, наверно, хотели сказать, по изготовлению зонтов? — вставил Фердинанд.
— Ничего подобного. Я хотел сказать то, что сказал. У меня, Франтишка Амберлинского, единственная на свете мастерская по выращиванию зонтов. Извините, пожалуйста, но мои зонты естественные, а не какие-нибудь искусственные. Есть настоящий жемчуг и жемчуг искусственный. Естественные зонты растут только у меня. А что касается крыши,— сказал он, вспомнив вопрос Фердинанда,— то от этого дождя ни одна крыша не спасет. Не изобретена еще такая непромокаемая крыша, разве что мои зонты. Вот посмотрите...
Действительно, под огромным зонтом было совершенно сухо и под всеми зонтами, растущими в горшках, тоже. Были среди зонтов большие, средние и маленькие, только что пустившие побеги.
— Необыкновенно,— сказал Фердинанд.— Ни под одним из них, даже под самым маленьким, нет и следа дождя!
— Так они же действительно непромокаемые,— сказал с гордостью пан Амберлинский.— А вам какой зонт нужен? Не садовый ли?
— Нет,— сказал Фердинанд.— Мне нужен зонт для прогулки...
— Ясно,— понимающе сказал пан Амберлинский.
— Элегантный,— добавил Фердинанд.
— С другим я вас и не представляю...
— Не слишком тяжелый,— продолжал дальше Фердинанд.
— Мои все, как пух, можете быть спокойны,— заверил мастер, прикладывая руку к сердцу.
— С бамбуковой тростью...
— Я выращиваю зонты только на бамбуковых привоях,— подтвердил пан Амберлинский.
— Который бы никогда не заклинивался...
— Заклиниваются только искусственные, естественные — никогда.
— Который бы не промокал...
— Мои на сто процентов непромокаемы!
— И который бы никогда не терялся,— закончил Фердинанд.
— Даю вам столетнюю гарантию. Мои зонты сами стерегут своих хозяев в отличие от обычных, которые следует стеречь.
— Вы даете столетнюю гарантию? — с изумлением спросил Фердинанд.
— Вам этого мало? — сказал мастер.— Могу дать больше, но по опыту знаю, мои зонты не живут больше ста лет. Ну, может быть, на год, на два проживут дольше,— закончил он с гордостью.
— А какого цвета вы хотите зонт?
— Черного,— сказал Фердинанд.
— Сразу видно, у вас хороший вкус,— сказал мастер.— Некоторые хотят голубые, красные, зеленые или фиолетовые, а некоторые, представьте себе, желтые! А вам нужен черный! Это очень мило с вашей стороны... Я сам тоже люблю черные. Черные труднее всего вырастить, так же, как черные розы. Много роз красных, желтых, белых, встречаются даже голубые и зеленые, но черная роза — редкость! Ну так выбирайте себе какой-нибудь из этих черных,— сказал пан Амберлинский и показал Фердинанду на ряд прекраснейших, изящных зонтов, растущих в горшках.
Фердинанду приглянулся третий слева.
— Возьму этот,— сказал он.
— Самый лучший экземпляр этого возраста,— похвалил его выбор мастер.
— А как быть с горшком? — забеспокоился Фердинанд.— Мне кажется, ходить с горшком, прикрепленным к трости, не очень удобно.
— Не беспокойтесь. Мы сейчас вырвем его из горшка,— сказал пан Амберлинский.
— А он, простите, не завянет? — спросил Фердинанд.
Время от времени вам придется выходить с ним на дождь. Зонт хорошенько промокнет, и ему снова будет хорошо. Иначе он будет скверно себя чувствовать. Знаете, здесь, на Дождевой, они привыкли к дождю.
— Я буду ходить под дождем целыми часами,— уверенно сказал Фердинанд.
Мастер нагнулся над горшком с зонтом, который выбрал Фердинанд, и ловко вырвал его из земли. Очистил трость тряпочкой и подал Фердинанду.
— Вы только посмотрите, какой зонт! — сказал он.
Фердинанд взял зонт. Дождь ритмично стучал по зонту, и у Фердинанда сердце запрыгало от восхищения.
— Сколько вы хотите за него? — спросил он наконец с опаской, боясь, что цена будет слишком высокой.
— Для вас — триста злотых,— сказал мастер.
— Триста? — удивился Фердинанд.

— Дорого?

— Дешево! Я дам четыреста, — сказал Фердинанд.

— Ни за что на свете, — запротестовал пан Амберлинский.

— Ну, триста пятьдесят.

Фердинанд вынул деньги и вручил их пану Амберлинскому.

Потом они попрощались, как старые приятели, и Фердинанд под своим великолепным зонтом вышел из мастерской. Под потоками дождя он прошел двор и под потоками дождя шел, счастливый, по улице Дождевой.

Над собой он нес чудесный зонт.

IV

Как только Фердинанд свернул с Дождевой, дождь сразу прекратился, и засветило солнце.

«Надо бы закрыть зонт...» — подумал Фердинанд и стал искать устройство, позволяющее превратить зонт из гриба на тонкой ножке в стройную, обернутую черным шелком трость.

Такого устройства не оказалось.

— Интересно... — пробормотал Фердинанд, идя с раскрытым зонтом и не обращая внимания на то, что все прохожие давно закрыли свои зонты. — Может быть, это даже и лучше, пусть просохнет как следует.

Тут к нему подошел незнакомый мужчина.

— Тысяча извинений, — сказал он, — не знаю, заметили ли вы, что дождь уже не идет?..

— Да, заметил, — ответил Фердинанд.

— Я вижу, вы идете под раскрытым зонтом, и подумал, что, вы, наверно, замечтались... — объяснил он свою назойливость.

— Я нарочно иду с раскрытым зонтом, — сказал Фердинанд.

— Можно ли узнать, зачем? — заинтересовался мужчина.

— Чтобы он просох, просто чтобы просох... — сказал Фердинанд.

— Гениально! — воскликнул мужчина с удивлением. — Вы первый поняли душу зонта и заботитесь о нем, стараетесь, чтобы ему было хорошо, не оставляете его на произвол судьбы, как это делают, к сожалению, большинство владельцев зонтов и зонтиков! Когда-нибудь зонты поставят вам памятник! Я последую вашему примеру!

Сказав это, он раскрыл свой зонт, несмотря на прекрасную солнечную погоду.

— Благодарю вас, — сказал он отходя. — Буду всех уговаривать, чтобы последовали вашему примеру!

И он ушел.

Вскоре Фердинанд заметил, что на улицах шло все больше и больше людей с раскрытыми зонтами, хотя ни одно облачко не омрачало небо.

V

Но вскоре раскрытый зонт стал раздражать Фердинанда.

Он еще раз тщательно осмотрел трость, надеясь найти устройство, позволяющее изменить форму зонта. Испробовал все возможные способы: сильно тряс зонтом, стучал им о тротуар, крутил то в левую сторону, то в правую — все безрезультатно. Зонт и не думал закрываться.

«Придется пойти к пану Амберлинскому, — подумал наконец Фердинанд, — пусть он мне покажет, как выращенный им зонт закрывается».

Он повернул по направлению к Дождевой улице, но едва сделал несколько шагов, как вдруг его толкнул какой-то франт.

— Могли бы вы быть немного внимательней, — заметил ему Фердинанд.

— А тебе чего? — огрызнулся франт.

— Нехорошо задевать прохожих...

— Кончай со своими проповедями! — крикнул франт. — Закройся! Привет.

И вдруг зонт закрылся сам.

Фердинанд остолбенел.

«Оказывается, зонту надо приказывать, — подумал Фердинанд. — Если он складывается по команде, то, наверно, и раскрывается по команде». И, не теряя времени, Фердинанд громко приказал:

— Раскройся!

Зонт немедленно раскрылся.

— Закройся!

Зонт сложился.

— Раскройся!

Зонт тут же раскрылся.

— Закройся!

Зонт моментально сложился.

— Все ясно! — воскликнул Фердинанд. — Теперь я знаю, как раскрывается и закрывается мой зонт. О, невоспитанный пижон, толкнувший меня, как бы я хотел горячо поблагодарить тебя за услугу, которую ты мне оказал своей невежливостью!

Но франта и след простыл. Он так никогда и не узнал, что помог решить проблему, которую никак не мог решить Фердинанд.

Повторяя каждую минуту «Закройся!» и «Раскройся!», Фердинанд повернул домой. Все прохожие, мимо которых он проходил, с добродушной улыбкой наблюдали, как Фердинанд то раскрывает, то закрывает свой черный зонт с бамбуковой тростью.

VI

Бимбом первым услышал шаги хозяина на лестнице. Он посмотрел вниз и увидел на полу у своих ног дремлющего Фердинанда. Неподалеку лежал любимый зонт хозяина, который Фердинанд, играя, притащил из прихожей.

«Будет скандал, — подумал Бимбом, — когда хозяин увидит свой растрепанный зонт...»

Фердинанд храпел с удовольствием, не подозревая о надвигающейся опасности.

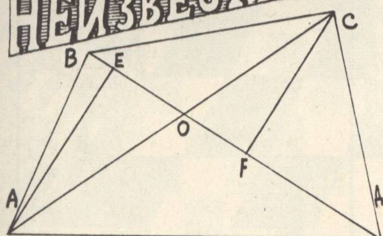
Шаги на лестнице приближались. Вскоре Бимбом услышал бренчание ключей.

ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Кто найдет «буер»?

Оказывается, есть два ответа: «буер» = 1 972 и «буер» = 5 472.

Поле неизвестности



Четырехугольник поля ABCD делится диагоналями на четыре треугольника ABO, BOC, COD, AOD. Проведем CF и AE, перпендикулярные BD. Поскольку основание BO у треугольников ABO и BOC общее, то отношение их площадей (площадь обозначается буквой S) такое: $S_{ABO} : S_{BOC} = AE : CF$. Точно так же $S_{AOD} : S_{COD} = AE : CF$. Пусть неизвестен участок ABO, тогда $S_{ABO} = \frac{S_{BOC} \times S_{AOD}}{S_{COD}}$.

Но нам неизвестно, какова площадь COD — 2 га, 4 га или 6 га, поэтому получаем три значения: $S_{ABO} = \frac{2 \times 4}{6} = 1\frac{1}{3}$ га (при $S_{COD} = 6$ га), $S_{ABO} = \frac{2 \times 6}{4} = 3$ га (при $S_{COD} = 4$ га), $S_{ABO} = \frac{4 \times 6}{2} = 12$ га (при $S_{COD} = 2$ га).

Тихо капает вода

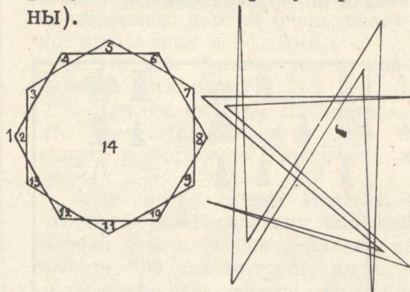
Будем наливать воду в 17-литровый сосуд, наполнять из него 12-литровый, а наполненный опорожнять в раковину. Шесть раз наполнив большой сосуд, наберем в общей сложности 17×6, всего 102 литра. Из малого сосуда вода будет вылита 8 раз, всего 96 литров. Останется ровно 6 литров.

Снова сбежали цифры

Восстановить умножение можно двумя способами: 235×96 = 22 560 и 235×79 = 18 565.

Раздели и докажи

а) Два правильных шестиугольника могут разделить плоскость на 14 частей (на рисунке части пронумерованы).



б) Два невыпуклых шестиугольника могут разделить плоскость на 38 частей — как на нашем рисунке. При этом каждая сторона одного пересекается с каждой стороной другого.

в) Один многоугольник делит плоскость на две части — внешнюю и внутреннюю. Будем идти по сторонам второго. Сколько частей добавится к уже полученным? Часть периметра второго многоугольника — между двумя последовательными пересечениями со сторонами первого — проходит по одной из полученных ранее частей, делит ее на две, значит, добавляет одну новую часть. Таким образом: (число частей, на которые делят плоскость два многоугольника) = (числу точек пересечения их сторон) +2.

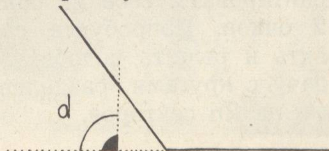
Любая прямая пересекает не больше двух сторон выпуклого многоугольника. И два выпуклых n-угольника делят плоскость не более чем на (2n+2) части. Каждая сторона невыпуклого 2n-угольника может пересекать любую сторону второго 2n-угольника — всего частей не более $4n^2+2$. Примеры, построенные так же, как на наших рисунках, показывают, что эти значения достигаются.

Что останется у Зета?

Остаток у Зета 22. Задачу легко решить, используя сравнения по модулю 23.

Много ли их?

Многоугольник, у которого один из внутренних углов больше d (прямого угла), рассматриваемым свойством не обладает (посмотри на чертеж). Значит, каждый угол должен быть не больше d, а их сумма не больше dn. Но сумма углов n-угольника равна 2d(n—2) — посмотрите учебник геометрии. Поскольку $dn \geqslant 2d(n-2)$, то $n \geqslant 2n-4$, откуда $n \leqslant 4$, то есть или n=3, или n=4. Все треугольники, кроме тупоугольных, обладают рассматриваемым свойством. Сумма четырех углов четырехугольника равна 4d, если какой-то угол меньше d, то какой-то больше d, поэтому из четырехугольников рассматриваемым свойством обладают только прямоугольники.



Что общего?

Таких свойств может быть несколько, в частности то, что все эти фигуры изображены в условии задачи «Что общего?» Третьей Олимпиады Трех Неизвестных («Пионер» № 2 за 1972 год).

Помогите директору

Одна из возможных форм плитки и один из способов вымостить площадку — на рисунке.

Неизвестные развлекаются

Если Икс заштрихует нечетные секторы через один, то он получит 3 очка (сектор Игрека того же цвета, что и один из двух окружающих его секторов Икса, поэтому незаштрихованных областей будет столько, сколько незаштрихованных секторов у Икса). Если Икс заштрихует меньше 3 секторов, а Игрек ни одного, то больше двух очков Иксу не достанется, если же Икс заштрихует 4, 5 или 6 секторов, а Игрек все, то Икс опять потеряет очки. Значит, если Икс не будет штриховать свои секторы через один, то он сможет гарантировать себе не больше 2 очков. Попробуйте составить и решить подобную задачу с кругами, разделенными на 2n секторов.

В стране шахматных полей — владыки черные и белые

Дружба дружбой...

Пешкин бывает почти на всех соревнованиях юных шахматистов. Одним из первых прилетел он и в Чернигов, когда там проходило первенство страны среди школьников.

Еще в самолете Пешкина окружили добрые знакомые Витя Быховский, Дима Лосев, Грета Лим, Аня Ахшарумова, Алексей Юнеев, награжденные «Грамотой ферзя и ладьи», и другие верные друзья.

Ребята весело, дружно жили в Чернигове. Но дружба дружбой... а очки врозь. Каждый искал путь к победе в спортивной борьбе, и борьба эта была острой, потому что почти все участники турнира были перворазрядниками.

Эта позиция возникла в партии, которую играли москвичи Дима Лосев (745-я школа) и Валерий Чехов (281-я школа).

Сейчас ход черных, им надо взять дерзкую белую пешку g6, открывая своему королю путь к бегству. Но Валерий не оценил по достоинству угрозу противника и беспечно продолжал 15... e5 : d4?

Далее события развивались так: 16. Лd1 : d4 Сg7 : d4.

Слон был верным защитником короля, и его не следовало разменивать даже на ладью.

17. Фe3 — h6! Сd4 — e3+ (иначе не защититься от мата). 18. Фh6 — e3 Фd8—f6 19. g6—g7! Фf6 : g7 20. Кg3—f5 Фg7—f6 21. Фe3—g1+ черные сдались.

Дима Лосев отлично провел атаку.

Спрашивает Витя Фаустович

Витя Фаустович живет в белорусском селе Любань. У себя в школе Витя занял первое место, на районном турнире шахматистов финишировал третьим.

Вот какая любопытная позиция заинтересовала Витю:

«Как ты считаешь, Пешкин, могут ли здесь белые добиться победы?» — спрашивает он.

Пешкин, конечно, проанализировал эту позицию, а потом, решив, что его верные друзья сами разберутся в ней, включил ее в свой заочный конкурс. Подумайте, ребята, как должна закончиться борьба при ходе белых?

Еще две позиции

И еще две позиции включил Пешкин в свой конкурс.

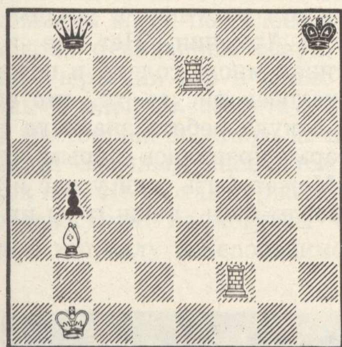
Об этой он даже басню сочинил:

По шахматной доске слона водили,
Но вдруг дорогу пешки преградили.
Мораль ясна:
Ай, пешка! Знать она сильна.

И в самом деле, у черных лишний слон, но белые, начиная игру, могут спастись от поражения. Найдите, как они добиваются ничьей.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

А теперь о положении, приведенном на следующей диаграмме:



Здесь, начиная игру, белые дают мат в три хода черному королю. У белых десяток заманчивых продолжений, но только одно из них правильное и выведет прямо к цели.

Пешкин ждет ваших решений, ребята!

В гостях у чемпиона мира

Чемпиону мира Б. Спасскому предстоит встретиться в матче с претендентом на «шахматную корону» Р. Фишером (США).

Пешкин отправился к чемпиону мира.

— Трудно ли быть чемпионом мира? — спросил Пешкин.

— Трудно,— сказал Борис Васильевич.— Чемпион мира обязан всегда играть хорошо, звание обязывает.

— Можно ли играть в шахматы, не делая ошибок? — снова спросил Пешкин.

— Теоретически говоря, можно, но вряд ли это кому-нибудь удается. Я хочу написать книгу об ошибках, о моих собственных ошибках на шахматной доске. И ты, Пешкин, обязательно скажи своим молодым друзьям: изучение проигранных партий очень полезно, прямо-таки необходимо.

— Что вам больше всего нравится в шахматах?

— Трудно сказать. Шахматы — это замечательная игра, это и спорт, и борьба, и искусство, и наука...

— Я знаю,— сказал Пешкин,— что вы, Борис Васильевич, хороший пловец и боксер, брали планку на высоте 180 сантиметров, но все-таки какой вид спорта вы любите больше всего?

— Все виды спорта люблю. И спортсменов, мастеров своего дела, тоже люблю.

— Приходилось ли вам играть с Фишером?

— Мы встречались пять раз. Три партии я выиграл, две закончились вничью. Из этого, конечно, не следует, что в предстоящем матче я добьюсь безусловного перевеса. Предстоит трудная и упорная борьба.

— Читатели «Пионера» желают вам, Борис Васильевич, успеха.

— Большое спасибо и тебе, Пешкин, и твоим юным друзьям.

* * *

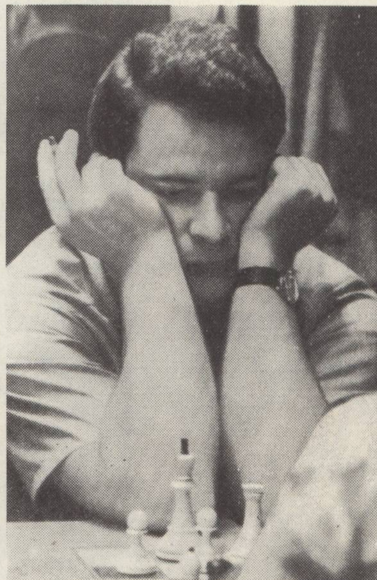
Боре Спасскому было четыре года, когда зимой 1941 года его вместе с другими ленинградскими ребятами вывезли из осажденного Ленинграда. Машины с детьми прошли «Дорогой жизни» по льду Ладоги под обстрелом фашистов.

До конца войны Боря жил в детском доме в Кировской области. Там он и научился играть в шахматы, раньше чем научился читать и писать. Вернувшись после войны в Ленинград, Боря стал заниматься в шахматном клубе Дворца пионеров и вскоре добился больших успехов.

В 1947 году десятилетний шахматист впервые выступил в юношеском первенстве РСФСР. Одна из его партий на этом турнире была отмечена специальным призом как самая красивая. Еще через год Боря получил первый спортивный разряд. В шестнадцать лет он стал международным мастером, а еще через три года — гроссмейстером.

«Шахматную корону» мира Спасский завоевал в 1969 году, выиграв матч у Петросяна.

Борис Спасский.



Это стихотворение написала Мари **МИНАСЯН.** Она учится в 7-м классе школы № 73 г. Еревана.

Ненастье

Гром далекий слышен,
Небеса в печали,
Капельки по крышам
Мерно застучали.

Ночь сошла на землю,
Все вокруг в покое,
Все тихонько дремлет,
Мирное такое.

Лишь дождю не спится —
Гулкий, непрестанный,
Он в окно стучится,
Словно гость незваный.

Два года тому назад по радио объявили: все ребята, которые любят рисовать и думают, что у них хорошо получается, пусть принесут свои работы. И сказали, куда и когда приносить.

Повторять объявление не пришлось. Рисунков притащили великое множество. Не первые попавшиеся, а самые лучшие. Взрослое жюри — искусствоведы и художники — выбрало из них самые лучшие. А из лучших самые лучшие красиво развесили в больших залах и открыли в городе Ереване первую в мире

ДЕТСКУЮ КАРТИННУЮ ГАЛЕРЕЮ.

Рисунки, которые напечатаны на этой странице, наш корреспондент привез из Еревана, а рассказал о галерее Карен Сбматян, главный художник ереванского «Пионера».

— Не знаю, как они добиваются этого, — говорит художник, — но я смотрю на рисунки ребят и вижу Армению и армян. Попадись мне в любой части света эти рисунки, я угадаю, что родились они тут, в Армении. Нет, не в том дело, что на картинах много солнца и почти на каждой горы, — человек рисует то, что видит каждый день. Но откуда ребята знают те сочетания красок, которые нравились старым армянским мастерам?! Может быть, они у нас в крови, эти краски? Может быть, наши горы их нам подсказывают...

Гоар САНОЯН (12 лет).
Свою картину она назвала «ОХОТА».

Анаит **МАНУКЯН**
из города Абовяна.

Зима

Кружит белый снег
Над тихим леском,
Гора и овраг
Укрыты платком.

Журчавших
ручьев
Молчат голоса,
По снегу в лесу
Петляет лиса.

А чуть в стороне,
На стужу сердит,
Под дубом дрожа,
Зайчонок сидит.

КОНЬ. Рисунок Арутюна **АРУТЮНЯНА** (8 лет).

Я вижу мою Армению, но Армению, которая стала страной-сказкой.

Это тоже прекрасное право художника — реальный мир превращать в сказку, а сказке придавать обыденные черты. По озеру Севан запросто плавают киты, по склонам знакомых гор карабкаются невиданные звери. Я узнаю Севан, узнаю очертания гор и верю, что сказка поселилась со мной по соседству. Зато Давид Сасунский, настоящий богатырь из настоящей сказки, выглядит обычным мальчиком, у него даже доспехов нет. Но он так торжествующе, смело, победоносно летит на могучем скакуне, что веришь в его силу и непобедимость.

Здесь вообще много красивых, мастерски написанных картин. Посмотрите, как нежно, изящно изображена лань на рисунке Гоар Саноян. А у Арутюна Арутюняна, напротив, сочетания черного и белого цветов передают напряженный момент: конь прыгает через пропасть. Но все-таки не это, по-моему, самое главное. Даже мне, художнику, важнее в этих картинах не мастерство, а люди, которые их написали. Мне нравится, что они глубоко чувствуют красоту нашей горной страны, что привлекает их рыцарство и отвага, что они все видят и рисуют по-своему.

Для этого тоже смелость нужна!

В. ПЕТРОСЯН
учится в 5-м классе.

Фартук моей куклы

Сшила я фартук
Кукле моей,
В нем и удобно
И весело ей.

Фартук похож
На красивый
букет —
Синий, зеленый,
Розовый цвет.

Если б умела
Она говорить,
Стала б меня она
Благодарить!

ДАВИДА САСУНСКОГО, героя армянского эпоса, ты видишь на рисунке Ары **ЕРЕМЯН** (9 лет).

В народных армянских сказках часто смеются над трусливым царем по прозвищу Храбрый Назар. Вот как изображает Храброго Назара Наируи ДАРБИНЯН.

Сине-желтый мир

Мальчик рисовал солнце и луну,
Знать не знал того, что на небесах,
Если солнце есть, значит, нет луны,
Если есть луна, солнца не видать.

Мальчик рисовал жаркий летний день,
Дом, а из трубы дым вовсю валит;
Не бывает так — знали все вокруг,
Только он один
Этого не знал.

А когда его стали укорять,
Он сказал, что есть мир совсем другой,
Где видны тому, кто готов смотреть,
Солнце, и луна, и летящий дым.

Ты от этих слов сам ребенком стал
И поверил ты, будто где-то есть,
Будто где-то есть, будто где-то есть
Солнце-лунный день,
Лунно-солнцный день.

Вардун АРУТЮНЯН
живет в Ереване,
учится в 8-м классе.

Бэц

В эту игру в Молдавии любят играть и ребята и взрослые. В ней могут принять участие десять — двенадцать человек.

Все берут палки, встают в круг и выбирают ведущего. Потом ведущий начинает какой-нибудь быстрый танец. Его танцуют все, и ведущий произносит веселые частушки, считалки, просто ритмичные четверостишия.

Неожиданно ведущий останавливает танцующих и говорит:

— Развернуться в цепь!

Все участники встают в ряд друг за другом, верхний конец палки придерживают правой рукой, а нижним упираются в подъем правой ноги, а потом по команде ведущего отбрасывают палки в сторону. (Посмотри на рисунок, и тебе станет ясно, как это делается.)

Чей «бэц», то есть чья палка, упадет ближе всех, тому и водить.

Зайчик

В эту игру на Украине играют и зимой и летом. Команда состоит из шести человек. Сначала все встают в круг и считаются. Кто первым вышел, тот и водит — бросает мяч.

Как нужно стоять во время игры, видно на рисунке.

Мяч по очереди бросают так, чтобы, ударившись о стенку, он упал на землю и подскочил. Каждый должен поймать его левой или правой рукой или двумя руками сразу.

«Зайчик» — игра на ловкость и внимание. Каждый пойманный мяч — очко. Кто не поймает мяч, тот теряет

Чей «бэц», то есть чья палка, упадет ближе всех, тому и водить.

очко и пропускает ход. А кто наберет пятьдесят очков, тот и выиграл.

Теперь можно начать игру сначала, но уже придумать другие задания. Какие? Здесь вам дается полная свобода. Чем труднее задания, тем интереснее играть.

Думаем, что эта игра украинских ребят вам понравится.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

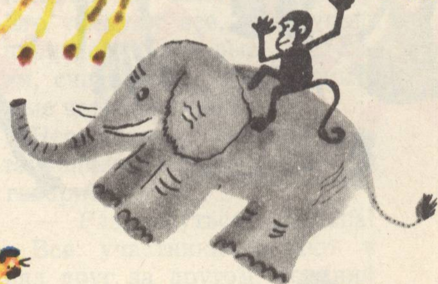
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

ШКОЛА ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

В школе птиц и зверей
Нет ни стен, ни дверей,
Школа птиц и зверей
Велика.
Слева — классы лесов,
Справа — классы морей,
Вместо крыши над ней —
Облака.
Там порядок таков:
Никаких дневников,
Четвертей и контрольных работ.
У доски ученик
Говорит «чик-чирик»
Или просто мурлычет, как кот.
И совсем не суров
У зверей и птенцов
Их учитель — задумчивый грач.
Он прислал всем привет
И квадратный пакет
Занимательных игр и задач.



Зоб пеликана

Сколько литров воды вмещает зоб пеликана? Столько, сколько пальцев на обеих лапах попугая, плюс число букв, из которых состоит название дикой австралийской собаки, которая никогда не лает.

Осторожней, АНАКОНДА

Анаконда — самая большая змея в мире. В ней столько метров, сколько месяцев бывает кенгуренку, когда он покидает сумку своей матери, плюс половина числа щупальцев у спрута.

Со скоростью льва

Знаете ли вы, сколько километров может пробежать в час лев, когда он гонится за антилопой? Я вам немножко подскажу. Скорость льва равняется сумме чисел, обозначающих две параллели, одна из которых делит пополам остров Мадагаскар, а другая — Гудзонов залив, или удвоенному числу лап льва, умноженному на длину анаконды.

Примечание Живживки: Если вам не удалось справиться со второй задачей, то, может быть, третья задача поможет вам решить ее.

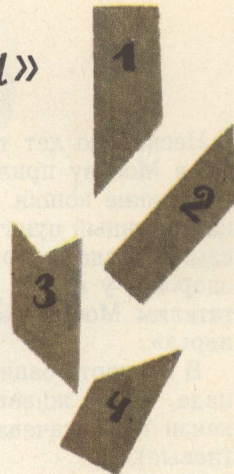
До скорой встречи.

ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ БУДУЩЕГО

«Тамикабурастинизита»

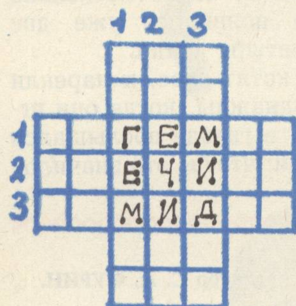
Не странно ли, что на марсианском языке слово «терпение» тоже начинается с буквы «т», и звучит оно так: «тамикабурастинизита». Это самое длинное слово у марсиан, и нужно терпение, чтобы его выговорить. Но еще больше терпения потребуется, чтобы сложить букву «т» из четырех кусочков картона, которые вы видите на рисунке. Попробуйте это сделать. Кстати, проверите, есть ли у вас тамикабурастинизита или нет.

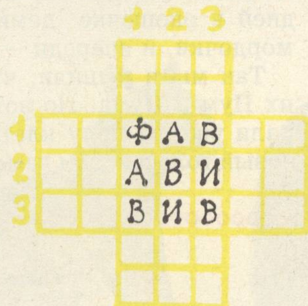
Журнал «Галактика» № 3 за 1999 год.

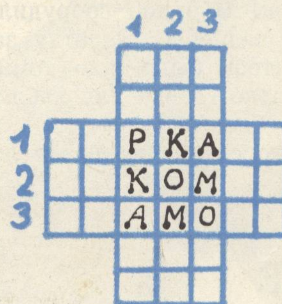


УПРЯМЫЕ КВАДРАТЫ

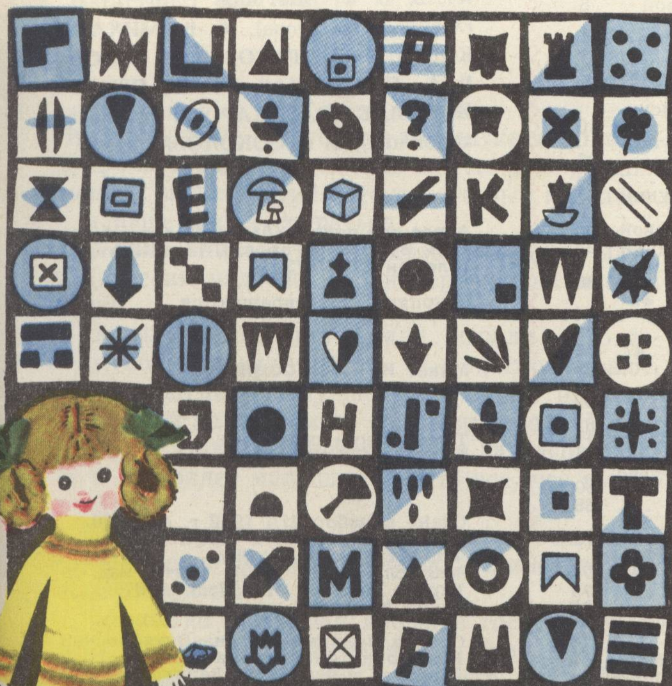
Квадраты внутри каждой из этих фигур очень «упрямые». Но вы, надеюсь, еще упрямее. Докажите это. Заполните фигуры буквами так, чтобы по горизонтали и по вертикали читались одинаковые слова из семи букв, и пусть третье слово третьей фигуры будет вам наградой.







Докажите, что у вас самый острый в мире глаз



Эта необычная таблица представляет собой мишень для стрельбы из лука, привезенную Живживкой из страны «Ну-и-ну».

Стрелок должен послать шесть стрел в три пары одинаковых рисунков. На поиски этих рисунков дается три минуты. Проверьте, уложитесь ли вы в это время?

Ответ на задачи из № 3

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Если вы обратили внимание на трубку телефона, то сразу догадались, что круглая резинка кому-то звонила.

ПРЕВРАТИТЕ КОРУ В СОЛЬ ВОТ ТАК:

кора, пора, порт, борт, болт, боль, соль.

КТО Я?
Железнодорожник.

ГДЕ БЛИЗНЕЦЫ?

Сумма чисел на двух портретах должна быть равной.

Мурка-Макензи

Несколько лет тому назад из далекой Канады в Москву прилетели на самолете две крупные дикие кошки. С аэродрома их доставили в карантинный пункт, где они прожили целый месяц. А когда ветеринарные врачи убедились, что здоровье у гостей хорошее, им, как и всем обитателям Московского зоопарка, выдали «паспорта».

В паспорте записали: место рождения — Канада, вид животного — пума, клички — Макензи и Саскачеван (старые), Мурка и Васька (новые).

Паспорта с тех пор хранятся в научном отделе зоопарка, и в них вносят все важные события в жизни их владельцев.

Летом прошлого года в паспорте Мурки в графе «семейное положение» появилась запись: «4.VIII.71 года принесла потомство».

Накануне этого важного события ее перевели в отдельное просторное помещение из двух больших смежных клеток. В одной соорудили деревянный ящик вроде пещеры. Решетку зашили листами фанеры, чтобы было тихо, темно и спокойно, оставили только глазки для наблюдения.

Мурка первым делом обследовала новое логово. Долго, с опаской изучала она незнакомый ящик, от которого пахло свежей древесиной. Проверила прочность стенок, крыши, много раз заглядывала внутрь, но войти долго не решалась. Потом вдруг, дня через два исчезла. Забралась внутрь и больше не появлялась. Завтрак и обед съедала по ночам. Но вот однажды еда осталась нетронутой, а наутро мы услышали писк. Сколько было малышей — никто не знал. Целый месяц Мурка почти не выходила из своего логова, целый месяц мы только по писку и мурлыканью знали о том, что все семейство живо, здорово. Пытались по голосам определить, сколько котят в гнезде, но нам это не удавалось.

Прошло два месяца, и вот один из котят решил показаться. Боязливо озираясь, он выглянул из-за порожка ящика, показал нам свою пятнистую рубашечку-шкурку, шевельнул ушами-локаторами и скрылся. А через несколько дней в окошечке домика появились уже две мордочки, и впереди — четыре лапки.

Так мы и решили, что котят двое, и нарекли их Пум и Пума. Но вот однажды, когда они играли уже на полу клетки, в гнезде послышался новый голосок. Мы замерли: что бы это значило?

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

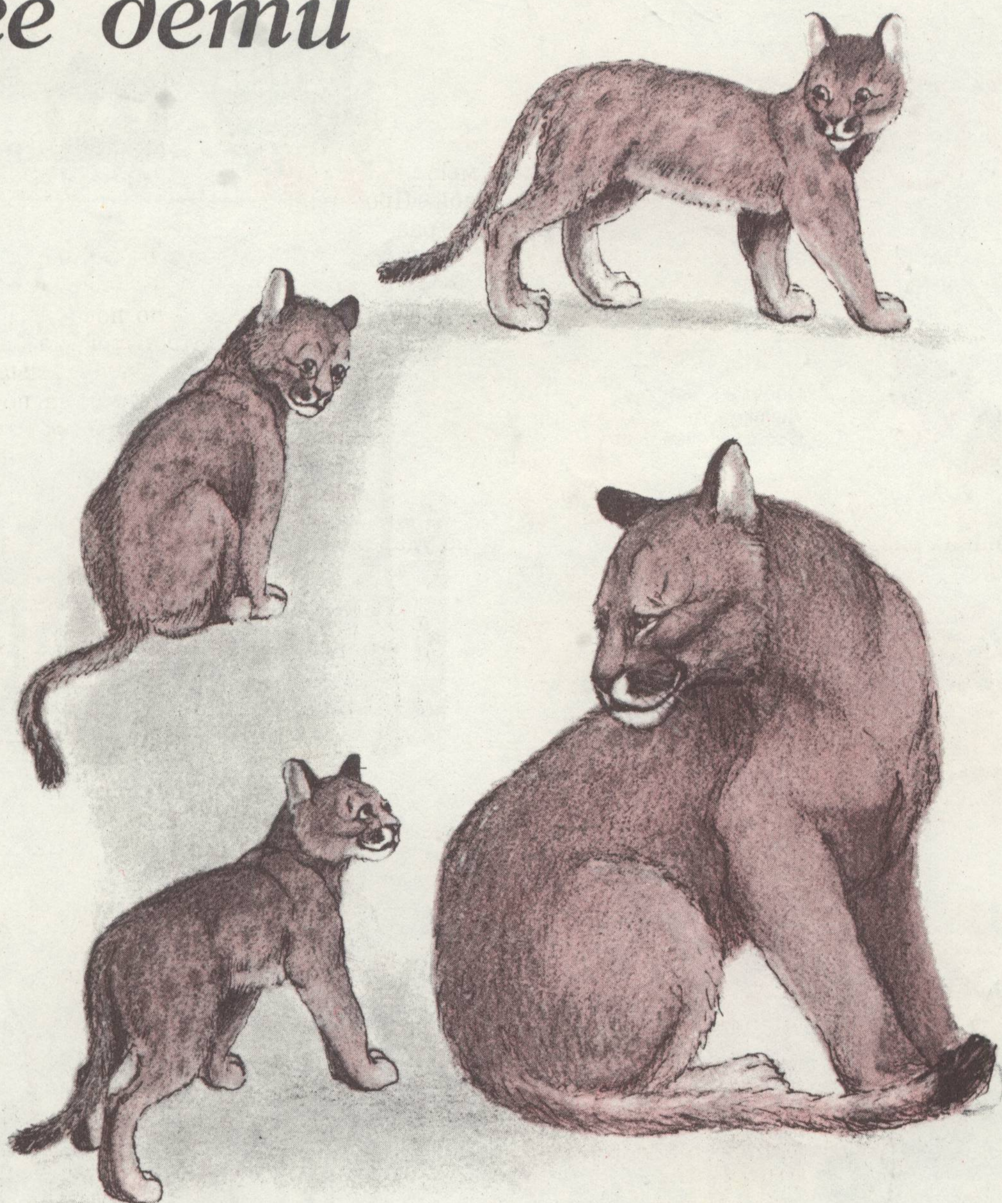
Макет **К. М. ВЫСОЦКОЙ.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 21/I 1972 г. А 00880.
Подписано к печати 3/III 1972 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈.
9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 679.
Заказ № 2497.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

и ее дети



Прислушались: будто кто-то мяукает, пищит. Скоро из гнезда, спотыкаясь на еще не окрепших лапках, вылез третий котенок. Он был послабее, поменьше своих собратьев.

К зиме они все трое подросли, молоко материнское им надоело, и они перешли на мясной фарш.

Целыми днями они бегали, играли — то затеют борьбу между собой, то в прятки играют, то прыгают на крышу своей «пещеры» или охотятся друг за другом. А то прижмутся к полу и ползут в атаку на Мурку. А она зажмурит глаза и позволяет малышам делать все, что им захочется.

Между прочим, пумы хорошо приручаются и привыкают к человеку, конечно, если к ним ласково относиться.

Несколько лет назад я был в гостях у чешских друзей и познакомился в Пражском зоопарке с молодой пумой. Она ходила как верный пес на поводке у хозяина. Ее можно было погладить, приласкать, и в ответ она дружелюбно мурлыкала. Ее выпускали даже на свободу, и она подолгу гуляла в лесу, по соседству с Пражским зоопарком, а потом приходила на зов человека.

В природе эти крупные кошки ведут скрытый образ жизни, но для человека безопасны, никогда на него не нападают. При встрече пума уступает дорогу и старается бесшумно скрыться в зарослях травы или в лесной чаще.

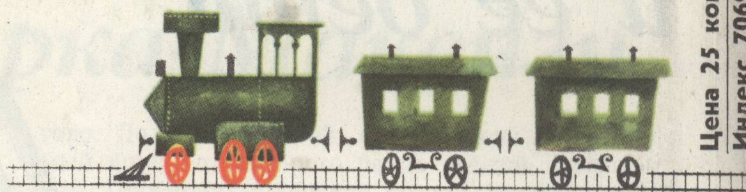
За последнее десятилетие охотники активно истребляют этих животных ради великолепной шкуры. Видимо, пора взять их под охрану, чтобы спасти от полного исчезновения.

Директор Московского зоопарка
И. СОСНОВСКИЙ

Художник П. ПАНЧЕНКО побывал в зоопарке, когда малышам было три месяца, и нарисовал их для «Пионера».

Франтишек ГРУБИН
Рисунки Е. СОКОЛОВОЙ.

Часы



Цена 25 коп.
Индекс 70694

Поезд – в шесть.
Ленивый Ян
Собирает чемодан.

1

Прибыл он на этот раз
С опозданием на час.

2

„Всё! – решил ленивый Ян. –
Я продам большой диван,

3

Стулья, шляпу и пальто,
Но куплю часы зато".

4

Тик-так, тик-так,
Прыгают минутки!
Тик-так, но часы
Отстают на сутки.

5

Тик-так, тик-так!
...И опять на поезд
Опоздал чудак.

6